

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА**

Н. В. Козыкина

**МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ:
СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ**

**Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2012**

УДК 314.74 (571.54/55)
ББК 60.546.7
К593

Рецензенты:

К. В. Калинин, доктор исторических наук, профессор
Л. И. Сизикова, начальник управления Федеральной
миграционной службы по Забайкальскому краю

Научный редактор

В. И. Михайленко, д-р исторических наук,
заслуженный деятель науки РФ, профессор

Козыкина, Н. В.

К593 Миграционные процессы в Забайкальском крае: состояние
и тенденции развития : [монография]. — Екатеринбург : Изд-во
Урал. ун-та, 2012. — 160 с.

ISBN 978-5-7996-0801-9

В монографии анализируются процессы международной миграции в ее проекции на Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). Автор исследует региональные особенности китайской миграции и определяет значимость китайского фактора для экономического и геополитического развития Забайкальского края, представляющего собой важный геостратегический район, входящий в состав быстроразвивающегося Восточноазиатского региона.

Монография выполнена в рамках проекта «Влияние глобализирующегося китайского региона на Забайкальский край» (ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., шифр заявки «2009-1.1-303-074-002»).

Научное издание адресовано магистрантам, аспирантам, преподавателям, руководителям предприятий и организаций, всем тем, кто интересуется актуальными проблемами современной международной миграции.

УДК 314.74 (571.54/55)
ББК 60.546.7

ISBN 978-5-7996-0801-9

© Уральский федеральный университет, 2012
© Козыкина Н. В., 2012

ВВЕДЕНИЕ

В сложившихся условиях глобального взаимодействия цивилизаций решение экономических, социальных, политических, демографических, идеологических, религиозных и других вопросов становится невозможным без учета их миграционного измерения, поскольку миграция, проявляя свой противоречивый характер, может являться как фактором нестабильности, так и инструментом интенсивного развития любой страны или региона.

Исследования международной миграции населения показывают, что рассуждения о проблемах миграции в современном мире ведутся в широком спектре парадигм, от мультикультуралистской до консервативно-охранительной, крайними точками выражения которых являются интеграция и ассимиляция мигрантов соответственно.

Обострение проблем мигрантов в ряде европейских государств ярко свидетельствует о том, что концепция мультикультурализма, доминирующая во внутренней политике большинства стран Запада с 70-х гг. (с присущими ей принципами недискриминации и поддержания культурного многообразия), фактически способствовала постепенному ослаблению национальной идентичности в этих странах, что в конечном счете привело к росту этнической замкнутости, формированию закрытых этнических и религиозных ареалов. Германия, Франция и Великобритания уже открыто признали несостоятельность политики мультикультурализма, заявляя о необходимости перехода к «мягкому либерализму», при котором национальная идентичность формируется за счет демократии, равных прав, верховенства закона и свободы слова, а индивидуальная интеграция граждан в единое гражданское общество поддерживается вне зависимости от национальной и религиозной принадлежности.

Поскольку современная международная миграция имеет локализованный характер, анализ региональных особенностей миграционной обстановки и миграционной взаимозависимости определенных стран имеет особое значение в контексте происходящих в мире интеграционных процессов. Особый интерес представляет опыт миграционного взаимодействия в странах Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), а именно в Северо-Восточной Азии, где Россия и Китай наконец-то приступили к реализации экономической интеграции и созданию в перспективе единого экономического пространства.

Одним из важных аспектов российско-китайских отношений как на межгосударственном, так и на региональном уровне является китайская миграция, которая уже сама по себе несет интеграционные взаимосвязи, играя при этом довольно противоречивую роль в экономическом развитии Забайкальского края. Необходимость интеграции края в Северо-Восточную Азию очевидна. Во-первых, все ключевые сферы жизнедеятельности Забайкалья в условиях трансграничья в той или иной мере определяются его взаимодействием с Китаем. Во-вторых, реализация заявленных правительством Российской Федерации программ социально-экономического развития Дальнего Востока и Забайкалья тесно связаны с решением проблем не только внутренней, но и внешней миграции населения.

Миграционная тематика в научной литературе представлена довольно обширно, что обусловлено комплексным характером исследования самого феномена миграции. Изучение литературы по исследуемой нами проблематике показало, что китайская миграция рассматривается с точки зрения нескольких концептуальных подходов.

Например, «китаеведческий» подход представляют труды А. Д. Воскресенского, В. Г. Гельбраса, В. В. Карлусова, А. Г. Ларина, С. Г. Лузянина, П. А. Минакира, А. В. Островского, В. Я. Портякова, М. Л. Титаренко и других ученых. В рамках «демографического» подхода китайская миграция исследуется Ж. А. Зайончковской, Л. Л. Рыбаковским, О. Д. Захаровой

и другими. «Региональный» подход представлен прикладными исследованиями таких дальневосточных ученых, как В. Г. Дацышена, В. И. Дятлова, А. П. Забияко, В. Л. Ларина, Л. А. Понкратовой, Н. Н. Приходько, Р. А. Кобызова, Е. Л. Мотрич и многих других. Немногочисленные работы забайкальских исследователей, например, Е. В. Артющенковой, Н. В. Гордеева, С. Н. Грибовой, А. З. Намдакова, А. П. Кузьминых, О. В. Стельмашенко, С. В. Таскаевой лишь частично затрагивают отдельные региональные или отраслевые аспекты китайской миграции. Подчеркивая высокий научно-теоретический и практический уровень научных изысканий указанных авторов, следует все же признать недостаточную научную разработанность проблем международной миграции именно в Забайкальском крае, что, на наш взгляд, является следствием отсутствия системных исследований данного явления в регионе. До сих пор практически отсутствуют работы по правоприменительной практике в отношении внешней миграции на территории края, нет обзорных сравнительных исследований, мало изучена незаконная миграция.

В отличие от ранее проводимых исследований для анализа китайской миграции в монографии применяется концепция «миграционных систем», которая позволила доказать, что формирование устойчивой взаимозависимости России и Китая на пути к экономической интеграции в немалой степени зависит от их миграционного взаимодействия. Что касается непосредственного содержания этого взаимодействия на территории Забайкальского края, то оно должно заключаться не только в оптимизации регионального развития приграничных территорий, но и в использовании миграционного потенциала в национальных интересах каждой из сторон, прежде всего российской.

Определяющее значение для исследования имели малодоступные для читателей местные ведомственные документы Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Забайкальскому краю, Управления Федеральной миграционной службы России по Забайкальскому краю,

Министерства международного сотрудничества и внешнеэкономических связей и туризма Забайкальского края, а также личные интервью.

В первой главе монографии с точки зрения как традиционных, так и современных концептуальных подходов анализируются многообразные факторы, неоднозначно воздействующие на миграционные процессы, которые ведут к основательному изменению миграционной картины мира. Во второй главе современные тенденции международной миграции исследуются в исторической ретроспективе, более подробно рассматривается китайская миграция в ее политическом измерении. Особый интерес представляет третья глава, где анализируются важнейшие аспекты и тенденции, характерные для деятельности китайской общины в абсолютно иных, по сравнению с прошлыми десятилетиями, общественно-экономических условиях в Забайкальском крае.

Искреннюю признательность за доброжелательное сотрудничество и творческую поддержку в подготовке монографии хотелось бы выразить начальнику УФМС России по Забайкальскому краю Л. И. Сизиковой и ее сотрудникам, а также заведующему кафедрой востоковедения Забайкальского государственного университета, доктору философских наук, профессору Н. А. Абрамовой.

Глава 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ

1.1. Системный подход в изучении международной миграции

Еще во второй половине прошедшего столетия человечество осознало, что решение любых экономических, социальных, политических, демографических, идеологических, религиозных и других вопросов невозможно без учета их миграционного измерения и без совместных усилий всего мирового сообщества. Важную роль в этом процессе сыграли Всемирные конференции ООН по народонаселению (в 1974 г. в Бухаресте, в 1984 г. в Мехико и в 1994 г. в Каире), на которых были рассмотрены острые демографические проблемы, в том числе и непосредственно вопросы миграции.

Особого внимания заслуживает Каирская конференция ООН (1994 г.), на которой впервые официально в итоговом документе международная миграция признавалась взаимовыгодной формой международных отношений. Миграция включалась в контекст экономического развития, и ее предлагалось рассматривать в качестве позитивного фактора развития принимающего государства, благоприятно воздействующего на все стороны жизнедеятельности проживающего в нем населения, в том числе и самих мигрантов. В частности, говорилось о том, что «упорядоченная международная миграция может оказывать позитивное воздействие как на общины происхождения мигрантов, так и на принимающие общины, обеспечивая первым источник денежных поступлений, а вторым — необходимые людские ресурсы» [187].

Выявив коренные причины миграции, участники конференции предложили расширить сотрудничество и диалог между странами

происхождения и принимающими странами, с тем, чтобы добиться максимальной выгоды от миграции для заинтересованных сторон и повысить вероятность того, что миграция будет оказывать положительное воздействие на развитие как стран происхождения, так и принимающих стран. Впервые речь шла о создании организованных форм миграционного сотрудничества, с помощью которых можно было более эффективно регулировать глобальные миграционные процессы.

В результате усилий международного сообщества в области регулирования международной миграции миграционные процессы были отнесены к категории глобальных проблем, оказывающих воздействие на направления и интенсивность всех наиболее значимых политических, экономических и социальных процессов в мире, и тесно связаны с проблемами устойчивого развития [68, с. 89].

В течение долгого времени в развитии теоретических представлений о миграции безусловный приоритет принадлежал демографии, экономической науке и социальной географии. Единства по вопросу о природе, причинах и последствиях миграционных процессов нет до сих пор, поскольку «миграция слишком многообразна, чтобы ее можно было объять единой теорией» [104].

Проблема комплексного изучения миграции, основанного на междисциплинарном подходе, была обозначена американскими социологами в 1993–1994 гг. Например, Д. Массей предложил исследовать миграционные процессы с помощью синтетической теории миграции, которая интегрирует теоретические положения уже существующих классических теорий миграции. В условиях глобализации определяющая роль в анализе миграционных процессов принадлежит экономическому фактору. По теории Массея, среди факторов, влияющих на миграционные процессы, доминирующими являются социальные сети. Миграция исследуется как естественное следствие социальной, политической, экономической интеграции, как процесс, характеризующийся ограниченным сроком жизни, несмотря на сильные тенденции к самосохранению и укреплению [65, с. 149; 218].

В отечественной науке разработкой общей теории миграционной подвижности населения, основанной на ее системном изучении, законе подвижности населения и усилении социально-экономической необходимости миграционного движения в общественном прогрессе занимается вполне самостоятельное научное направление — миграциология [37]. Анализ миграции с позиции междисциплинарного подхода также представлен работами Ж. А. Зайончковской, И. Н. Молодиковой, В. И. Мукомеля и других авторов [62].

Одну из наиболее полных классификаций научных подходов к изучению миграции населения, по мнению многих экспертов, представил ведущий российский ученый в области изучения международной миграции населения В. А. Ионцев [124, с. 52–71]. Он выделил 17 основных подходов: экономический, демографический, миграционный, социологический, политический, системный, географический, экологический, исторический, этнографический, психологический, биологический, генетический, философский, юридический, типологический, методологический. Разнообразие этих подходов как нельзя лучше демонстрирует комплексный характер изучения миграции, «позволяющий определить более обширный круг идей и охватить более обширный массив эмпирической информации, важной для последующих исследований» [82, с. 9].

Каждый из научных подходов рассматривает проблемы, связанные с миграционными процессами, обозначая специфику своего предметного поля. Одни изучают миграционные процессы на макроуровне, исследуя политические, правовые и экономические аспекты миграции. Другие — на микроуровне, т. е. исследуют процесс формирования решений индивидов и семейств, а также изменения, происходящие под их влиянием в рамках социологии, этнографии, истории. Третьи — на мезоуровне, т. е. анализируют социальные связи в рамках антропологии.

Вместе с тем между научными подходами идет довольно интенсивный обмен идеями, не позволяющий провести какую бы то ни было границу между школами. Так, историки опираются на

многие теории, сформулированные социологами. Демографы все больше обращают внимание на теории социологов, экономистов и политологов. Правоведение инкорпорируется во все социальные науки и историю. Политология заимствует идеи из экономики, социологии и юриспруденции. У антропологии много общего с историей и социологией. Экономисты также сотрудничают с демографами, социологами и историками.

Таким образом, взаимопроникновение научных подходов еще раз доказывает необходимость «изучения миграции как самостоятельной и полноправной общественной науки, ... теория и методология которой имеют подчеркнуто междисциплинарный характер» [144, с. 30].

Более полно понять миграционную картину мира позволяет системный подход, поскольку он рассматривает миграцию населения не как единичное явление, а как своеобразную «миграционную систему» с достаточно большим набором разнообразных элементов в виде связей, взаимодействий и изменений, происходящих на макро- и микроуровне в связи с участием стран/районов/обществ/индивидуумов в миграционных процессах [43]. Другими словами, с одной стороны, международная миграция анализируется как результат индивидуальных решений, с другой, она изучается в контексте мировых потоков капиталов и товаров, а также действия глобальных политических, экономических и культурных факторов. Системный подход предполагает и интегральный уровень изучения миграционных процессов, объединяющий структурный и индивидуальный подходы, когда в условиях опыта возможно включение наблюдателя.

Объединяя различные концепции международной миграции, системный подход доказывает, что миграционные потоки между странами выезда и странами въезда определяются сложной системой взаимосвязей между многочисленными и разнообразными воздействующими на миграцию факторами, что в свою очередь позволяет объяснить направление и динамику миграционных потоков. Сразу же отметим, что хотя экономические факторы и предопределяют миграционные потоки, одновременно возрастает

значение и иных структурных факторов. Рассмотрим их несколько подробнее.

1. Экономический фактор. Самой фундаментальной причиной миграции является неравномерность экономического развития государств, т. е. неравенство между «золотым миллиардом» и бедными странами [142, с. 50]. Движущей силой современной миграции становится неравенство доходов, разный уровень жизни и экономических возможностей населения, как следствие — растущая поляризация мира. Отсюда и основное направление межстрановых миграционных потоков — из регионов с низкими заработными платами в более успешные по уровню жизни и занятости регионы [46, с. 4].

Среди экономических факторов особое место занимает экономический рост ряда развивающихся стран, который, казалось бы, должен приостановить эмиграцию местного населения в более развитые страны. На самом деле этого не происходит. Причина видится в том, что в связи с экономическим ростом в развивающихся странах повышается уровень жизни, доходы населения растут, соответственно у потенциальных мигрантов появляются средства, которые могут удовлетворить их потребности в более достойном уровне жизни за рубежом. И они стремятся уехать туда, где лучше. Дополнительным выталкивающим фактором избыточного населения становится процесс «модернизации» в развивающихся странах (например, в Китае этот процесс сопровождается ростом урбанизации и, как следствие, миграцией сельского населения).

2. Нарастание демографических диспропорций, или «глобальный демографический разлом между Севером и Югом» [46, с. 3]. Несмотря на то, что в общемировом масштабе население растет, причина дисбаланса заключается в том, что промышленно развитые страны (северные) пережили стадию демографического перехода, сохраняя низкие уровни рождаемости и смертности. Население этих стран «стареет», сохраняя низкие темпы естественного прироста. Напротив, для развивающихся стран (южных), находящихся на разных этапах модернизации, характерен высокий

уровень рождаемости и снижение уровня смертности, что приводит к высокому естественному приросту населения. Это сочетание создало демографический разрыв, даже превосходящий экономический разрыв между Севером и Югом [29, с. 357]. Как следствие, в развивающихся странах наблюдается избыток рабочей силы, в то время как в развитых — ее дефицит, который и покрывается за счет миграционного прироста.

Уже сегодня такие развивающиеся страны, как КНР, Индия, Индонезия, Бразилия, Пакистан, Бангладеш, Нигерия, Мексика, Филиппины, Вьетнам, Египет, Эфиопия прочно занимают верхние строчки среди 15 стран-лидеров по численности населения. Среди них в 2009 г. еще присутствовали США (3 место), Россия (9 место), Япония (10 место). Однако, согласно прогнозам ООН, когда в следующие 25 лет в мире родятся еще два миллиарда человек (в т. ч. 50 млн в развитых странах и 1 млрд 850 млн в отсталых), этот список изменится следующим образом: Индия станет государством с самым большим населением в мире — 1,6 млрд человек, Китай займет лишь второе место (1,4 млрд человек), США останется на третьем месте (404 млн человек), далее места соответственно займут Пакистан, Индонезия, Бангладеш, Бразилия, Эфиопия, Филиппины, Египет, Мексика. Россия опустится на 14-е место (по прогнозу ООН, ее население будет составлять 116 млн в отличие от 141 млн человек на 2009 г.). Япония опустится с 10-го на 17-е место [223].

Само собой разумеется, что эти демографические изменения будут сопровождаться дальнейшим углублением экономической пропасти между богатыми и бедными странами и свойственными ей проблемами. Как известно, совокупное население стран Севера занимает около 40 % мировой суши и составляет 1,2 млрд человек, или 20 % населения планеты. Приходящаяся на них доля мирового богатства еще больше, а значит, страны «северного кольца» озабочены ростом числа пришельцев с Юга, потому что «им есть, что терять». В этом случае учитываются интересы только одной стороны мирового миграционного взаимодействия — стран-реципиентов, которые пытаются сегодня возводить антимиграционную

стену. Что же касается другой стороны — стран-доноров, число жителей которых составляет почти 5 млрд человек, то они активно стараются преодолеть эту стену, понимая, что за ней они смогут достичь более высокого, чем у себя на родине, уровня жизни [113].

Считается, что увеличение численности беднейших стран планеты приведет к росту голода и нищеты, высокой безработице, неблагополучной санитарно-эпидемиологической обстановке, хронической бедности, межнациональным конфликтам и локальным войнам [132]. Однако сама по себе глубокая бедность не может привести к увеличению миграции. Во-первых, потому что у малоимущего населения отсутствуют достаточные средства на переезд и, во-вторых, они не способны оградить себя от опасностей, связанных с миграцией. В этом они прибегают к помощи мигрантов, ранее обосновавшихся в стране их назначения. С другой стороны, миграция неквалифицированной рабочей силы способствует сокращению масштабов и уровня нищеты в самих общинах происхождения [175].

3. Информационный фактор и развитие транспорта. Население развивающихся стран теперь быстрее получает информацию о наличии рабочих мест за рубежом по ТВ и Интернету, что позволяет снижать транспортные издержки на передвижение и увеличивает мобильность рабочей силы. Наличие дешевой связи с домом облегчает существование мигрантов, поддерживая более тесные контакты с семьей. Тем самым уменьшаются моральные издержки. Однако информационный фактор потенциально может создавать и дополнительную угрозу. Например, пакистанский эмигрант, в мае 2010 г. признавший свою вину в попытке организации террористического акта на площади Таймс-сквер, рассказал, что получал указания из Йемена через Интернет.

4. Миграционные сети. Связь между посылающими и принимающими странами отчетливо выражается в устойчивости миграционных потоков. Это объясняется, во-первых, тем, что развитые страны, имеющие колониальное прошлое, и сейчас сохранили культурные и экономические связи с бывшими колониями. Во-вторых, костяк международных мигрантов составляют

члены домашних хозяйств со средним доходом. Обустроившись за рубежом, они помогают друзьям и родственникам, призывая последовать их примеру. Они становятся важным источником информации о качестве жизни в странах Запада, возможностях трудоустройства, условиях жизни и доходах. Новичкам помогают познакомиться с окружением и решать самые разные проблемы. В результате расходы и риски миграции снижаются, что позволяет менее обеспеченному, но не самому бедному населению влиться в миграционный процесс. Примером устойчивых миграционных сетей может служить турецкая миграция в западноевропейские страны (в частности, в Германию), африканская миграция во Францию, нелегальная миграция из Мексики в Америку, молдавская миграция в Южную и Западную Европу. Основной приток рабочей силы в Россию обеспечивается за счет граждан СНГ (в большей степени это Казахстан, Украина, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан). Наиболее мощные миграционные сети, по мнению экспертов, созданы китайцами. Китайские миграционные общины становятся самостоятельными анкклавами в экономической и социальной структуре принимающих стран.

Кроме того, рост транснациональных общин сопровождается увеличением числа лиц с двойным и многонациональным гражданством и национальной принадлежностью, которые по-прежнему числятся и в странах своего рождения, и в странах назначения.

5. Современные реалии позволяют причислить к вышеназванным факторам семейные стратегии, когда решение о миграции принимается не индивидуально самим мигрантом, а, например, главой семьи, который решает, кто из членов семьи и где будет работать.

6. Не последнюю роль в выборе места назначения мигрантов (особенно рабочей силы) играют посредники. В этом случае мигранты часто рискуют остаться обманутыми и без документов, в полной зависимости от работодателя.

7. И, наконец, социальный фактор, который выражается в возможности получить образование или повысить квалификацию в другой стране, а также заключить брак с иностранным гражданином.

Таковы в общих чертах факторы, обуславливающие современные глобальные миграции.

Концептуальной основой нашего научного исследования послужила теория «миграционных систем», получившая развитие в рамках системного подхода в начале 90-х годов благодаря американским ученым М. Критц, Х. Злотник, Л. Лим и др. Согласно данной концепции между миграционными процессами стран выезда и определенными странами въезда имеется значительная взаимозависимость. В результате миграции образуется некое объединенное пространство с устойчивыми миграционными потоками, в которое входят и страны выезда и страны въезда. Для понимания динамики миграции необходимо рассматривать систему в целом. Поэтому международная миграция должна исследоваться в конкретном историческом, экономическом, социальном, политическом и демографическом контексте миграционного взаимодействия определенных стран (группы стран) [25, 104, 145, 147, 148, 149, 150, 151, 157, 165, 166]. В отечественной науке концепция миграционных систем получила свое развитие в работах И. В. Ивахнюк [42, 43], М. Л. Тюркина [95].

Систематизируя миграционные процессы, связывающие страны выезда и въезда, концепция обнаруживает существование нескольких мировых и региональных миграционных систем, т. е. групп стран с относительно масштабными и устойчивыми миграционными связями. При этом определенная миграционная система должна состоять как минимум из двух стран, хотя в идеале она может состоять из многих (всех) стран, связанных широкими миграционными потоками. Иначе говоря, страны, взаимодействующие в рамках миграционной системы, являются ее элементами. Демографические и экономические характеристики стран — это свойства элементов, определяющие место этих элементов в системе. Представление о строении и функционировании системы дает совокупность отношений и взаимосвязей между странами. Системообразующими факторами миграционной системы являются исторические связи между странами, их демографическое и экономическое взаимодополнение, наличие единой цели (например,

оптимизация условий регионального развития), которая реализуется через устойчивое миграционное взаимодействие. Миграционные связи между странами системы воздействуют на сами эти страны таким образом, что их развитие в результате становится в той или иной степени «миграционно обусловленным» и приобретает свойства, порожденные внутрисистемными связями. Устойчивость миграционных связей определяется как историческими причинами (колониальные отношения или политические союзы), так и взаимной экономической заинтересованностью стран в миграционном обмене (так появляется миграционное движение определенной направленности). Роль государства в возникновении и влиянии на миграционные потоки не игнорируется [149].

Миграционная система определяется как «группа стран, связанных между собой относительно масштабными и устойчивыми миграционными потоками, которые являются результатом действия исторических, культурных, экономических, демографических и политических факторов и приводят к структурным трансформациям в странах въезда и выезда мигрантов, воспроизводящим направление миграционных потоков и придающим этим потокам устойчивость» [42].

Миграционные системы остаются открытыми, поскольку, кроме устойчивых «внутренних», внутрирегиональных миграционных потоков, они связаны множеством миграционных связей с другими, «внешними» для них, странами и регионами, не входящими в данную миграционную систему. При этом меньшие миграционные системы могут являться частью более крупных систем, т. е. миграционная система может включать в себя подсистемы. Например, миграционная система Франция — Северная Африка входит в одну из мировых миграционных систем, центр которой — Европа.

Кроме того, миграции, ранее обосновавшиеся в стране въезда, формируют миграционные сети, благодаря которым новички адаптируются, используя опыт и помощь своих земляков. Эти миграционные сети также довольно устойчивы и способны поддерживать миграционный процесс даже в условиях применения

ограничительной иммиграционной политики или в случае экономического спада в стране-реципиенте.

Согласно концепции, внутри миграционной системы также существуют относительно многочисленные самоподдерживающиеся миграционные потоки людей, товарные и финансовые потоки, которые связаны между собой политическими, экономическими и культурными связями. Эти миграционные потоки непостоянны: они могут менять направление, исчезать или появляться. Изменяются и причины их появления. Например, денежные переводы мигрантов на родину стран-экспортеров, являясь важным источником финансовых ресурсов, со временем могут стать стимулом для новых волн миграции. Между странами активного миграционного обмена увеличивается также и товарооборот.

В рамках концепции выделяется пять миграционных мировых систем: Североамериканская система; Европейская система; система, объединяющая страны Персидского залива; Азиатско-Тихоокеанская система; Южноамериканская система [159].

Исходя из современных мировых реалий, И. В. Ивахнюк в данную классификацию добавляет Евразийскую систему, характеризующуюся чрезвычайно огромными масштабами международной миграции внутри постсоветского пространства наряду с многочисленными миграционными потоками, связывающими государства этого региона с другими странами. Огромное пространство бывшего Советского Союза рассматривается как новая самостоятельная международная миграционная система, центром которой является Россия [43, с. 51, 65].

Деление мира на миграционные системы достаточно условно, т. к. одна и та же миграционная система может являться частью другой миграционной системы. В глобализирующемся мире основные страны-реципиенты (которые обычно являются центрами миграционных систем) не являются только принимающими странами; они одновременно являются и странами выезда мигрантов. При этом М. Критц замечает, что развитые государства также являются источником международных мигрантов для других развитых стран. Это подтверждается тем фактом, что «Великобритания,

Соединенные Штаты, Нидерланды, Италия, Греция, Австралия, Новая Зеландия, Франция, Канада и Германия входят в число 30 стран, из которых выезжает наибольшее количество мигрантов» [69, с. 71]. А Китай, например, позиционируя себя в качестве одного из главнейших поставщиков иностранной рабочей силы, выступает страной происхождения мигрантов в нескольких миграционных системах. В Евразийской миграционной системе Россия, которая принимает наибольшее число мигрантов в регионе, одновременно является источником миграционных потоков, направляющихся в другие страны мира, а также служит своеобразным мостом для тех, кто пытается проникнуть в Западную Европу. Поэтому, являясь центром новой миграционной системы, Россия выступает как *посылающая* и в гораздо большей степени — как *принимающая и транзитная* страна. Как видим, в любой миграционной системе существуют механизмы обратной связи.

Кроме перечисленных научных теорий, в рамках системного подхода общие закономерности регионального, национального или глобального масштабов международной миграции изучаются и другими политологическими и смежными с ними междисциплинарными концепциями.

Так, в теории международных отношений миграция рассматривается в качестве важнейшего актора международных отношений, поскольку на международной арене она играет свою собственную роль. Во-первых, поскольку миграционные процессы неоднозначно воздействуют на мировые, региональные и внутригосударственные трансформации политического, культурного и социально-экономического характера, они могут значительно влиять на принятие решений в отношении любых проблем, возникающих как в государстве, так и за его пределами. Во-вторых, политические партии и движения, государственные и международные органы принимают решения, основываясь на определенной трактовке феномена иммиграции, заложенной в одной из ключевых парадигм современной теории международных отношений [141]. Что же касается самих мигрантов, то они становятся

одним из факторов международных отношений, улучшая илиотягощая их [74, с. 38].

Рассмотрение миграции населения через призму трех основных парадигм современной теории международных отношений — неореалистической, неолиберальной и неомарксистской — позволяет понять мотивацию поведения и реализуемые действия правительств и политических партий различных стран в управлении современными миграционными потоками. Вкратце изложим основные тезисы вышеуказанных фундаментальных теорий.

Итак, поскольку, по мнению неореалистов, иммигранты представляют собой носителей «чуждых» религиозных и культурных традиций, то, следовательно, в принимающем обществе возникает опасность растворения или исчезновения собственной культуры. Поэтому этнические и культурные факторы являются приоритетными для формирования миграционной политики, которая должна носить ограничительный характер, вплоть до запрещения иммиграции. Иммигранты представляют угрозу национальной безопасности (терроризм и преступность) и могут стать причиной нестабильности национальных экономик (иждивение на системе социального обеспечения, провоцирование безработицы среди местного населения). Неореалисты считают, что существующие мировые цивилизации никогда не смогут «понять» друг друга из-за культурно-религиозной несовместимости населяющих ее этнических и религиозных групп. Подчеркивая остроту проблемы «старения» Запада, неореалисты обращают внимание на сокращение количества европейцев при параллельном росте числа иммигрантов из Африки и Азии. Мировые миграции только набирают обороты, считают они. Экспансия народов Запада подошла к концу, а на жизненное пространство «золотого миллиарда» сегодня претендуют выходцы из Азии, Африки и Латинской Америки [141]. Иммиграция в страны Запада изменилась, но не по форме, а по содержанию. По мнению неореалистов, теория «мультикультурализма», пришедшая на смену теории «плавильного котла», губительна для Запада, т. к. ведет к его неизбежной «балканизации». Ассимиляция мигрантов невозможна в принципе, потому

что иммигранты несут иную культуру, традицию, веру и создают копии родного мира в самом сердце Запада, чем напрямую угрожают единству и выживанию последнего. Также неореалисты признают существование феномена демографической экспансии, который приведет к утрате Россией Сибири и Дальнего Востока в пользу Китая, а Кавказ и Центральную Азию займет население, исповедующее ислам. В Западной Европе уже происходит наступление ислама на Германию, Нидерланды, Испанию, Францию, на Балканы и даже страны Центральной Европы [205].

Таким образом, для неореалистов иммиграция — однозначно негативный феномен.

На самом деле в последнее время европейские руководители особенно встревожены обострением проблемы мигрантов. Примечателен в этом отношении пример Германии, самой «гостеприимной» страны для иммигрантов. В последние десятилетия иммиграция оказывает существенное влияние на изменение облика Германии. Характерным признаком этого явления стало этническое и культурное многообразие общества. В стране проживает 16 млн иммигрантов из разных стран, около 4 млн (5 % населения страны) из них — мусульмане. Одним из основных направлений иммиграционной стратегии Германии считается интеграция иностранцев, направленная на содействие их равному участию в социальной, экономической, культурной и политической жизни страны. Ключевую роль в этом процессе играет знание немецкого языка, культуры, истории и основ государственного устройства страны. Вместе с тем в отношении мигрантов немецкое правительство придерживается и мультикультурной концепции, когда «представители разных народов живут счастливо бок о бок друг с другом и все довольны». Одна из целей этой политики направлена на содействие мирному сосуществованию немцев и иностранцев и на преодоление ксенофобии. Как следствие, мигранты в Германии живут, сохраняя свои традиции, культуру, веру, и вовсе не проявляют желания интегрироваться в немецкое общество. Оценивая результаты такой миграционной политики, глава правительства ФРГ Ангела Меркель в декабре 2010 г. выступила с заявлением, что

«этот мультикультуралистский подход ... провалился, совершенно провалился». Она сказала, что попытки ее страны построить мультикультурное общество потерпели полное поражение, а концепция мультикультурности, подразумевающая, что люди, представляющие разные культурные традиции, могут мирно сосуществовать друг с другом, не работает в Германии. По ее мнению, иммигранты должны прилагать больше усилий к тому, чтобы интегрироваться в немецкое общество, прежде всего они должны учить немецкий язык и получать образование в немецких школах [194]. Однако заявления Ангелы Меркель не свидетельствуют об отказе от прежней либеральной политики в иммиграционном вопросе. Известный политолог Д. Эйдельман, прогнозируя рост числа мигрантов, замечает, что таким образом «...европейское общество попытается проводить политику большей интеграции. На смену идеологии мультикультурности и доктрине «столкновения цивилизаций» должны прийти объединяющие концепции цивилизационного единства. Сегодня не может быть «столкновения цивилизаций», поскольку цивилизация одна, и она противостоит не другим цивилизациям, а недоцивилизированности, варварству и т. д.» [185]. Позднее к заявлениям А. Меркель присоединились премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон и президент Франции Н. Саркози.

Неолиберальная парадигма, признавая общемировой характер миграционных процессов, отдает иммиграции ведущую роль в динамичном и поступательном развитии экономики. Восполнение интеллектуальных и демографических ресурсов, исчерпанных странами Запада в ходе постиндустриального демографического перехода возможно только за счет миграции. Неолибералы считают, что иммигранты не оказывают никакого негативного воздействия на культуру коренных обществ принимающих стран. По их мнению, права граждан и неграждан должны соблюдаться и защищаться одинаково в любом государстве. Каждый волен занимать любую жизненную позицию, исповедовать любую религию, иметь любые морально-идеологические ценности и защищать их в соответствии с законом. Иммигрантов следует поддерживать, предоставляя им различные социально-экономические и некоторые

политические права, поскольку это является важнейшим показателем демократического развития нации. Интолерантность, ксенофобия по отношению к иммигрантам, стереотипы о «негативных» последствиях присутствия иммигрантов в принимающих обществах необоснованны и сильно преувеличены. С точки зрения неолибералов, антииммиграционная политика представляется гораздо большей угрозой национальной безопасности стран Запада, чем проблема незаконной миграции. Приветствуется разумная миграционная политика, которая может быть направлена прежде всего на поощрение и рациональное регулирование иммиграции, а не на ограничительные меры. В основе такой политики должен лежать гуманитарный правозащитный аспект иммиграции, подразумевающий, например, предоставление определенным иммигрантам убежища или статуса беженца [141]. Следует способствовать интеграции мигрантов и использовать этот ресурс для развития страны, как в аспекте пополнения населения, так и в аспекте использования дополнительной рабочей силы [205]. Для этого в стране должна быть создана благоприятная обстановка для приема иммигрантов и обеспечена эффективная работа институтов, отвечающих за их интеграцию в социум в качестве полноценных и полноправных граждан.

Таким образом, неолиберальная политика в иммиграционной сфере означает открытость и прозрачность границ. А главная функция миграционной политики состоит в обеспечении разумной организации иммиграционного процесса в соответствии с интересами экономического процветания нации.

Что же касается неомарксизма, то один из его идеологов — И. Валлерстайн, — анализируя социальные процессы, характерные для современного мира, показывает, что сложившаяся историческая система вступила в критическую фазу кардинальных перемен, означающих, по сути, «конец знакомого мира», т. е. крах либерализма [31, с. 25]. Ученый приводит ряд обстоятельств, свидетельствующих о перенапряжении существующей системы:

1. *Мир становится все более жестоким, все чаще применяются силовые методы политики, а мир-система, основанная на*

либерализме, уже не может подавить протесты, раздающиеся со стороны стран «третьего мира».

2. *Углубляется процесс демократизации*, которая понимается как равноправие в сфере трудоустройства и социального обеспечения, образования и медицинского обслуживания. А широкое обеспечение этих благ подрывает экономическую базу существующего «незгальитарного и недемократического порядка» [29, с. 241].

3. *Значительных масштабов достигла миграция с Юга на Север*. Миросистемный подход утверждает, что мир поляризован в двух отношениях: социально-экономически и демографически, т. е. для противостояния Север — Юг характерны диспропорции между распределением населения и концентрацией капитала на Севере и Юге. Зияющий между Севером и Югом разрыв станет еще шире в ближайшие десятилетия. Миграция дешевой рабочей силы представляет собой одно из проявлений неоколониальной зависимости развивающихся стран от развитых. Именно поэтому международная миграция особенно развита между бывшими метрополиями и их колониями, чему способствуют сохранившиеся между ними политические, культурные, языковые, транспортные и другие связи [29, с. 204]. По сравнению с мигрантами прошлых столетий, в переселении нынешним мигрантам способствуют современный уровень развития транспорта, всемирная экономическая и демографическая поляризация, а также распространение демократической идеологии, не позволяющей странам центра оказывать эффективное сопротивление.

Согласно неомарксистской парадигме, миграционные потоки в мировой экономической системе направлены из стран периферии и полупериферии в развитые страны центра. Перераспределение финансовых ресурсов и снижение таможенных барьеров способствует формированию единого рынка труда и переливу рабочей силы. Направление современных миграционных процессов дифференцируется в зависимости от качества рабочей силы. Меняется роль международной миграции, которая изначально сопровождала формирование глобальной экономики, а в конце XX в. стала выступать самостоятельным актором глобализации, активно влияющим

на происходящие демографические, экономические и политические процессы.

В данном контексте представляется интересной мысль известного отечественного демографа А. Г. Вишневского, который видит в современных международных миграциях не только механизм демографической и экономической «подпитки» депопулирующих стран «золотого миллиарда», дозированной в соответствии с их потребностями. Он считает, что миграция может противостоять стремительному нарастанию демографического и экономического дисбаланса между Севером и Югом, «позволяя понемногу выпускать пар из перегретого мирового котла». Следовательно, необходимо задуматься о расширении миграционной емкости стран «северного кольца» в интересах всего мирового сообщества [113, с. 317].

Применительно к исследованиям миграции в рамках системного подхода рассмотрим, как проблемы миграции трактуются в контексте концепций безопасности.

Первая из них, государствоцентричная, ставит во главу угла интересы государства, которые чаще всего формулируются правящими кругами и носят в основном отрицательный или ограничительный характер, направленный на пресечение нелегальной миграции, регулирование миграционных потоков и контроль над рынками труда. Первоочередная цель концепции национальной безопасности — безопасность государства, которая видится в территориальной целостности и предотвращении насильственного изменения политического строя. Поскольку регулирование въезда в страну является одним из важнейших условий сохранения государственного суверенитета, то миграция рассматривается как непосредственная угроза, нейтрализовать которую должна соответствующая государственная политика. Считается, что, не обеспечивая безопасность мигрантов, данная концепция не дает и эффективной защиты обществу [82, с. 18]. «Фактически — хотя и против своей воли — она поощряет формирование потоков нелегальной миграции со всеми сопутствующими им явлениями... Концепция плохо приспособлена и к тому, чтобы налаживать действенное

международное сотрудничество по вопросам трансграничных перемещений граждан разных государств» [64, с. 43–44]. Иными словами, такой подход не ориентирован на развитие трансграничного сотрудничества по вопросам трансграничного обмена.

Согласно концепции общей безопасности миграция не является источником угроз. В основе концепции лежит комплекс представлений о безопасности человека, понимаемой как единство социальных условий, обеспечивающих достойное выживание, благосостояние и свободу. Все мигранты признаются общностью, имеющей такое же право на человеческую безопасность, как и другие общности. В целом же миграция (в частности, проблемы беженцев) рассматривается как проблема безопасности государства. Приоритетное развитие получает принцип расширения «мягкого» контроля над миграцией за счет ее легализации, а не охранительных мер. Считается, что проблемы безопасности мигрантов должны решаться с участием самих мигрантов, при условии межрегионального и международного сотрудничества, а не за счет разрозненных усилий отдельных регионов и государств. Вместе с тем в концепции упускается из вида этнокультурный аспект безопасности, что не позволяет в полной мере увидеть и оценить угрозы идентичности мигрантов и принимающего общества, их роль в формировании миграционных потоков и трудностях взаимной адаптации «пришельцев» и «старожилов» [206].

В конце XX столетия в западном мире особое значение получила концепция социетальной безопасности, смысл которой заключается в приоритетной защите системы благ, накопленных уникальной социокультурной средой, от угрожающих внешних воздействий. Концепция социетальной безопасности поощряет либеральный миграционный режим в странах «выхода». Что касается стран «входа», то для одних мигрантов эти страны открываются автоматически (гражданство наследуется по рождению), для других — барьером на пути к богатству и свободе становятся жесткие разрешительные процедуры. Безопасность западного мира имеет приоритет по отношению к правам желающих попасть в этот мир. Миграция рассматривается как системный компонент

почти всех угроз, особенно с Востока и Юга. Это источник проблем, связанных с конфликтами между мигрантами и местным населением или с маргинальным положением приезжих (например, преступность) [82, с. 18].

Еще одна концепция «human security» (личностная безопасность) выводит на первый план основные человеческие потребности, пренебрегая интересами государства и принимающего общества даже в тех случаях, когда миграция объективно создает для них серьезные проблемы (например, рост преступности и поддержание правопорядка). Согласно Программе развития ООН, субъектом личностной безопасности являются люди, а не государства или общественные группы. Поэтому в центре концепции — проблемы, которые испытывают мигранты в случае угрозы их личной безопасности, когда принимается решение о выезде из страны (например, при этнических конфликтах или политических репрессиях, голоде и т. п.). К числу таких проблем относятся также угрозы и лишения, сопутствующие мигрантам на новом месте (плохие жилищные условия и условия труда, несправедливость в отношениях с властью, нападения экстремистов и т. д.). Достоинством данной концепции является то, что в ее рамках исследуются все три стадии межстрановой миграции: эмиграция, пересечение границы и адаптация. Кроме того, этот подход изучает миграцию со стороны самих мигрантов, что позволяет скорректировать стереотипные установки, часто возникающие при изучении миграционного процесса с позиций исключительно «принимающей стороны» [177, 125].

Краткий анализ исследований международной миграции в рамках концепций безопасности позволяет сделать вывод о том, что в основном эти теории сосредоточены на исследовании первых двух фаз миграционного процесса — адаптации мигрантов и пересечения ими границ как эффективного, или чаще неэффективного барьера против слишком интенсивного потока. Все три фазы (включая эмиграцию) исследуются только в парадигме «human security» [82, с. 19].

В числе концептуальных теорий, исследующих миграцию на трансграничной ее стадии (Border Studies), на пересечении политологии и географии, выделяются функциональное и «антропоцентричное» направления.

Функциональное направление исследует миграционные проблемы в двух аспектах. Первый аспект изучает роль границы в регулировании трансграничных потоков. Изучаются такие функции границы, как барьерность (т. е. способность эффективно препятствовать нежелательным трансграничным потокам) и контактность (т. е. способность служить полноценным проводником для легальных потоков) [146]. Второй аспект анализирует влияние политических и экономических систем сопредельных государств, а также трансграничных потоков на изменение характеристик самой границы.

Барьерность или контактность границы рассматриваются с точки зрения латентности нелегальных потоков, которые представляют угрозу пограничной безопасности, поэтому укрепление границы является одной из главных мер в борьбе против притока нелегальных мигрантов. Однако исследования показывают, что миграция не является серьезной проблемой пограничной безопасности, так как подавляющее большинство мигрантов на стадии въезда в страну (например, в Россию) не нарушают законы. Нарушения, которые они совершают впоследствии, являются проблемами миграционной политики и поддержания внутреннего правопорядка [82, с. 133].

«Антропоцентричное» направление исследует ситуацию с позиции пересекающих границу индивидов или же социальных групп, для которых рубежи являются не только объективной реальностью, но и субъективным смыслом, т. е. проблема миграции изучается в субъективно-психологическом измерении. Например, норвежский антрополог Ф. Барт и финский географ А. Пааси изучали «виртуальные» границы как феномен коллективного сознания. Для данного явления характерно стремление отгородиться от «чужих» и почувствовать себя в безопасности, если внешняя среда воспринимается как потенциально агрессивная. В конфликтологии

при разрешении ярко выраженных международных этнополитических конфликтов разрушение жесткой границы между конфликтующими общностями считается слишком рискованным, поскольку это может быть воспринято сторонами как угроза безопасности. Более разумным вариантом в таких ситуациях бывает дозируемое трансграничное общение. Как отмечает французский политолог Д. Биго, ослабление роли границ в современном мире может привести к их «компенсации», т. е. к становлению более жестких незримых барьеров между различными этническими, расовыми и другими группами. Это осложнит межэтнические отношения [186].

Таким образом, исследования границ позволяют понять, с одной стороны, объективную значимость границ как регулятора миграции, с другой, понять их субъективный смысл, как неперемennого атрибута защищенности от чужеродной или враждебной окружающей среды [186].

Существенный вклад в исследования международной миграции вносят геополитические исследования. В геополитическом измерении системный подход, с одной стороны, рассматривает миграционные потоки как системообразующие связи между различными странами или регионами, благодаря которым устанавливается взаимозависимость между такими территориальными общностями. Эта взаимозависимость носит асимметричный, но в то же время взаимовыгодный характер. Страны-доноры стараются избавиться от излишков рабочей силы, потенциально опасной усилением социальной напряженности. При этом поступающие от эмигрантов денежные переводы являются важным резервом модернизации развивающихся стран. Напротив, страны-реципиенты нуждаются в дешевых рабочих руках, без которых стабильный экономический рост возможен не всегда. Кроме того, им необходимо содействие страны-донора в регулировании некоторых аспектов данной миграции [132]. На наш взгляд, в этом контексте геополитические исследования миграции, в большей степени чем другие, инкорпорируются в концепцию миграционных систем, доказывая ее универсальность в изучении феномена миграции.

С другой стороны, международная миграция рассматривается как негативное явление, способное ослабить контроль страны-реципиента над собственной территорией. Формирование неконтролируемых этнических анклавов, а также обострение конфликтов между мигрантами рассматриваются в качестве первых симптомов такого ослабления.

В отдельное направление выделяют так называемые конспирологические идеи, в которых внешняя миграция рассматривается в качестве управляемого процесса, направленного на дестабилизацию ситуации внутри страны и ее развал, или на отторжение от России обширных территорий (например, в Сибири и на Дальнем Востоке в пользу КНР). Мигрантам отводится роль послушной и управляемой «пятой колонны», орудия выполнения «заговорщических планов», «составляющие» которого имеют интересы тождественные интересам «центров заговора». Все эти заявления, по мнению многих экспертов, надуманы и необоснованны.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что проведенный нами анализ научных походов к объяснению сущности современной международной миграции подтверждает потребность в дальнейшем изучении стремительно развивающихся миграционных процессов с целью объяснения данного феномена с позиций общей теории миграции.

1.2. Особенности понятийного аппарата в исследовании международной миграции

Одна из методологических проблем изучения миграции как комплексного научного исследования — понятийный аппарат, без четкого уяснения которого невозможно научно и объективно рассмотреть вопросы, связанные с таким важным аспектом жизнедеятельности человечества, как миграция.

Одним из первых миграционные процессы пытался объяснить в XIX в. Е. Г. Равенштейн. Изначально он определил миграцию как «постоянное или временное изменение местожительства

человека», как «непрерывный процесс», обусловленный взаимодействием четырех основных групп факторов:

- 1) действующих в начальном месте (стране) жительства мигранта;
- 2) действующих на стадии перемещения мигранта;
- 3) действующих в месте (стране) въезда мигранта;
- 4) факторов личного характера, под которыми понимается прежде всего система предпочтений личности, вся совокупность ее демографических характеристик и т. п. [154].

Сегодня в мире существует около 40 определений миграции населения, но во всех из них именно время, расстояние и статус места проживания обуславливают те или иные категории территориального движения, которые и лежат в основе разного определения и понимания миграции. Традиционно миграция определяется, как «перемещения людей (мигрантов) через границы тех или иных территорий с переменой места жительства навсегда или на более или менее длительное время»¹.

Одна из научных дискуссий, активно обсуждаемая в научном мире, касается непосредственно употребления самого термина «миграция». Ряд экспертов утверждает, что миграцию не следует более помещать в жесткие рамки или категории, поскольку ее традиционное определение уже недостаточно ни для описания самого явления, ни для учета его участников. Так, Дж. Солт считает, что термин *миграция (migration)*, в котором доминирует мотив окончательного переселения, наряду с такими характеристиками миграции, как факт перемещения через границы, время и расстояние, представляется устаревшим и условным. Миграция стала другой, обретя много новых черт и проявлений. Это явление следует рассматривать как вспомогательную категорию в более общем контексте *движения (movement)*. Миграционные потоки рассматриваются теперь как динамичные и гибкие потоки человеческой мобильности разнообразных типов и форм. Они имеют разные роли и способы интеграции в принимающие сообщества, они подвержены

---

¹ Народонаселение: Энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994.

воздействию и управлению со стороны разных агентов, институтов, учреждений, они взаимопереплетаются и взаимоперетекают друг в друга. Иными словами, миграция как более узкое понятие переходит в рамки более широкого понятия «мобильность», различая пространственную, социальную, квалификационную и другие ее виды [134, с. 81].

Данное понимание миграции оспаривает концепция трехстадийности миграционного процесса Л. Л. Рыбаковского, исследующая миграцию (а именно переселение) на микроуровне (индивид, общественная структура). Согласно его концепции, явления миграционной подвижности (мобильности) и миграционного перемещения (переселения) хотя и взаимосвязаны, являются разными по своей сути. Если мобильность — это способность, готовность к миграции (установка), то переселение — это акт перемещения, реализация установки на миграцию. Важно отметить и то, что концепция позволяет более детально изучить приживаемость населения в районах вселения, выделяя из этого процесса адаптацию. Следовательно, миграция населения рассматривается как процесс, имеющий завершенный характер. Из переселения вычленен миграционный поток, который определяется как совокупность прямых и обратных миграционных перемещений в определенное время, структурированных по личностным и географическим характеристикам. В целом суть концепции заключается в выделении в миграционном процессе трех взаимосвязанных стадий: 1-я — исходная, подготовительная стадия, в ходе которой происходит формирование территориальной подвижности и принимается решение о миграции; 2-я — основная стадия, в ходе которой происходит сам процесс переселения населения; 3-я — завершающая стадия, в ходе которой происходит процесс приживаемости (адаптации) мигрантов в новом населенном пункте или стране въезда [87, с. 24].

По определению Л. Л. Рыбаковского, «любое территориальное перемещение, совершающееся между разными населенными пунктами одной или нескольких административно территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности

и целевой направленности представляет собой миграцию в широком значении этого слова». Это определение общепризнано отечественной наукой.

В нашем контексте важным представляется исследование В. А. Ионцева, который, разделяя понятия «территориальное движение» и «миграционное движение», позволяет нам глубже понять такое явление, как международная миграция. Отождествляя понятие «миграция населения» с понятием «миграционное движение» и относя к миграции любые территориальные передвижения межпоселенного характера, он дает следующие определения миграционного и территориального передвижения.

Миграционное движение населения представляет собой совокупность всех видов межпоселенных передвижений, включая циркулярные передвижения, осуществляемые с момента принятия решения о миграции, непосредственно в процессе самого движения, завершающиеся на стадии приживаемости на новом месте или в новых условиях, если речь идет о переселениях.

Территориальное (пространственное) движение населения определяется как совокупность территориальных передвижений (перемещений) людей, обусловленных прежде всего местом жительства и местом приложения труда. Включает в себя как межпоселенные передвижения, собственно и представляющие миграцию населения, так и внутripоселенные перемещения (на работу, в школу, магазины и т. п.), которые большинство ученых к миграции не относят.

Таким образом, понятие «территориального движения» населения значительно шире «миграционного движения». А значит, и миграция может пониматься в двух значениях, широком и узком.

В широком смысле слова «миграция населения — это совокупность действий, связанных с территориальным передвижением как на стадии принятия решения о миграции, так и на стадии адаптации на новом месте или в новых условиях, с учетом циркулярных передвижений». В узком смысле слова для обозначения миграции используется термин «безвозвратная миграция» или «переселение». Термин приобрел в настоящее время

универсальный обобщающий характер в силу большого разнообразия категорий данного явления, каждая из которых требует точного определения [124, с. 54].

Несмотря на то, что международная миграция населения является одним из основных типов миграционного движения с характерными для него общими тенденциями и закономерностями, при ее анализе постоянно возникают определенные трудности, обусловленные значительной разнородностью понятийного аппарата и источников данных о миграции. Дело в том, что, во-первых, в зависимости от национальной специфики, определяемой, прежде всего историей той или иной страны, в разных странах существуют различные стандарты, характеристики и типологии международной миграции. Во-вторых, как отмечалось ранее, «международная миграция» эволюционирует, трансформируясь во времени и пространстве, тем самым приобретая иную сущность и принципиально другие характеристики.

О сложности и неоднозначности феномена международной миграции свидетельствует и тот факт, что даже на уровне ООН до сих пор не существует унифицированного, объединяющего термина для обозначения международной миграции и международных мигрантов. «Классическое» понимание международных мигрантов как людей, переехавших в другую страну на постоянное место жительства, не позволяет оценить реальные масштабы международной миграции в мире, и особенно в тех регионах, где эпизодические, циркулярные или незаконные миграции осуществляются в основном в форме туристических поездок. Необходимо четко представлять себе, что действительный масштаб международной миграции в регионах гораздо больше, чем тот, который фиксируется миграционной статистикой.

Для более глубокого понимания сути международной миграции целесообразно проследить эволюцию самого определения «международный мигрант».

Впервые вопрос о необходимости унификации международной статистики и термина «эмигрант» возник в 1922 г. Одно из первых определений международной миграции появилось спустя

10 лет, в 1932 г., в международных рекомендациях по совершенствованию миграционной статистики. Под миграцией понимался «каждый акт отъезда из одной страны в другую на определенное время, за исключением туристических поездок». В основу определения был положен критерий продолжительности пребывания. Были выделены категории временной (отъезд на срок менее одного года) и постоянной миграции (отъезд на срок один год и более). Приграничная миграция не учитывалась [25, с. 1]. Как видим, туристические поездки и временная миграция никак не отражались в статистике, а туристы вовсе не попадали в категорию мигрантов.

Позднее, в 1949 г., Управление ООН по народонаселению предложило, помимо критерия продолжительности в определение международного мигранта, включить цель пребывания. В результате в 1953 г. в обиход были введены категории «временных иммигрантов» (лица, не являющиеся постоянными жителями, намеревающиеся выполнять определенную работу в течение одного года или менее, которая оплачивается в стране их пребывания), «постоянных мигрантов» (лица, не являющиеся постоянными жителями страны, въезжающие в страну с намерением остаться на срок более одного года) и «постоянных эмигрантов» (лица, являющиеся постоянными жителями страны, выезжающие из страны с намерением остаться за рубежом на срок более одного года) [155, с. 5]. Принятие данного категориального аппарата позволило усовершенствовать аналитические возможности миграционной статистики. Однако унификации подхода в классификации международных мигрантов вновь не было достигнуто. Следовательно, сопоставимость международной миграционной статистики оставалась несовершенной.

Наряду с уточнением термина для обозначения международной миграции, на уровне ООН с начала 70-х гг. ведется работа по унификации национальных определений основополагающих понятий и категорий миграции. Это было обусловлено тем, что различные подходы к определению данного феномена создавали большие трудности при сопоставимости международной миграционной

статистики. В конце 80-х гг. к этой работе подключился Статистический комитет Европейского Союза (Евростат).

Унификации терминологии препятствует и тот факт, что в законодательстве каждой страны есть свои особенности и критерии определения статуса иммигранта, базирующиеся на времени пребывания в стране и целях въезда. В ряде стран определения некоторых категорий международных мигрантов вовсе отсутствуют. Например, в Германии иммигрантом считается «лицо, которое пересекает границу с намерением устроиться в стране». В Японии иммигранты — «национальные граждане и иностранцы, которые приезжают из-за границы». В США — это «лица, въезжающие в страну безвозвратно с целью постоянного в ней проживания с последующим получением американского гражданства». В Израиле и в Канаде — «лица, въезжающие в страну с целью постоянного проживания» [101, с. 237]. В Швеции гражданин регистрируется как иммигрант, если он намеревается оставаться в стране в течение минимум двенадцати месяцев и сообщает об этом в Налоговое агентство. Лица, просящие предоставить политическое убежище, не считаются иммигрантами, независимо от того, как долго они остаются в Швеции. В Нидерландах определение «иммигрант» относится ко всем лицам, прибывающим в Нидерланды, и запись о прибытии которых фиксируется в муниципальном регистре населения. Лиц, просящих предоставить политическое убежище, считают иммигрантами после того, как они получили вид на жительство или после шести месяцев легального пребывания в Нидерландах [203].

Затруднительной оказалась и попытка ООН сформулировать единое определение мигранта, основанное на категориях постоянного и непостоянного жителя (1976 г.). Как оказалось, в национальных нормативных актах разных стран различалось понимание минимальной продолжительности присутствия в стране, необходимого для констатации факта постоянного проживания [43, с. 12]. И все же статистической комиссией ООН были введены категории долгосрочных и краткосрочных иммигрантов. Долгосрочными иммигрантами считались «лица, которые въезжают в страну

с намерением остаться в ней на срок более одного года...». Краткосрочный иммигрант определялся как «лицо, которое приезжает в страну с намерением пребывания в ней на срок один год или менее, с целью выполнения деятельности, оплачиваемой в данной стране...» [25, с. 3]. Однако вопросы учета эмигрантов и иммигрантов оставались неразрешенными.

Следующую модификацию определение «международный мигрант» претерпело в 1997 г. в связи с уточнением самого понятия страны обычного проживания, т. е. страны, в которой человек имеет место для проживания, где находится постоянно. Под долгосрочным мигрантом понималось лицо, которое въезжает в страну, не являющуюся страной его (ее) обычного проживания на срок по меньшей мере один год. Страна назначения становится страной его (ее) обычного проживания. Краткосрочным мигрантом считалось лицо, которое въезжало в страну, не являющуюся страной его (ее) обычного проживания на срок по меньшей мере три месяца, но не более чем один год, за исключением случаев, когда цель приезда в эту страну связана с оздоровлением, проведением отпуска, посещением друзей и родственников, религиозным паломничеством, прохождением курса медицинского лечения или деловой целью [155, с. 10].

Новая формулировка была, конечно же, проще и понятнее. Но целый ряд видов миграционной активности вновь не учитывался традиционной международной статистикой (например, приграничные работники, пересекающие границу туда и обратно ежедневно или несколько раз в неделю, студенты, трудовые мигранты со сроком контракта менее трех месяцев, транзитные мигранты, кочевники и лица, ищущие убежище).

Очередная попытка уточнить понятие международного мигранта предпринимается в 2006 г. Теперь под международными мигрантами понимаются «лица, перемещающиеся из одной страны в другую, имея намерение или возможность остаться в этой стране на какое-то время, часто на год или больше». Хотя слово «мигрант» обычно ассоциируется с иностранцем, мигрантами могут быть как иностранцы, так и граждане. Граждане могут выезжать из страны

как эмигранты или возвращаться в страну, становясь «возвращенцами». По типам миграции в страну иностранцы делятся на разные категории и могут выезжать из страны на короткое или длительное время, обычно становясь «возвращенцами» в родной стране [175].

В 2009 г. понятие «международная миграция» вновь претерпевает изменения и теперь определяется как «передвижение людей через международные границы в ходе смены страны обычного проживания». «Мигрант» определяется как «лицо, поменявшее свое обычное место жительства вследствие пересечения международной границы или вследствие перемещения внутри страны происхождения в другой регион, округ или муниципалитет». Иммигрантом считается лицо, проживающее в данной принимающей стране (стране назначения), которая не является страной происхождения (или рождения) для данного лица. Эмигрант — лицо из данной страны происхождения (или рождения), поменявшее страну постоянного проживания на другую страну. Внутренняя миграция определяется как передвижение людей внутри государственных границ страны, обычно замеряемое на границах региона, округа или муниципалитета и проявляющееся в смене обычного места проживания [201].

В Российской Федерации определение международной миграции охватывает только ту часть долговременных международных перемещений, которая связана с переменной постоянного места жительства. Поэтому изначально понятие «мигрант» связывалось с международной миграцией и обозначало «гражданина одного государства, переехавшего в другое государство». В число эмигрантов или иммигрантов попадают те, кто заявляет, что навсегда уезжает из России или приезжает в Россию.

Считается, что в СССР до 80-х гг. XX в. феномен международной миграции не наблюдался. Следовательно, отсутствовала политика международной миграции, ее исследования не проводились, не было и понятийного аппарата. Власти решали проблемы внутренней миграции — отток населения из сельской местности в города и необходимость привлечения трудовых ресурсов в районы быстрого промышленного развития. С изменением

геополитической ситуации в начале 90-х гг. Россия столкнулась с новыми миграционными реалиями, когда страны постсоветского пространства включились в систему общемировых миграционных процессов, значительно увеличив поток международных мигрантов (трудовых, этнических, репатриантов, вынужденных мигрантов и беженцев, экологических и нелегальных и др.).

Однако в понятийном аппарате миграционного законодательства России по-прежнему нет общего понятия «мигрант», как нет и единого кодифицированного источника миграционного права. Вместе с тем осуществляется правовое регулирование статуса отдельных категорий мигрантов. Законодательство использует определения таких категорий мигрантов, как «иностранный гражданин», «лицо без гражданства» [2], «законно находящийся в РФ иностранный гражданин», «временно пребывающий в РФ иностранный гражданин», «временно проживающий в РФ иностранный гражданин», «постоянно проживающий в РФ иностранный гражданин», «иностранный работник», «иностранный гражданин, зарегистрированный в качестве индивидуального предпринимателя», «иностранный гражданин, прибывший в РФ в порядке, не требующем получения визы» [3], а также «беженец» [5] и «вынужденный переселенец» [6]. Юристы полагают, что определение понятий «миграция», «мигрант» на законодательном уровне необходимо, поскольку это, с одной стороны, четко определит предмет регулирования миграционного законодательства и круг субъектов миграционных отношений, с другой стороны, исключит противоречия и проблемы в применении как международных, так и национальных правовых актов и правовых норм, в которых такие понятия используются [174].

Что касается Китая, то там также до начала реформ открытости о международной миграции не могло быть и речи. Как поясняет В. Г. Гельбрас, понятие «мигрант» в Китае используется исключительно для характеристики соответствующего процесса внутри страны. И то очень редко. Чаще всего используется словосочетание «люди, выбывшие (отправившиеся) на заработки». Эта ситуация объясняется тем, что раньше в Китае существовала система

закрепления людей за постоянным местом работы и жительства, а свободное передвижение людей не было нормой. Выезд китайцев из страны обозначается как поездка с частными целями. Поэтому понятие «миграция» не используется. Более того, попытки его применения пресекаются, поскольку оказываются в противоречии с официальной пропагандой стабильного развития и беспрецедентного роста уровня жизни населения.

В свою очередь, китайские ученые настаивают на четком различии терминов «миграция» и «временное пребывание на территории другого государства». По мнению профессора Цю Взя, в отличие от мигрантов, которые приезжают на длительный срок или на постоянное жительство, абсолютное большинство так называемых китайских мигрантов приезжают в Россию на короткий срок по трудовым контрактам или на учебу. Например, процесс обучения китайских студентов в российских учебных заведениях длится 3–4 года и регулируется министерствами образования и науки двух стран в соответствии с двусторонним соглашением. После чего студенты возвращаются в Китай. Поэтому назвать их «мигрантами» можно только условно, и уж тем более они не подпадают под понятие «эмиграция». Невозможно причислить сюда и интуристов, приезжающих на срок до 15 суток. Они не являются ни мигрантами, ни эмигрантами [196].

Как видим, в разных странах за основу берется разный временной диапазон для непрерывного пребывания человека на своей территории, что отражается на правовом статусе мигранта и на статистическом учете.

Наиболее объективно и адекватно понимание современных мировых миграционных потоков отражается в определении международной миграции В. А. Ионцева, согласно которому «международная миграция населения представляет собой территориальные (пространственные) передвижения людей через государственные границы, связанные с изменением постоянного места жительства и гражданства, обусловленным различными факторами (семейными, национальными, политическими и другими), или с пребыванием в стране въезда, имеющим долгосрочный (более одного

года), сезонный и маятниковый характер, а также с циркулярными поездками на работу, отдых, лечение и тому подобное». Главными отличительными признаками международной миграции населения, по сравнению с внутренней миграцией, являются государственная граница, ее пересечение и соответствующий государственный контроль как за фактом самого передвижения через границу (и в стране выезда, и особенно в стране въезда), так и за последующим пребыванием в стране въезда, особенно в связи с трудоустройством и поступлением на учебу или стажировку [45, с. 5].

Соответственно, международный мигрант — это лицо, совершающее межгосударственное территориальное передвижение (международную миграцию) с целью смены места жительства, работы или других действий (учеба, отдых, бизнес и т. д.), навсегда или на определенный срок (от одного дня до нескольких лет) [100, с. 122].

Рассматривая особенности китайской миграции на демографическом и социально-экономическом фоне исследуемого нами Забайкальского края, мы будем исходить как раз из расширенного определения международных миграций, которое дал В. А. Ионцев.

В соответствии с вышеуказанным определением международной миграции В. А. Ионцев предлагает наиболее полную классификацию основных категорий миграции по типу, виду, форме, причине и стадии. В основе классификации — временной фактор [44, с. 19]. В зависимости от характера пересекаемых границ он выделяет внешнюю и внутреннюю миграции.

Согласно этой классификации разделяются две основные укрупненные группы международных мигрантов: прибывающие и убывающие.

В группу прибывающих включаются: 1) иммигранты (безвозвратные мигранты); 2) долгосрочные (постоянные) мигранты: трудящиеся-мигранты; студенты, стажеры; иждивенцы и др.; 3) мигранты-сезонники; 4) приграничные рабочие; 5) циркулярные мигранты: «бизнес-мигранты», «челночные» мигранты и др.; 6) кочевники и паломники; 7) нелегальные иммигранты: прибывающие легально и прибывающие нелегально; 8) вынужденные

мигранты: беженцы; лица, ищущие убежище; «гуманитарные» мигранты и др.; 9) туристы и экскурсанты; 10) дипломаты и др. подобные правительственные чиновники, включая военных.

Группу убывающих составляют: 1) эмигранты (безвозвратные мигранты); 2) долгосрочные (постоянные) мигранты: трудящиеся-мигранты; студенты, стажеры; иждивенцы и др.; 3) мигранты-сезонники; 4) приграничные рабочие; 5) циркулярные мигранты: «бизнес» мигранты, «челночные» мигранты и др.; 6) кочевники и паломники; 7) нелегальные иммигранты: выбывающие нелегально; 8) вынужденные мигранты; 9) туристы и экскурсанты; 10) дипломаты и др. подобные правительственные чиновники, включая военных.

А вот в основу классификации международной миграции И. В. Ивахнюк положены факторы времени и причинности. К первой группе (по фактору времени) относятся безвозвратная миграция (эмиграция, иммиграция, брачная), постоянная или долгосрочная миграция, краткосрочная (сезонная, маятниковая, эпизодическая) миграция. Ко второй группе (по фактору причинности) относятся вынужденная миграция (может быть временной и постоянной, включая категории беженцев, вынужденных переселенцев и лиц, ищущих убежище) и добровольная миграция (может иметь временный и постоянный характер, включает экономическую, трудовую и нелегальную миграции). Экономическая миграция охватывает постоянную, сезонную, маятниковую, некоторые формы эпизодической миграции («челночную»), нелегальную и частично безвозвратную при преобладании экономических причин последней (иммигранты-инвесторы). Трудовая миграция может быть и краткосрочной и долгосрочной и носить формы сезонной, маятниковой и нелегальной миграций. Основная ее категория — трудящиеся-мигранты, но сюда же относятся и иностранные стажеры, иностранные студенты и т. д. Фактически каждый международный мигрант — потенциальный работник. Нелегальная миграция связана либо с нарушением режима въезда, либо с нарушением режима пребывания в стране въезда. Как правило, цель незаконных мигрантов — незаконное трудоустройство [43, с. 12].

В проведенных по заказу Программы развития ООН (ПРООН) исследованиях и в соответствии с понятием международного мигранта, данного ООН в 2006 г., выделяются следующие виды и категории международной миграции: поселенческая, трудовая, учебная, вынужденная, стихийная, возвратная, нелегальная миграции [176].

Перечисленные виды мигрантов достаточно условны, т. к. постоянно происходит трансформация одних видов мигрантов в другие, даже без их пространственного перемещения. Фактически мигранты могут въезжать как постоянные поселенцы, временные визитеры и работники или нелегальные мигранты. Однако по приезде в страну эти каналы часто сливаются или переходят друг в друга [201]. В такой ситуации оказываются, например, туристы, устраивающиеся на работу; трудящиеся мигранты, не продлившие разрешение на работу; лица, которым было отказано в убежище, но которые продолжают находиться в стране; иностранцы, подавшие заявления на продление разрешения или изменение статуса, но из-за бюрократических проволочек не имеющие на руках действующего разрешения.

Что касается китайской миграции, следует отметить, что сам термин «китайская миграция» в разных интерпретациях (китайская община, китайская диаспора, китайская эмиграция, китайское меньшинство) существует на территории России более 150 лет [52, с. 4] и имеет собирательное значение, поскольку китайцы, как правило, по одному не мигрируют. Значит, речь идет о совокупности людей, проживающих на территории России, которым присущи определенные демографические и социальные характеристики. Каждая территориальная совокупность людей, участвующих в миграционном обмене с другими территориальными совокупностями населения, имеет свой количественный и качественный состав. Количество китайских мигрантов в России всегда трудно поддавалось исчислению, учитывая его текучесть. Количественные оценки китайцев на территории России значительно разнятся до сих пор. Согласно исследованиям отечественных китайцеведов, социальный состав китайских мигрантов в России довольно

неоднороден, среди них можно найти официальных представителей государственных организаций, студентов и стажеров, рабочих и служащих, временных работников по контракту и работников государственных и негосударственных коммерческих фирм. Граждане КНР находятся на территории России, имея дипломатический или служебный паспорт, однократную или многократную визу, либо прибывают в России по безвизовому туристическому обмену. Немало китайцев, при этом совершенно неизвестно, сколько именно, находится в России на нелегальном и полуполюгальном положении. Ясно только, что всех китайцев, находящихся в России на протяжении более 12 месяцев, нельзя считать иммигрантами в полном и точном смысле этого слова. Китайцы, прибывающие в Россию и желающие претендовать на статус иммигрантов, не могут его получить [33, с. 22–23].

Рассуждая об этой проблеме, известный китаевед В. Г. Гельбрас считает, что в России китайские мигранты не подходят ни под одно из официально принятых определений того или иного вида миграции (ни под статус вынужденных переселенцев, ни под статус беженцев). Тем самым на территории РФ созданы условия для нелегального или полуполюгального существования китайских мигрантов, стремящихся к постоянному жительству в нашей стране. Китайская иммиграция носит главным образом экономический характер. Поэтому получить тот или иной статус в России китайцы не могут. Они могут стать мигрантами как таковыми, т. е. постоянными жителями России, навсегда покинувшими КНР, но могут в любой момент покинуть страну, т. к. в абсолютном своем большинстве сохраняют гражданство КНР.

Характерной тенденцией китайской миграции является ее временный характер. В основном китайцы находятся на российской территории в краткосрочном режиме по временным трудовым контрактам, на учебе или просто в туристической поездке. Поэтому, принимая во внимание широкое значение термина «миграция», и учитывая, что под временной миграцией понимается миграция, осуществляемая на определенный срок (от нескольких дней до нескольких лет), по истечении которого мигрант возвращается

в населенный пункт (страну) постоянного проживания, и включающая в себя все виды миграции, за исключением безвозвратной миграции [100, с. 30], согласимся с определением А. Г. Ларина, в котором китайская миграция представляет собой «совокупность лиц китайской национальности, проживающих за пределами Китая, постоянно или временно, в качестве граждан КНР или страны пребывания» [53, с. 342].

Применительно к концепции трехстадийности миграционного процесса, о которой было сказано выше, можно говорить о том, что для межстрановой миграции китайского населения характерны те же стадии, что и для других миграций. Но они имеют ярко выраженные региональные особенности, а именно: действие «выталкивающих факторов» собственно в КНР, режим пересечения границ на тех или иных участках и разнообразие проблем, с которыми мигранты сталкиваются в процессе проживания на новой территории. На первой стадии (эмиграция из КНР) ключевое значение имеют те социальные, политические и экономические причины, которые заставляют мигрантов выезжать за пределы своего государства; на второй — а) проблемы, возникающие в отношениях между мигрантами и структурами власти, обеспечивающими пограничный режим, б) правовой статус, который получают мигранты после пересечения границы; на третьей — а) решение мигрантами своих экономических проблем, б) обретение ими социального статуса относительно принимающего общества или друг друга, в) специфика взаимоотношений между мигрантами, а также специфика взаимоотношений между мигрантами и властями РФ и принимающим обществом [82, с. 7].

* * *

В целом анализ научных концепций в рамках системного подхода к изучению миграции позволяет сделать вывод о том, что каждая из них, определяя состояние и перспективы мировых миграционных процессов с точки зрения их особенностей и результатов, подчеркивает важную роль международной миграции в современном мире.

При этом все рассмотренные нами направления, так или иначе, инкорпорируются в универсальный для каждого из них инструмент — концепцию «миграционных систем», в рамках которой международная миграция исследуется в конкретном историческом, экономическом, социальном, политическом и демографическом контексте миграционного взаимодействия определенных стран. Именно этот факт и обусловил выбор указанной теории для исследования Азиатско-Тихоокеанской миграционной системы, поскольку миграционные процессы, происходящие в Северо-Восточной Азии, являются важнейшей характеристикой экономического и социального развития данного региона.

Глава 2

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДУЕМОЙ ПРОБЛЕМЫ

2.1. Исторические предпосылки формирования современных тенденций международной миграции

Миграция — фундаментальный исторический феномен, которому присущи глобальные исторические закономерности, регулирующие и направляющие миграционные процессы [71, с. 7]. Чтобы по-настоящему понять значение массовой миграции в формировании мировой истории, понять, насколько предыдущие перемещения отличаются от нынешних, и представить дальнейшие перспективы, следует оглянуться на двухсотлетнюю историю массовой миграции.

Периодизацию истории международной миграции с точным определением границ и описанием сути происходящего пытались дать многие ученые. Мы будем придерживаться периодизации, в которой основные модели миграционных процессов сопоставляются с определенными историческими периодами, и согласно которой миграция является неотъемлемой частью современной жизни [89, 101, 110].

Как известно, первая волна массовой миграции совпадает с открытием американского континента, что стимулировало устойчивый поток мигрантов из Европы в Новый Свет. Параллельно шли процессы принудительного переселения преступников в Америку и Австралию. Изначально принуждение и контракты были основными средствами, с помощью которых Новый Свет, испытывавший нехватку рабочей силы, привлекал рабочих до начала XIX в. Но к середине XIX в. межконтинентальные переселения обрели черты свободной миграции (доля свободных мигрантов в их общем числе увеличилась с 20 % в 1820 г. до 80 % — к 1840 г.), главным

мотивом миграции стал экономический. Миграционные перемещения этого периода происходили без помощи правительства и разрешений на работу и были обусловлены двумя взаимосвязанными процессами: продолжающейся колонизацией и индустриализацией в странах Западной Европы. В то же время расширяется география районов исхода. Перечень стран исхода возглавляла Великобритания, из которой более 25 млн человек эмигрировали в ее колонии. Второе место занимала Германия (4,9 млн чел. эмигрировали в основном в США). Потоки переселенцев из Италии (3,9 млн человек) направлялись большей частью в Аргентину, Бразилию, США. Продолжалась колонизация Америки испанцами и португальцами. Параллельно с индустриализацией шло «раскрестьянивание» и быстрый рост городов. Не находя работу в городах, «избыточное население» устремлялось в другие страны и на другие континенты. Если в начале этого периода основные потоки международной миграции направлялись на американский континент, в частности, в США, то к его концу в связи с развитием индустриализации и необходимостью в дополнительной рабочей силе, увеличились объемы миграции из Азии, Африки и Латинской Америки [201].

Важные миграционные процессы происходили и внутри Европы перед Первой мировой войной. Под влиянием первой промышленной революции наблюдалась миграция из Ирландии в Британию, итальянцы стремились во Францию и Германию. Население перемещалось из Восточной Европы в Германию и из Восточной Германии на Запад. Развитие транспорта и промышленные революции способствовали расширению пространства глобальной миграции, сократились транспортные издержки. Возросло число иммигрантов из бедных стран (Азии, Африки и Латинской Америки), что свидетельствовало о смене источника миграции. Соответственно, увеличилось культурное различие между мигрантами и местным населением. Вместе с тем изменилось и «качество» иммигрантов. Как следствие, произошло снижение стоимости их навыков на рынках труда принимающих стран. В США, в частности, усилились антииммиграционные настроения. Коренные

жители считали, что мигранты их вытесняют. В ответ на жалобы избирателей в 1917 г. в США был принят Закон о грамотности, призванный отсеять из страны иммигрантов из бедных стран. После окончания Первой мировой войны, в 1921, 1924 и 1927 годах, Конгресс принял законы о квотах и ввел запрет на въезд выходцев из стран Азии. Другие принимающие страны последовали примеру США. Столетие первой глобальной миграции завершилось.

Таким образом, вынужденно-принудительная модель первой волны соответствовала периоду массовой колонизации и отражала потребности Западной Европы в освоении новых территорий, создании новых капиталистических рынков, развитии цивилизации Старого Света и снятия социальной напряженности.

Вторая волна миграции имеет место в период и после Второй мировой войны. В основном это были беженцы и перемещенные лица. В целом около 50–60 млн человек только европейского населения мигрировали во время войны, а после ее окончания в Европе было зарегистрировано около 13,5 млн перемещенных лиц [101]. Миграции после окончания Второй мировой войны носили вынужденный и массовый характер. Их рост был связан с концентрацией инвестиций, расширением производства в высокоразвитых странах и востребованностью трудовых мигрантов в Западной Европе, США, Канаде, Австралии.

В период 1965–2000 гг. доля иммигрантов на треть возросла в Океании (с 14,4 до 19,1 %), более чем в два раза в Северной Америке (с 6 до 13 %) и более чем в три раза в Европе (с 2,2 до 7,7 %). К 2000 г. США возвратили себе звание «страны иммигрантов». В Германии доля лиц иностранного происхождения в 2000 г. составила 8,9 %, во Франции — 10 %, в Великобритании — 4,3 %, Дании — 5,8 %, Норвегии — 6,3 %, Швеции — 11,3 % [110].

В целом вторая модель миграционных процессов, индустриально-классическая, характеризуется свободным переселением по экономическим мотивам без каких-либо ограничений. Расширяется диапазон стран исхода мигрантов, происходит усиление культурного различия между ними и коренными жителями мест вселения. Специфика этой модели состоит в том, что с развитием

индустриализации многие страны начинают испытывать необходимость в дополнительной рабочей силе. При этом прилагаются усилия для стимулирования миграционного потока, как то: отмена квот в зависимости от страны происхождения, снятие запрета на иммиграцию из Азии, переход к общемировой квоте, а в критерии допуска в страну добавляется факт воссоединения семей.

В отличие от первой волны современный бум всемирной массовой миграции происходит на фоне «сдерживающей» и ограничительной иммиграционной политики.

Кардинальные политические и экономические изменения, которые произошли в конце 80-х — начале 90-х гг. XX столетия, вызвали к жизни новые мощные миграционные потоки. В результате в 1990 г. Европа стала свидетелем самого крупного с конца Второй мировой войны передвижения людей: свои страны покинули 1,3 млрд человек. Миграционная ситуация в мире существенно изменилась — сформировался новый мощный центр притяжения иммигрантов в рамках ЕЭС. Европа из поставщика иммигрантов за океан превратилась в их «потребителя». Немного ранее, в середине 70-х гг., такой центр уже возник в районе Персидского залива (Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты), где сложилась уникальная демографическая и экономическая ситуация, когда в начале 90-х гг. при небольшой численности населения этих стран иностранцы составляли 70 % рабочей силы этого региона. В Латинской Америке центрами концентрации мигрантов стали Аргентина, Венесуэла, Бразилия, в Юго-Восточной Азии — Малайзия, Сингапур, Гонконг, Япония, Южная Корея и Тайвань, в Африке — Южно-Африканская Республика.

Дж. Уильямсон отмечает четыре крупномасштабных сдвига в схемах движения миграционных потоков за последние 50 лет. Первый сдвиг — снижение числа европейских эмигрантов за счет возобновления миграции внутри Европы (включая Турцию). Западная и Южная Европа стали объектами иммиграции из Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока и Африки, а после распада СССР в 90-е гг. в Европу хлынули иммигранты из бывших

советских республик. Второй сдвиг — эмиграция из Восточной Европы в 80-е гг., после того как открылись границы Польши и Румынии, и еще более радикально — после падения Берлинской стены в 1989 г. Третий сдвиг — трансформация Латинской Америки из крупнейшего реципиента иммиграции в крупнейшего донора. Если в 1960 г. Латинская Америка приняла 1,8 млн иммигрантов, то в 1980 г. отправила за границу 1,8 млн своих жителей. Объяснением такого уникального изменения динамики является, видимо, наличие у Латинской Америки более богатого и быстро-растущего северного соседа. Четвертый и самый масштабный послевоенный сдвиг — увеличение числа иммигрантов из стран Азии, Африки и Ближнего Востока [110].

Модель миграционных процессов периода 1979–1990 гг. получила название «диффузной». Миграционные процессы этого периода связаны со сложными структурными изменениями в новом международном разделении труда, с геополитическими преобразованиями и масштабными процессами глобализации. К экономическому фактору миграционных процессов добавились политические факторы. Эти процессы сопровождались трансформацией природы, структуры и видов миграций. Назрела необходимость в изменении регулирования национальными механизмами миграции.

В результате всех описанных выше событий, по оценке ООН, сегодня в мире насчитывается 214 млн мигрантов — на 37 % больше, чем 20 лет назад. В Европе за это время количество иммигрантов увеличилось на 40 %, в Северной Америке — на 80 % [180].

Сравнивая движущие силы миграции первой и второй волны, можно констатировать, что в первое глобальное столетие волну эмиграции из бедных стран породили голод и бедность, а промышленные революции сопровождались быстрым ростом городов, который в основном осуществлялся за счет миграции из сельской местности. Резкое снижение транспортных затрат и появление денежных переводов только усилили эти процессы. Перемещения людей облегчались благодаря активной политической позиции правительств стран происхождения и стран назначения, поощрявших

миграцию [201]. Те же силы действуют и в современную эпоху второй миграционной волны, хотя они уже сопровождаются, на наш взгляд, отличными от предыдущих целенаправленными ограничительными мерами.

Еще одно отличие состоит в том, что мировые миграции первой волны способствовали повышению уровня жизни в бедных странах происхождения и стали важнейшим фактором сближения уровня жизни стран назначения и происхождения. Почему же сближения этих уровней не наблюдается в современной Азии, Африке, Латинской Америке и на Ближнем Востоке? Одна из причин кроется в количественном соотношении меньших масштабов эмиграции и больших масштабов населения в этих регионах. Сегодня страны третьего мира (или страны исхода) имеют значительно большее население по сравнению с принимающими странами, чем имели европейские страны, отправлявшие своих эмигрантов до 1913 г. То есть те же самые показатели иммиграции в принимающей стране сегодня означают гораздо меньшее число эмигрантов, чем 100 лет назад [110].

Другая причина видится в том, что к концу XIX в. многие страны ввели ограничения на въезд для многих потенциальных мигрантов. Например, барьеры для въезда ввели Австралия, США, Аргентина и Бразилия. Причины были различными: уменьшение количества незанятых земель, давление рынка рабочей силы и настроений в обществе и др. Современные ограничения иммиграции прежде всего связаны с изменением характера современной миграции, что обусловлено объективными изменениями в общественном типе развития и изменениями в третьем мире. А именно: смена индустриального типа развития на постиндустриальный сопровождается перемещением индустриального производства в новые индустриальные страны. Переход к интенсивной экономике приводит к изменению спроса на рабочую силу и ее качественным изменениям. Уже в самих развитых странах стабильно растет безработица. Массовая миграция направляется в отрасли, не требующие ни квалификации, ни образования [115]. Растет число вынужденных и нелегальных мигрантов, что

непосредственно связано не только с негативным экономическим влиянием иммигрантов на налоги, бюджет, но и с политическим влиянием налогоплательщиков.

Миграционные процессы, происходящие в нынешнее время, свидетельствуют о том, что вектор миграции меняется. По мере того как нарастает экономическое развитие развивающихся стран, стимулы к эмиграции ослабевают. Стоит только взглянуть на большинство стран Восточной и Юго-Восточной Азии. Да и бурное развитие Китая указывает на то, что вскоре эта стадия будет достигнута и здесь (для китайцев более интересны прибрежные регионы своей страны, где они могут теперь заработать даже больше, чем, например, в России, и где нет той неблагоприятной социальной среды, которая их ожидает там же). Однако эта тенденция имеет и другую сторону. Не секрет, что с повышением уровня жизни растут доходы населения, а значит, и потребности в еще более достойном уровне жизни за рубежом. Эмиграция в развитые страны продолжится. Еще один момент. Старение населения в постиндустриальной части мира может увеличить спрос на трудовых иммигрантов, но замедление роста в принимающих странах, скорее всего, нейтрализует этот спрос.

Следовательно, в основе следующего масштабного сдвига в глобальной миграции лежит демографический фактор. Как прогнозируют ученые, этот сдвиг будет вызван ярко выраженным относительным ростом миграции внутри третьего мира (миграция с «Юга» на «Юг»), а также резким относительным снижением миграции из стран третьего мира на запад (миграция с «Юга» на «Север»). Постепенное изменение этнонационального, расового и конфессионального ландшафтов всего мира может стать реальной действительностью. Великое переселение могут спровоцировать социальные, экономические, политические и иные негативные события в странах развивающегося мира. Таким катализатором, например, может стать возможная политическая нестабильность в Китае. По словам Дэн Сяопина, в таком случае 500 тыс. китайцев выплеснутся в Гонконг, 10 млн — в Таиланд, 100 млн — в Индонезию. «А сколько китайцев устремятся в Сибирь, на российский

Дальний Восток, в центральную Россию, а также страны Западной Европы?» — спрашивает С. Рязанцев [132].

Рассмотренные нами исторические закономерности миграционных процессов позволяют ретроспективно взглянуть на современные тенденции международной миграции, которые свидетельствуют о значительных количественных и качественных трансформациях в миграционных потоках [193]. Перечислим эти тенденции, анализируя более подробно лишь некоторые из них.

• *Глобальное распространение миграции.* Как отмечалось ранее, численность международных мигрантов в 2010 г. достигла 214 млн человек по сравнению с 150 млн в 2000 г. [180]. Иными словами, сегодня один из 33 жителей планеты — мигрант, тогда как в 2000 г. это был один из 35.

Шесть из десяти международных мигрантов (128 млн, что составляет 60 % от всех международных мигрантов) сегодня проживают в развитых странах и большинство из них (74 млн) являются выходцами из развивающихся стран. В 2010 г. отмечена новая тенденция — количество мигрантов из развивающихся стран, живущих в других развивающихся странах (73 млн), и количество мигрантов из развивающихся стран, живущих в развитых странах (74 млн), практически сравнялось [193] (табл. 1).

Таблица 1

**Число международных мигрантов в мире
и основных группах стран (млн человек)**

Годы	Весь мир	Развитые страны	Развивающиеся страны	Беженцы
1990	156	82	73	19
1995	166	94	72	18
2000	178	104	74	16
2005	195	117	78	14
2010	214	128	86	16

Расширилась география миграции, вовлекая все новые страны и регионы в диапазон стран приема мигрантов. По информации отделения народонаселения ООН, в миграционный оборот втянуто 218 стран мирового сообщества. Число международных мигрантов в основных регионах мира составило: в Европе — 69,8 млн человек, в Азии — 61,3 млн человек, в Северной Америке — 50,0 млн человек, в Африке — 19,3 млн человек, в Латинской Америке — 7,5 млн человек, в Океании — 6,0 млн человек.

По данным Всемирного банка, в 2010 г. по числу прибывающих мигрантов лидируют США (42,8 млн человек), за ними следуют Россия (12,3 млн), Германия (10,8 млн), Саудовская Аравия (7,3 млн) и Канада (7,2 млн). По отношению числа мигрантов к населению страны лидируют Катар (87 %), Монако (72 %), Объединенные Арабские Эмираты (70 %), Кувейт (69 %), Андорра (64 %). Наиболее активным каналом миграции считается Мексика — США, далее следуют такие направления, как Россия — Украина, Украина — Россия, Бангладеш — Индия [195].

По оценке ООН, число мигрантов в мире будет неуклонно возрастать и может достигнуть 405 млн к 2050 г. Главными движущими силами этого роста по-прежнему будут увеличивающаяся диспропорция между избытком рабочей силы в развивающихся странах и ее дефицитом в развитых государствах, урбанизация, старение населения, неблагоприятные изменения окружающей среды, природные катастрофы [180].

- Появились *новые формы миграции*. Активизировалась бизнес-миграция, появилась налоговая миграция (переезд в другие страны с целью уменьшения налогов), расширилась инвестиционная миграция или миграция инвесторов (переезд людей, желающих вложить деньги в создание предприятий за рубежом), развивается брачная миграция, религиозное паломничество, увеличились масштабы туризма.

- Вслед за новыми формами в *глобальные миграции вовлекаются новые социально-демографические группы населения*, что связано с потребностями глобализирующегося рынка труда и развитием международной миграции рабочей силы [90]. Появилось

явление «феминизации миграции», т. е. востребованности женщин в некоторых сегментах рынка труда (уход за престарелыми, больными, детьми). По данным ООН, женщины составляют сегодня половину всех мигрантов (51,5 %). По мнению С. Кастлеса и М. Миллера, «феминизация» станет одной из ведущих закономерностей будущего развития международной миграции населения не столько в плане увеличения доли женщин среди мигрирующих, сколько в усилении их роли в социально-экономическом и демографическом развитии принимающих стран [144]. Женщины-мигрантки становятся основными источниками получения дохода для своих семей, в связи с чем в семьях стран третьего мира меняются гендерные роли. Глобальной проблемой становится контрабанда женщин для нужд секс-индустрии. Например, нынешний рынок сексуальных услуг стран Северной Америки, Европы и Азии насыщен женщинами из развивающихся стран [126].

Говоря о качественных изменениях современной международной миграции, необходимо особо отметить увеличение среди мигрирующих доли лиц с высоким уровнем образования и профессиональной квалификации. В ряде стран (США, Канада, Австралия) существуют специальные привилегированные системы въезда для привлечения предпринимателей, ученых, профессионалов и технических специалистов. Негативные последствия для стран-доноров несет так называемая «утечка умов», т. е. перекачивание в другие страны квалифицированных кадров.

Кроме того, в трудовую и учебную миграцию активно вовлечена молодежь, которая лучше всего реагирует на иммиграционные стимулы.

- Характерным явлением современной международной миграции стала *нелегальная миграция*, которая определяется экономическим, криминальным, политическим и географическим факторами. Как следствие, миграционные потоки активно используются транснациональной преступностью, увеличиваются масштабы трафика, трансформируются его формы (наряду с нелегальной транспортировкой используются незаконное усыновление детей, проституция, торговля людьми для пересадки органов). По оценкам

ООН, на торговле людьми организованные преступные группы зарабатывают ежегодно 3,5 млрд долларов [152, с. 1–2].

• Происходит *изменение национальных миграционных политик*, что связано с проявлением негативных последствий «замещающей» миграции, которая принесла массу культурных, социальных и даже политических проблем. В результате экономически развитые страны ужесточают миграционную политику в отношении низкоквалифицированной рабочей силы, отдавая предпочтение людям с высокой квалификацией и учебным мигрантам. Все большее внимание уделяется демографической политике, направленной на стимулирование рождаемости и поддержку семей с детьми [90, с. 274].

Кроме того, следует отметить двойственный характер миграционных политик. С одной стороны, начиная с 1974 г. идет ужесточение иммиграционной политики по отношению к мигрантам «третьих» стран [68, с. 91]. С другой — имеет место либерализация миграционных режимов, вызванная появлением «прозрачных границ» внутри региональных союзов в рамках соответствующих соглашений (например, ЕС и Шенгенское соглашение).

• *Денежные переводы* мигрантов представляют собой самую непосредственную и наиболее ощутимую выгоду международной миграции. Они становятся новым мощным источником финансовых потоков для развивающегося мира, оказывающим многогранное воздействие на все мировое хозяйство. По оценкам Всемирного банка, за последние годы объем денежных переводов во всем мире вырос в несколько раз: со 132 млрд долларов США в 2000 г. до 414 млрд долларов США в 2009 г. Объем средств, поступивших от мигрантов в развивающиеся страны, составил в 2009 г. 316 млрд долларов США (что составляет 76 % от общей суммы переводов), в 2000 г. это было всего лишь 83 млн и 63 % соответственно (что более чем в три раза превышает объем всей международной помощи, предоставляемой этим странам на развитие) [222]. В связи с экономическим кризисом было отмечено сокращение потоков денежных переводов.

• **Экономический кризис повлиял на направление миграционных потоков**, которые развернулись на 180 градусов. В результате сокращения или отсутствия рабочих мест, а также ужесточения мер по противодействию иммиграции в развитых странах миграционные потоки направились на поиски работы на соседние развивающиеся рынки [213]. Происходит изменение модели миграции, которое окажет неоднозначное воздействие как на развитые, так и на развивающиеся страны. Развитые страны могут лишиться потенциального источника обновления, сокращая предложение на рынке труда, а снижение рождаемости приведет к дефициту рабочей силы. В свою очередь, страны происхождения в связи с сокращением денежных переводов могут лишиться важнейшего источника доходов для семей эмигрантов, а с другой стороны, благодаря мобильности иностранные рабочие, прибывая в развивающиеся страны, могут способствовать развитию их буксующих экономик. Несмотря на то, что в результате экономического кризиса 2008 г. произошло замедление миграционных потоков в развитые страны [214], рост притока мигрантов продолжается [222].

• Одной из ключевых тенденций современной международной миграции является **формирование отношений устойчивой взаимозависимости государств на основе их миграционного взаимодействия**. Отношения между развитыми странами (импортерами трудовых ресурсов) и развивающимися странами (экспортерами трудовых ресурсов) принципиально меняются. Поскольку международная миграция активно участвует в перераспределении ресурсов развития, без чего ни одна, ни другая группа стран обойтись не может, эти страны оказываются в отношениях взаимной зависимости, которые заставляют их искать новые партнерские формы взаимодействия и укрепления интеграции [42] (что и происходит в странах Юго-Восточной Азии).

• **Экономический потенциал зарубежных диаспор** рассматривается в ряде развивающихся стран как важнейший резерв модернизации — источник инвестиций, современных технологий и знаний. Позитивным моментом становится применение профессиональных навыков вернувшихся на родину

трудящихся-мигрантов, которые были приобретены в период миграции. Например, в Индии, Китае и Республике Корея лица, возвратившиеся из Соединенных Штатов Америки, являются главной движущей силой развития индустрии программного обеспечения. В этом состоит особая ценность международной миграции, которая измеряется не только деньгами.

Россия, все активнее вовлекаясь в мировые миграционные процессы, испытывает на себе влияние тех же тенденций. Тем не менее в силу действия различных факторов (изменение социально-экономического базиса и политической системы) в стране произошла трансформация миграционных процессов, которая привела к возникновению ранее не характерных для России тенденций. России стали присущи свои особенности, связанные с появлением такого феномена, как ближнее зарубежье [63].

Заметим, что первые пять основных тенденций были отмечены еще в программе Каирской конференции (1994 г.) [187], они приняли устойчивый характер и определяют сегодня все стороны развития современного общества.

2.2. Политическое измерение современной международной миграции

Вопросы миграции занимают важное место в политической повестке дня международного, регионального и национального уровней.

Человечество не раз являлось прямым свидетелем событий, когда геополитические изменения с неизбежностью приводили к новым волнам миграции, превращая ее и сопутствующие ей проблемы в глобальное явление. В свою очередь миграция также оказывает влияние на политическую, демографическую, этническую, социально-экономическую жизнь в регионах и странах, напрямую и косвенно задействованных в этих процессах. Нередко социальные и экономические последствия миграции становятся орудием политической борьбы, средством нагнетания социальной напряженности в обществе.

В истории мирового развития классическими стали примеры, в которых региональные особенности международной миграции повлияли на ее изменение в контексте глобализации. Так, в 1948 г. в результате сугубо этнической иммиграции евреев со всех концов мира было создано государство Израиль, что в свою очередь породило мировую проблему палестинских беженцев. Затем создание Европейского экономического сообщества в 1958 г. способствовало превращению Европы из континента, отдававшего население, в мощный центр по привлечению мигрантов для нужд экономики. В конце 60-х — начале 70-х гг. в результате конфликта между Индией и Пакистаном и образованием государства Бангладеш армию беженцев пополнили еще 10 млн человек. Далее, в середине 70-х гг. с началом эксплуатации нефтяных месторождений в Персидском заливе появляется еще один региональный центр притяжения иностранной рабочей силы [131, с. 116]. Становление азиатских тигров (Японии, Республики Кореи, Тайваня, Гонконга и Сингапура) в 80-е гг. повлекло за собой импорт рабочей силы из стран Юго-Восточной Азии. Заметим, что уже тогда Китай сделал ставку на экспорт рабочей силы, завоевав себе статус основного «поставщика» нелегальных иммигрантов.

Миграция населения является одной из важных составляющих все более усложняющейся системы внутрисоциальных и межгосударственных отношений. Яркой иллюстрацией могут служить события 90-х годов, ознаменованные крушением социалистического блока, распадом СССР и Югославии и появлением на их месте новых самостоятельных государств, что значительно активизировало миграционные потоки и усилило их роль во взаимоотношениях между новыми странами.

Для более глубокого понимания политических аспектов миграции определим, в чем же заключается взаимозависимость миграции и политического процесса.

Как известно, политизация миграционных процессов выражается в стремлении мигрантов объединить и выразить свои социально-экономические, политические и культурные интересы посредством создания новых политических партий и движений

или вхождения в уже существующие. Основными факторами политизации миграционных процессов в современном мире являются: новый виток противоборства со стороны развитых государств за пространство (географическое, экономическое, политическое, информационное) и политическая модернизация ряда государств. В условиях глобализации эти факторы становятся доминирующими в глобальном, региональном и локальном политических процессах. Особую остроту приобретает проблема беженцев, имеющая глобальный характер, поскольку она затрагивает политические интересы не только отдельных локальных, региональных политических сообществ, но и может изменить контуры и сущность мирового политического пространства. Более того, рост политической активности и политической культуры мигрантов может способствовать изменению политической реальности и создавать угрозу национальной безопасности [38].

В свою очередь, миграция так влияет на политические процессы, что заставляет государство корректировать социально-экономическую политику с целью адаптации мигрантов для обеспечения целостности общества и дальнейшего эволюционного развития самого государства. Проблемы миграции становятся неотъемлемой частью стратегии обеспечения национальной безопасности.

Таким образом, миграция рассматривается в двух измерениях: общегосударственном и ситуационно-политическом.

В первом случае речь идет о влиянии миграционных потоков на социально-политическое устройство государства и национальную идентичность его граждан, систему внутrigосударственных отношений и политическую культуру, на человеческий потенциал государства, предопределяющий роль и место страны на внешнеполитической арене. В данном случае миграционная политика правительства имеет два аспекта. С одной стороны, стимулируется миграция своих граждан за рубеж, что позволяет ослабить социально-экономическое и демографическое «напряжение» в обществе, не инвестируя при этом особые средства в социальные программы, политику занятости населения, систему образования, здравоохранения, социального обслуживания. Особое внимание

уделяется проблемам национальной безопасности и угроз, которые несут неконтролируемые и нелегальные миграционные потоки. Так, например, после 11 сентября 2001 г., когда большинство индустриально развитых стран мира сконцентрировались на решении трех главных задач — «предотвращение, наказание, защита» (в английском языке обычно используется термин 3Р — preventing, prosecuting, protecting) [62, с. 323]. С другой стороны, эти же правительства стремятся получить новые ресурсы и рынки сбыта [132].

В рамках второго измерения, ситуационно-политического, мигранты и их объединения рассматриваются в качестве политических акторов, которые принимают непосредственное участие в политической жизни государств или становятся субъектами воздействия различных политических сил как в странах исхода, так и в принимающих странах. В связи с этим остро стоит вопрос адаптации и инкорпорации мигрантов в общество и социально-политическую систему национальных государств. В этот процесс включаются диаспорные сообщества и миграционные сети, которые обеспечивают связь между посылающими и принимающими странами, гарантируя устойчивость миграционных потоков. Включаясь в общественную систему страны пребывания, диаспоры играют весьма важную роль в политической жизни страны исхода. Формы вовлечения диаспор в политическую жизнь имеют самый разнообразный характер, а их политическая деятельность может быть направлена как в сторону принимающей страны, так и в сторону страны исхода (например, электоральные политические акции, лоббирование интересов страны исхода в принимающей стране, оказание влияния на страну исхода путем поддержки правительства или оппозиции, финансовая поддержка политическим партиям, движениям и неправительственным организациям страны исхода, содействие разрешению конфликтов в стране исхода либо их разжигание).

Заметим, что отождествлять диаспоры и миграционные сети не следует. Их отличие состоит в том, что диаспора старается соответствовать стандартам принимающего общества: она

институализируется, дистанцируется от криминала, этнической преступности. Миграционные сети представляют собой более подвижное, неформальное и безличное образование, которое иногда может срастаться с этническим криминалом [138, с. 100].

Фактически, на наш взгляд, миграционные сети в большей степени могут препятствовать интеграции мигрантов в принимающем обществе, сохраняя их изолированность, что подтверждается событиями, происходящими в последнее десятилетие в Германии, Франции, Италии и других странах Европы. Как подчеркивает Дахин В. Н., «в рамках национальных диаспор в этих странах происходит отчуждение мигрантов от общества и общественной жизни стран-реципиентов. Диаспоры все больше становятся замкнутыми, даже агрессивно-враждебными окружающей среде. Из механизма адаптации, а затем и интеграции мигрантов в принимающее общество диаспора превращается в механизм консервации ценностей, обычаев, поведения. Мигранты начинают пропагандировать ценности и обычаи своей родной страны, они все чаще живут в обществе страны-реципиента по обычаям своей этнореligиозной группы. Европейские страны, строящие единое пространство без границ, «вдруг» обнаружили, что их национальное общество состоит из «параллельных» обществ, живущих по своим «законам», говорящих на других языках, имеющих свои параллельные структуры специальных связей, культуры, образования, образа жизни» [115].

Политическую активность мигрантов подтверждают примеры недавнего времени, когда в октябре 2005 г. произошли стихийные беспорядки мигрантов в одном из пригородов Парижа, которые затем приобрели характер восстания и распространились по всей Франции. За первые две недели волнениями было охвачено 274 города. Бунтовщики сжигали автомобили, магазины, административные здания, было ранено более 36 полицейских. Нападениям подверглись христианские церкви на юге и севере страны [121].

Другой пример приводит Дж. Файн, политолог из университета Ратджерса в Нью-Джерси: «Иммиграция усилила раскол

в американском рабочем движении. В 2005 г. сразу несколько профсоюзов вышли из Американской федерации труда и образовали собственную федерацию, получившую название «Перемены ради победы». Костяк этих профсоюзов составляют низкооплачиваемые рабочие-иммигранты. Этот раскол имел далеко идущие последствия». Дж. Файн полагает, что входящие в «Перемены ради победы» профсоюзы сыграли важную, а возможно, и решающую роль на ранних этапах предвыборной кампании Барака Обамы.

После осенних событий 2005 г. во Франции мир столкнулся с массовыми выступлениями инокультурных сообществ в Великобритании, Австралии, Швеции, Испании, Бельгии, Нидерландах, Швейцарии, Италии, Греции, странах Восточной Европы. Можно констатировать, что Западу были продемонстрированы сила, организованность мигрантов, их намерения на будущее. В ряде стран Европы концентрация иммигрантов, замкнутость их этнических общин, высокий уровень преступности также приводят к недовольству коренного населения в самых разнообразных формах. Количество межнациональных столкновений возрастает. Как следствие, миграционная политика европейских стран начинает приобретать ограничительный характер по отношению к мигрантам, ужесточается контроль над нелегальной миграцией.

Известны случаи прямого участия диаспоры в политической жизни, путем получения представительства в законодательных и исполнительных органах власти в стране исхода. Классическим примером в этом плане является пример Хорватии, когда хорватская диаспора в 1990 г. пожертвовала 4 млн долларов на избирательную кампанию Франьо Туджмана и была впоследствии вознаграждена предоставлением ей в парламенте двенадцати из ста двадцати мест [62, с. 324]. Не менее интенсивно диаспоры участвуют и в экономической жизни страны исхода, направляя значительные финансовые потоки в страну происхождения, способствуя этим ее социально-экономическому развитию.

Но, даже находясь за пределами стран происхождения, мигранты, будучи членами диаспоры, все еще ощущают себя частью родины. Как для принимающей страны, так и для страны исхода

такое положение дел может иметь как положительное, так и отрицательное значение. Поэтому национальные государства должны выстраивать свою политику относительно мигрантов и их сообществ в соответствии с существующими реалиями. Интересна в этом отношении политика Китая, направленная на создание «единой нации», которая объединит китайцев «Большого Китая» (КНР, Тайвань и китайские диаспоры в Юго-Восточной Азии, поддержанные всеми китайскими диаспорами в разных государствах планеты). Как полагают многие эксперты, такой Китай способен бросить вызов Западу и США не только экономически, но посредством выдвижения «духовной альтернативы» западной системе ценностей [62, с. 326].

Заслуживает внимания исторический опыт китайской диаспоры в США, отношение к которой зависело от положения Китая на мировой арене. Еще в конце XIX в., отчаявшись добиться уважения белых американцев, и в ответ на дискриминационные меры в отношении китайцев со стороны правительства США, этнические китайцы выработали стратегию помощи Китаю в обретении веса на международной арене. Зарубежные китайцы уже тогда понимали, что политически модернизированный и экономически развитый Китай мог бы противостоять западным державам, а следовательно, защитить права своих граждан за рубежом. Они начали создавать собственные школы с преподаванием на родном языке, печатали собственные газеты, развивали торговые и деловые отношения друг с другом и даже организовывали банки, собирая «вскладчину» деньги. Во время Второй мировой войны, когда Китай выступил союзником США в борьбе с Японией, отношение к китайским мигрантам изменилось в лучшую сторону. В 1943 г. был даже отменен Акт исключения, согласно которому китайцам, не имевшим родственников в США, въезд в страну был запрещен. Позднее, в начале 50-х гг., китайская эмиграция принимала активное участие в движении за гражданские права, в результате чего мигрантам удалось добиться отмены многих противоречащих конституции законов и заставить Конгресс пересмотреть иммиграционные квоты. И уже вскоре китайские переселенцы в США

получили статус «образцового меньшинства» (model minority) как законопослушная и трудолюбивая этническая группа, стремящаяся к достижению американской мечты [86, с. 192].

Активно осваивая как прилегающие территории, так и более отдаленные районы, китайцы перемещаются на Европейский континент, представляя собой определенный вызов для Европейской системы.

Как отмечалось ранее, сегодня практически все страны Западной Европы, являясь наиболее привлекательными для потенциальных мигрантов со всего мира, осуществляют политику сдерживания иммиграции, защищая, с одной стороны, свои национальные интересы и рынки труда, с другой — пытаясь сохранить свою культурную самобытность и вместе с тем решить проблемы аккумуляции мигрантов. Получить статус резидента здесь довольно сложно. В связи с этим миграционное давление из Китая на Европейский континент кратко рассмотрим в двух аспектах: 1) тенденции и особенности развития китайской миграции в Европе и 2) возможности интеграции китайских мигрантов в европейское цивилизационное пространство.

Миграционные потоки из КНР в Европу хлынули в 90-е гг., что объясняется активным противодействием эмиграции со стороны китайского правительства вплоть до 1985 г., когда вступил в силу смягчивший запреты на выезд Закон КНР о контроле за выездом и въездом. В 1998 г. Европа оказалась третьим по количеству выходцев из Китая континентом (около 950 тыс. человек), уступив странам Северной и Южной Америки (более 5 млн человек). Целью китайских мигрантов были преимущественно страны Западной Европы — Великобритания, Франция и Германия. Однако правительства этих государств уже в то время с осторожностью относились к предоставлению возможностей для легальной экономической и этнической миграции выходцам из Юго-Восточной Азии в силу особенностей их менталитета и их миграционных намерений. Как следствие, мигранты хлынули в Восточную Европу, прежде всего в Чехию, Венгрию и Югославию [86, с. 208]. В основном это была экономическая миграция,

вызванная безработицей и низким уровнем жизни в родной стране. Некоторый вклад в формирование миграционных потоков внесла этническая миграция, обусловленная семейными и родственными связями. Трудовые мигранты работали на промышленных предприятиях, в дорожном и муниципальном хозяйстве. Крупнейшие поселения китайцев в Европе сложились там, где китайские диаспоры исторически оказались наиболее сильными, — во Франции, Великобритании, Германии. Первоначально китайская эмиграция была связана с морскими перевозками между европейскими колониальными державами — Великобританией и Голландией — и их колониями. Во Франции она в большей степени определялась коммерческими, интеллектуальными и дипломатическими взаимоотношениями, а также потребностью в рабочей силе во время Первой мировой войны. Первая китайская община была создана во Франции [86, с. 218].

Впоследствии легализовавшись, многие из китайских эмигрантов сменили сферу деятельности и занялись бизнесом. Одной из самых заметных тенденций китайской миграции последних лет является увеличение китайских студентов, которые стремятся после окончания учебы остаться в европейских государствах. Данная тенденция говорит о том, что высокие темпы экономического роста Китая позволяют все большему числу китайцев платить за обучение своих детей за рубежом. Кроме того, потенциальные работодатели, чей бизнес направлен в азиатском направлении, приветствуют таких квалифицированных рабочих, поскольку они уже прошли определенную аккультурацию в Европе. Вместе с тем наряду с легальной китайской миграцией в Европе присутствует и нелегальная, в которой особое внимание привлекает китайский трафик. С одной стороны, он рассматривается как источник роста преступности в европейских странах, с другой — речь идет о многочисленных жертвах нелегальных миграций на пути в Европу. Одним из наиболее легких транзитных путей в Европу считается Россия. Как подчеркивает И. Ивахнюк, «в значительной своей части китайская миграция в Россию имеет транзитный характер и нацелена на страны ЕС, и в этом контексте она несет в себе

определенный демографический, экономический и политический потенциал» [192]. По мнению некоторых ученых, Азиатская цивилизация в будущем даже заменит Европейскую цивилизацию [69, с. 153].

Росту миграции из КНР в Европу способствует присутствие многочисленных китайских диаспор. Как и на других континентах, они демонстрируют определенную специфику, представляя собой устойчивые, замкнутые и самодостаточные общности, ориентированные на предпринимательскую деятельность и удерживающие за собой определенные сегменты рынка. Национальные сообщества имеют собственную систему управления с финансовой, правовой, транспортной, информационной и др. поддержкой жизнедеятельности. Сохраняя тесные связи с родиной, они не склонны к ассимиляции и поддерживают изоляцию со стороны принимающей страны. Здесь кстати уместно заметить, что китайское правительство приветствует именно такие взаимоотношения мигрантов с властью страны-реципиента, что способствует «поддержанию в международном общественном мнении образа КНР как миролюбивой и ответственной державы, строго придерживающейся правил цивилизованного поведения» [53, с. 414].

В перспективе, по мнению многих китаеведов, при сохранении стабильной ситуации в Китае поток этнических мигрантов в Европу будет увеличиваться незначительно, но в случае возникновения крупных этнических конфликтов внутри КНР можно ожидать существенного увеличения числа беженцев. В то же время прогнозируется нарастание потока нелегальных мигрантов, желающих сменить место жительства по экономическим причинам, поскольку экономика Китая еще долго не сможет задействовать избыточную рабочую силу, доля которой в результате сложившейся возрастной структуры населения в течение ближайших десятилетий будет превышать 70 %. Это означает, что Китай располагает огромными трудовыми ресурсами, и перед государством стоит сложная задача — обеспечить занятость населения в последующие годы. Вряд ли это удастся быстро сделать, используя внутренний рынок труда. Вполне естественно предположить, что

определенная часть китайских граждан будет стремиться найти работу и заработок за рубежом. Кроме того, «с учетом роста жизненного уровня в КНР демографическая экспансия со стороны Китая не угрожает другим странам. Но демографическое давление Китая, его геополитическое доминирование всегда будет потенциальным фактором, влияющим на миграционные процессы в Центральной Азии и других регионах, в том числе и в Европе» [105, с. 120]. Следовательно, ограничительная миграционная политика в отношении китайских мигрантов в Европе будет продолжаться. Причины такой политики, как отмечалось выше, кроются в стремлении сохранить свою европейскую идентичность и носят социально-культурный характер.

Участие китайской диаспоры в политической жизни ряда стран проживания становится все более заметным. Причина нам видится в том, что китайские эмигранты все больше и больше осознают себя сначала гражданами стран проживания, участниками их политической жизни и лишь потом китайцами. Некоторые этнические китайцы даже делают успешную политическую карьеру, добираясь до довольно высоких постов в правительстве (например, министр энергетики Стивен Чу (Steven Chu), США; министр торговли Гэри Лок (Gary Locke), ранее занимавший пост губернатора штата Вашингтон, США; министр экономики, финансов и промышленности Индонезии Квик Киан Ги).

В настоящее время миграция является одним из ключевых вопросов для правительства Китая. Политика руководства в отношении зарубежных китайцев стала неотъемлемой частью стратегии развития страны, а укрепление связей с соотечественниками и содействие их сплочению — составной частью диаспоральной политики, которая носит двусторонний характер. С одной стороны, необходимо решить, как использовать огромный внутренний миграционный резерв для укрепления экономики страны, с другой — не ослабить контроля за передвижением мигрантов за пределами своей страны. Поэтому китайская диаспора рассматривается как важнейший резерв модернизации страны в виде инвестиций (только за последние двадцать лет доля инвестиций зарубежных

китайцев составила 60 % от всех иностранных вливаний в экономику КНР) [210], современных технологий, предпринимательских и научно-преподавательских кадров. О неоценимом вкладе соотечественников «в дело независимости и возрождения китайской нации, в дело реформ, открытости и модернизации Китая» постоянно говорил в свое время предыдущий Председатель КНР Ху Цзиньтао.

Действительно, используя новации в сфере политики, китайское правительство сотрудничает с коммерческими, научно-техническими, культурными ассоциациями китайских специалистов за рубежом (более 10 000) в целях улучшения условий жизни на родине. Одним из основных видов деятельности этих ассоциаций является организация поездок специалистов в Китай для проведения краткосрочных консультаций либо создания предприятий в рамках реализации специальных программ развития, которые помогают предпринимателям-мигрантам открывать малые предприятия в общинах происхождения. Рыночные реформы, проводимые национальным правительством, стали важнейшим фактором возвращения многих граждан для работы в частном секторе.

Кроме того, китайское правительство особенно озабочено «утечкой мозгов» и предпринимает довольно продуктивные меры, чтобы обратить этот процесс вспять. При этом в активном содействии их возвращению принимают участие практически все уровни власти и организации. В то время как национальное правительство намечает основные политические направления и определяет общий общественно-экономический и политический климат, провинциальные и муниципальные власти и другие учреждения проводят работу по стимулированию своих соотечественников к возвращению и работе в Китае. Правительство активно проводит политику по повышению уровня науки и техники в Китае, цель которой — стимулировать исследователей-экспатриантов к возвращению на родину. Сегодня граждане КНР имеют возможность свободно выезжать за рубеж для получения определенной профессиональной подготовки. Понятно, что не все спешат вернуться на родину. Поэтому Китаю приходится конкурировать в борьбе за них

на международном рынке путем создания внутренней обстановки в стране, которая будет привлекать их обратно (речь идет, например, о создании современных научных парков) [70, с. 79].

Основным способом воздействия китайской диаспоры на правительства стран проживания считается ее экономический потенциал. В связи с этим в ряде стран Юго-Восточной Азии, где проживает наибольшее количество китайских мигрантов, Китай рассматривается как «соперник в борьбе за инвестиции, а не как партнер в региональном процветании» [53, с. 407]. Помимо этого существуют опасения по поводу возможности использования Китаем экономического потенциала своей диаспоры для достижения своих политических целей [220]. Считается, что тесные экономические связи диаспоры с исторической родиной могут привести к политической уязвимости этих стран [211].

В качестве аргументов, опровергающих подобные рассуждения, приводятся следующие. Во-первых, сами китайские диаспоры не желают подчиняться влиянию извне в силу того, что они, хотя и оставаясь чужеродным национальным меньшинством, не хотят нарушить сложившегося равновесия в отношениях с местным обществом, от стабильного функционирования которого зависит и стабильность их существования, т. е. это не отвечает их жизненным интересам. Однако, создавая вокруг китайских эмигрантов атмосферу толерантности и гармоничных отношений с местным населением, диаспоры не забывают о том, что они принадлежат к великой китайской нации. Во-вторых, для этнических китайцев бизнес — это та сфера, которая «разделяет их интересы в большей степени, чем объединяет их принадлежность к китайской нации». Об этом свидетельствует конкуренция между многочисленными диаспоральными группами, которые нередко не способны договориться о совместном решении политических или деловых проблем. В этих условиях китайская диаспора не может быть проводником интересов Пекина, что его вполне устраивает. Китай, в первую очередь, заинтересован в сохранении политической стабильности на окружающем его пространстве, в экономическом потенциале китайской диаспоры и гармонизации ее отношений с местным

населением. Какие-либо официальные намеки на политический характер с диаспорой отсутствуют, т. е. политика в отношении Пекина с китайской диаспорой деполитизирована [53, с. 410].

И все же возможность политического влияния китайской диаспоры на внутреннюю и внешнюю политику стран проживания не отрицается. При этом выделяются прямые и косвенные формы влияния. Считается, что прямое влияние может оказываться через политических лидеров — непосредственных представителей китайской диаспоры. Косвенное влияние проявляется через внутриполитические структуры страны пребывания (например, возможность использования голосов китайских избирателей для победы в выборах этой страны), а также через китайские транснациональные сети, позволяющие устанавливать и сохранять взаимоотношения с соотечественниками в других государствах. Примером такой тесной взаимосвязи и взаимозависимости может служить реакция китайских общин в Таиланде и Малайзии в связи с тяжелым положением индонезийских китайцев во время азиатского кризиса. Тогда представители китайской диаспоры в Таиланде обвинили индонезийские власти в бездействии по предотвращению массового насилия в отношении китайцев и обратились с запросом в парламент Таиланда. В Малайзии лидеры китайской диаспоры призвали малазийское правительство осудить Индонезию, не защитившую китайское население от погромов и поджогов [179].

Одна из главных задач руководства страны в сотрудничестве с зарубежной диаспорой — разрушение стереотипа о «желтой угрозе» в странах китайской эмиграции. Зачастую причинами негативного отношения к китайцам являются, казалось бы, довольно позитивные черты характера китайской нации — трудолюбие, дисциплинированность, предпринимательский талант, умение вести межнациональный бизнес, которые позволяют достигать значительных успехов в достижении своего благополучия. Другая причина кроется в конкуренции в сфере труда — дешевизна китайской рабочей силы ведет к боязни потерять свои рабочие места. Наконец, китайские мигранты воспринимаются в качестве источника

«демографической экспансии» со стороны огромного, перенаселенного государства, что якобы приводит к увеличению численности нелегалов, представляющих опасный для страны-реципиента криминогенный фактор.

Взаимозависимость политических и миграционных процессов носит как позитивный, так и негативный характер.

Среди политических эффектов, которые китайская миграция несет как для Китая, так и для России, выделим:

1) возможность реально углубить экономическую интеграцию России (особенно ее приграничных территорий на Дальнем Востоке и в Забайкалье) в экономику стран Северо-Восточной Азии, а затем и в АТР за счет интеграции их рынков труда;

2) повышение уровня доходов населения обеих стран в результате экономического и миграционного взаимодействия обеспечивает стабильность, выражающуюся в отсутствии конфликтов и социально-экономических проблем, что гарантирует поступательное развитие долговременного двустороннего стратегического партнерства в национальных интересах обеих стран.

А среди политических издержек миграции отметим следующие:

1) Формирование обособленных зон компактного расселения мигрантов по этническому признаку может привести к постепенному изменению этнического состава местного населения наряду с распространением преступности и проявлениям сепаратизма. Виной всему считают неэффективные модели интеграции, вследствие чего мигранты предпочитают селиться компактно. На самом деле мигранты из Китая фактически живут и работают изолированно от внешнего мира, не ощущая потребности в особом изучении русского языка, познании культуры принимающей их страны. Учитывая тот факт, что основной целью въезда китайских граждан на территорию России является трудовая деятельность, говорить о перспективах их ассимиляции в российское общество не представляется возможным. Китайские мигранты, в отличие от представителей других стран, никогда не растворяются в местной культуре и традициях страны пребывания и всегда сохраняют свою

идентичность и самобытность. Речь может идти только о другом способе интеграции, а именно о взаимном сосуществовании и обогащении культур.

Возможность постепенного изменения этнического состава местного населения не отрицают и некоторые российские ученые (например, Я. М. Бергер, Ж. А. Зайончковская и другие), которые отмечают, что если наше население будет сокращаться темпами, превышающими нынешние, то вполне возможно, что китайцы станут одним из самых крупных российских этносов.

2) В целом изменение ситуации на российском рынке труда с преобладанием низкоквалифицированной китайской рабочей силы диктует необходимость проведения селективной политики допуска мигрантов. Учитывая региональный аспект нашего исследования, уместно заметить, что, например, для реализации инвестиционных проектов, заявленных в стратегических программах подъема Восточной Сибири и Дальнего Востока, только Забайкальскому краю понадобится более 70 тыс. рабочих мест [102, с. 18]. Принимая во внимание кризисную демографическую ситуацию и трудонедостаточность в регионе, возникает вопрос, где взять столько рабочих. Ответ предельно ясен — надо привлекать иностранную рабочую силу. Однако квота на привлечение иностранной рабочей силы в крае ежегодно сокращается. Так, в 2008 г. ее объем составил 28 135 тыс. человек, в 2009 г. — 22 720 тыс. человек, в 2010 г. — 18 951 тыс. человек, т. е. произошло снижение общей квоты на 19,3 % и 16,6 % в 2009 г. и в 2010 г. соответственно [171, с. 71]. В данном контексте возникает некая дилемма: с одной стороны, региону необходимо стимулировать приток мигрантов для трудоустройства края, а с другой — надо выбирать из желающих приехать наиболее подходящих. Как известно, возможность выбора есть только в том случае, если предложение превышает спрос. Забайкалье пока не может похвастать ни предложением, ни спросом. Спрашивается: так кого выбирать, если выбирать-то не из кого?

3) Вполне определенно можно говорить о «китаизации» ряда отраслей экономики в Забайкалье. Как известно, это связано либо

с нехваткой профессиональных кадров, либо с нежеланием местного населения работать в таких сферах, как строительство, торговля, сельское хозяйство, сфера обслуживания.

* * *

Принимая во внимание исторические закономерности и тенденции мировых миграционных процессов, современную модель миграции можно назвать транснациональной, поскольку она является связующим звеном между странами происхождения и назначения, а мигранты (трансмигранты) развивают и поддерживают семейные, социальные, экономические, политические, организационные и религиозные отношения, простирающиеся через границы.

Некоторые тенденции играют все более определяющую и вместе с тем неоднозначную роль в современном мире. Речь идет о формирующейся устойчивой взаимозависимости государств на основе их миграционного взаимодействия. Поскольку международная миграция активно участвует в перераспределении ресурсов развития, то страны оказываются в отношениях взаимной зависимости, что заставляет их искать партнерские формы взаимодействия и укрепления интеграции.

Все более очевидной становится взаимозависимость политических и миграционных процессов. Во-первых, миграция влияет на социально-политическое устройство государства и национальную идентичность его граждан, во-вторых, мигранты рассматриваются в качестве политических акторов, играющих важную роль в политической жизни принимающих стран. При этом диаспоры становятся важными инструментами поощрения развития, расширения экономических возможностей и социальных и политических преобразований в странах исхода [176].

В контексте нашего исследования представляется целесообразным заметить, что укрепление связей с зарубежными китайцами и содействие их сплочению представляет неотъемлемую часть стратегии развития КНР. Участие китайской диаспоры в политической жизни стран ее проживания становится все более заметным,

а экономический потенциал диаспоры, с одной стороны, рассматривается как основной способ ее воздействия на правительства стран приема, с другой — как ресурс развития самого Китая. В любом случае, правительство КНР считает важной задачей налаживание гармоничных отношений диаспор с местным населением. В российско-китайских отношениях установление таких отношений имеет не только важное стратегическое, но и политическое значение. Искоренить исторически сложившееся и затем искусственно раздутое представление о «желтой угрозе» и «демографической или территориальной экспансии» Китая в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке довольно непросто. Все это может провоцировать дополнительную социально-политическую напряженность в депрессивных регионах, способствовать созданию антииммигрантских идей и движений и может негативно сказаться на развитии добрососедских отношений между нашими странами. Сегодня китайская миграция в России как таковая не представляет вероятной угрозы, но неспособность урегулировать этот вопрос сдерживает процесс интеграции Сибири и Дальнего Востока в Азиатско-Тихоокеанский регион. Становится очевидным, что проблема заключается не в том, как воспрепятствовать китайской миграции, а в том, как контролировать и регулировать этот процесс в соответствии с потребностями российской (в т. ч. региональной) экономики, используя на благо миграционный ресурс и миграционное взаимодействие двух государств.

В последнее время все чаще в Забайкальском крае звучат доводы в пользу проведения селективной политики по отношению к миграции вообще и к китайской миграции в частности. Позволим себе не согласиться с этими предложениями, поскольку в данном контексте возникает противоречие между необходимостью, с одной стороны, стимулировать приток мигрантов, а с другой — выбирать наиболее подходящие кандидатуры из желающих приехать. На фоне кризисной демографической ситуации и нехватки трудовых ресурсов численность трудовых мигрантов в регионе с 2008 г. сокращается вследствие ежегодного уменьшения квоты на привлечение иностранной рабочей силы. В связи с развитием

крупномасштабных инвестиционных проектов, заявленных в стратегических программах по развитию Дальнего Востока и Забайкалья, проблема нехватки рабочих рук станет еще более острой. Решить эту проблему несложно — следует инвестировать в стимулирование миграционного притока населения, повышая тем самым миграционную привлекательность Забайкальского края.

Глава 3

«НОВАЯ» КИТАЙСКАЯ МИГРАЦИЯ В РАЗВИТИИ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ

3.1. Основные тенденции и специфика китайских миграционных потоков в Азиатско-Тихоокеанской миграционной системе

В кардинально изменившейся глобальной обстановке Азиатско-Тихоокеанский регион начинает выступать в качестве центрального участника международных экономических отношений [208]. И это не случайно. Развитие производительных сил стран региона, интернационализация их хозяйственной жизни, улучшение международной политической обстановки способствовали интенсификации интеграционных связей между государствами региона, что благоприятствует их дальнейшему социально-экономическому развитию [91, с. 14].

В экономическом развитии стран АТР выделяют четыре последовательные волны. Первая волна, начавшаяся в 60-е годы XX в., ознаменовалась очень быстрым экономическим ростом Японии. Вторая волна, охватившая 70-е годы, ассоциируется с прыжком знаменитых азиатских «тигров», означая стремительный взлет новых индустриальных стран. Третья волна 80-х годов охватила страны АСЕАН, которые фактически сформировали «второй эшелон» новых индустриальных стран в Азии. Наконец, четвертая волна 90-х годов, проходит под знаком бурного роста Китая, который будет занимать все более прочные позиции в АТР. Экономический потенциал Китая уже сегодня сравнивают с показателями экономически наиболее могущественных стран мира. В перспективе, благодаря росту ВВП и факту обладания огромными запасами минерального сырья и миллионными трудовыми ресурсами, Китай рассматривается как самостоятельный центр мирового

хозяйства. Таким образом, Япония, Китай и группа стран АСЕАН формируют интеграционное ядро региона АТР, в рамках которого совершаются миграционные перемещения населения значительных масштабов.

Об экономической мощи Азиатско-Тихоокеанского региона убедительно свидетельствует и тот факт, что государства региона быстрее других стран оправились от глобального финансово-экономического кризиса. Несмотря на то, что последствия кризиса в странах региона проявлялись по-разному, в 2009 г. темпы экономического роста развивающихся стран АТР были самыми высокими в мире (4,0 %), причем темпы роста Китая и Индии составили, соответственно, 8,7 % и 7,2 % [208]. В 2010 г. страны АТР уверенно демонстрировали динамику и внушительный потенциал экономического роста ВВП в 7 % [199].

Согласно прогнозам, составленным в США, такой рост будет продолжаться и в 2020 г. все крупнейшие экономики мира будут находиться в АТР. При этом на первое место по объему ВВП выйдет Китай (20 трлн долларов). Второе место займут США (13,5 трлн долларов), третье — Япония (5 трлн долларов), четвертое — Индия (4,8 трлн долларов), пятое — Индонезия (4,2 трлн долларов), шестое — Южная Корея (3,4 трлн долларов) и седьмое — Таиланд (2,4 трлн долларов) [58].

В Азиатско-Тихоокеанском регионе многие годы наблюдается масштабная экономическая миграция народов и рас, а следовательно, существует огромный потенциал для формирования дополнительного контура прочности мировой экономики [183]. Миграционный потенциал Китая, Филиппин, Вьетнама, Индонезии, Таиланда и Пакистана исключительно высок. За последнее десятилетие в регионе наблюдается стабильный рост численности мигрантов, которая уже к 2010 г. достигла 53 млн человек, что составляет почти 1,3 % от всего населения АТР и почти 1/4 от всех мигрантов в мире [221].

Важную роль в миграциях в данном регионе играют географический, исторический, экономический, информационный (миграционные сети) факторы. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает демографический фактор.

динамика народонаселения в АТР претерпевала существенные изменения в течение последних нескольких десятилетий, что вело к глубоким социальным трансформациям. Современные демографические процессы, происходящие в АТР, продолжают оказывать влияние на изменения в составе и численности миграционных потоков населения. В целом численность населения Азиатско-Тихоокеанского региона составляет три пятых численности всего населения планеты. Для региона характерно замедление темпов ежегодного прироста населения до 1,1 %, самый низкий показатель среди всех развивающихся стран (таблица 1) [221]. При этом показатели рождаемости, смертности и миграции далеко не одинаковы не только на субрегиональном уровне, но и в отдельно взятых странах [200]. Например, суммарный коэффициент рождаемости в Южной и Юго-Западной Азии ниже, чем в Восточной и Северо-Восточной Азии, причем в Восточной и Северо-Восточной Азии прирост населения свыше 1 % наблюдался только в Монголии, Макао и Китае. В Японии в 2008 г. наблюдалось незначительное сокращение населения по сравнению с 2005 г. (127 449 млн человек и 127 293 млн человек соответственно). В Российской Федерации убыль в приросте населения составила (– 0,4 %) за тот же период [221]. И все-таки совокупный коэффициент рождаемости по региону остается высоким.

«Демографический переход» обусловил возникновение различных возрастных структур населения в разных странах региона, что привело к разнообразным проблемам на пути развития общества. Вместо роста численности молодого населения наблюдается увеличение стареющего населения. В период с 1990 по 2008 г. доля детей в возрасте до 14 лет стабильно падала с 33,1 до 26,2 %, против, численность населения в возрасте 65 лет и старше увеличилась за тот же период с 5,1 до 6,9 %. И вновь следует указать, что эти показатели различаются в зависимости от уровня экономического развития стран [221].

Самый низкий за последние 50 лет прирост населения и коэффициент суммарной рождаемости отмечен в Японии, где в 2008 г. доля населения старше 65 лет достигла 21,4 % от всего населения.

страны. Проблема старения общества очевидна. Ни одна страна в регионе АТР даже близко не подходит к этим цифрам, хотя доля пожилых людей составляет от 10 до 15 % в Армении, Австралии, Грузии, Гонконге, Китае, Новой Зеландии, Республике Корея и России [221]. Тенденции старения и постепенного уменьшения численности населения в этих странах будут сохраняться, что приведет к дальнейшему обострению демографических и социально-экономических проблем. Что же касается Китая, то с проблемой старения населения и постепенного уменьшения избыточной рабочей силы он столкнется в отдаленной перспективе.

Безусловно, что бурный рост населения повлиял на соотношение рабочей силы к общей численности населения и способствовал формированию трудоизбыточных ресурсов в одних странах региона, а начавшийся процесс старения населения в других привел к нехватке местной рабочей силы и ее импорту или переносу производства за границу. Поэтому миграционные перемещения стали естественной реакцией на возникшие региональные демографические проблемы. К тому же вследствие глобального экономического кризиса в период 2007–2009 гг. численность безработных в АТР увеличилась на 10 млн человек, подняв ее уровень до 5,0 % [208]. Исходя из этих оценок Международной организации труда, можно предположить неизбежный рост мобильности населения в поисках работы и дальнейшее увеличение миграционного давления внутри региона.

Азиатско-Тихоокеанская миграционная система отличается разнообразием миграционных связей как между странами региона, так и активным участием населения в миграционных потоках, направленных в Европу и Северную Америку. Классическая страна иммиграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе — Австралия, она занимает третье место в мире среди стран, принимающих мигрантов. Однако, по данным Экономической и социальной комиссии для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО), самое большое количество международных мигрантов в регионе находится в Северной и Центральной Азии — 18 млн человек, из них 12,3 млн человек приходится на Россию [221].

Перемещения мигрантов в пределах АТР в основном происходят благодаря перераспределению рабочей силы через механизм международной миграции. Динамика и маршруты миграций имеют вполне определенный характер. По данным ООН, около 37 % мигрантов из Азии направляются в страны ОЭСР (основные страны назначения — США, Канада), 47 % мигрируют внутри региона (Индия, Гонконг, Пакистан, Малайзия), оставшиеся выезжают за его пределы (Саудовская Аравия и Иран) [180]. Усиление миграции высококвалифицированных кадров связано с высоким экономическим развитием Японии и новых развитых азиатских стран — Тайваня, Гонконга, Сингапура и Южной Кореи. Именно поэтому высококвалифицированные работники стремятся работать в высокотехнологичных отраслях и поэтому направляются в эти страны. А сектор неквалифицированного труда, например, в сфере обслуживания и строительстве остается для дешевой рабочей силы, скажем, из Индонезии. Так происходит регулирование трудовой миграции.

Крупнейшими экспортерами временной трудовой миграции (самого распространенного вида миграции в регионе) являются Филиппины, Бангладеш и Индия. У этих стран имеется доступ к рынкам труда других государств для своего избыточного населения, за счет чего происходит сокращение безработицы, при этом эмигранты обеспечивают возвратные финансовые потоки в виде денежных переводов. Для стран-доноров эмиграция является элементом стратегии развития.

Напротив, в странах-реципиентах особенно с высоким удельным весом мигрантов, таких как Малайзия (доля мигрантов в рабочей силе 16 %) и Сингапур (28 %) наблюдается тенденция зависимости от рабочих-мигрантов, особенно в секторах с высокой концентрацией мигрантов (строительство, сектор услуг и др.). Эта зависимость обусловлена современными тенденциями их демографического развития, о которых упоминалось выше. За счет мигрантов эти страны получают дополнительные ресурсы, которые становятся важным элементом их экономического развития. Кроме того, приток иностранной рабочей силы выступает

фактором сдерживания инфляции и повышения конкурентоспособности предприятий в развитых странах.

Преобладающая модель миграций в миграционной системе АТР — модель временных трудовых миграций — носит ограничительный характер. Трудовые соглашения заключаются на строго ограниченное время, по окончании контракта мигранты обязаны вернуться на родину. Это одна из превентивных мер правительств, предупреждающая образование и укрепление меньшинств в странах-реципиентах. Для высококвалифицированных мигрантов и бизнес-мигрантов трансграничное перемещение облегчено. Например, в странах АТЭС существуют специальные карты путешествий, позволяющие им въезжать в любую страну-участницу и оставаться в ней до 60 дней без визы.

Как видим, международная миграция в АТР в полной мере участвует в перераспределении трудовых ресурсов региона, что ведет к взаимозависимости стран региона и заставляет их искать партнерские формы взаимодействия и укрепления интеграции. Со временем масштаб миграций и вектор их направления может изменяться, появляются новые формы миграционного взаимодействия, но миграционная взаимозависимость остается. Так, в новых индустриальных странах Азии в результате эффективного экономического роста отток мигрантов в свое время сменился их притоком, тем самым кардинально изменив и разнообразив формы их миграционного взаимодействия. Показателен в этом отношении пример Малайзии, страны далеко не «первого» мира, которую все давно привыкли рассматривать как источник дешевого труда. Сегодня это мультикультурная страна с огромной долей участия китайского капитала и китайского населения, которая сама нуждается в импорте рабочих рук. Глобальный экономический кризис 2008 г. также внес свои коррективы в масштабы перемещений как внутри, так и за пределами Азиатско-Тихоокеанской миграционной системы, сократив потоки новых рабочих мигрантов. В регионе наблюдается изменение вектора миграции — рабочие-мигранты возвращаются в страны происхождения.

Для преодоления последствий кризиса (сокращение масштабов миграции и рост безработицы) в 2009 г. некоторые страны в регионе ввели политику по ограничению доступа рабочих-мигрантов на рынки рабочей силы (Республика Корея, Тайвань (Китай). В Сингапуре, Малайзии и Таиланде активно проводилась политика приостановления выдачи и продления разрешений на работу, а также высылки нелегальных мигрантов. В Японии была разработана программа, которая поощряла возвращение временных трудовых мигрантов и нелегалов из Бразилии, причем переезд домой для них оплачивался правительством [180].

Резюмируя сказанное, можно прогнозировать, что в ближайшей перспективе модели миграции из Азиатско-Тихоокеанского региона и в обратном направлении будут подвергаться замедленному росту, но, как только последствия кризиса будут преодолены, развитие трансграничных миграций в пределах системы продолжится.

Миграционные процессы в АТР не лишены политической окраски. Например, в Северной Корее, крупнейшим партнером которой на современном этапе развития является Китай (средняя доля участия Китая во внешней торговле КНДР в 2010 г. оценивалась в 56,9 %), присутствие мигрантов из Поднебесной увеличивается с каждым годом. Такой подъем китайско-корейских взаимоотношений с беспокойством воспринимают на Юге, так как экономическая деятельность в КНДР никогда не была прибыльной и потому всегда определялась политическими мотивами. Считается, что таким способом Китай пытается расширить свое влияние в регионе.

С другой стороны, успешное вовлечение Китая в экономику своих соседей омрачается проблемой незаконной миграции северо-корейского населения через китайскую границу. Проблема выдачи беженцев усугубляется наличием в Китае весьма обширной корейской диаспоры, проживающей преимущественно вдоль границы с КНДР. Например, только в Маньчжурии на границе с Россией, где образовались целые кварталы этнических корейцев, количество незаконных мигрантов в 1999 г. составляло около

150–200 тысяч человек, и лишь в последние годы эта цифра сократилась до 70 тыс. человек [181]. Движение северокорейских граждан через границу с Китаем стало крупнейшей в истории Юго-Восточной Азии незаконной миграцией. Как считают эксперты, взаимоотношения двух стран и последовательное наращивание китайского влияния в регионе носит ярко выраженный геополитический характер и продиктованы противостоянием двух сверхдержав — Китая и США. Корея в таком случае становится лишь ареной борьбы между соперниками.

Для Японии и Южной Кореи проблема иммиграции из КНДР заключается в сохранении культурной уникальности своих стран. Для Южной Кореи, помимо этого, необходимо сохранение политического диалога с Северной Кореей. Для развития дружественных отношений Южной Кореи и Китаю также придется найти консенсус для решения вопроса о статусе китайских граждан корейского происхождения, желающих эмигрировать в Южную Корею. Сеул поддерживает подобные переселения, в то время как Пекин не желает, чтобы переселенцы теряли китайское гражданство и близость к Китаю. Таким образом, возрастающее количество контактов между представителями различных национальностей и этнических групп создают ту или иную степень напряженности в сообществах принимающих стран, равно как и проблемы для властей во всех странах региона.

В соответствии с концепцией «миграционных систем», в каждой мировой миграционной системе могут возникать свои региональные подсистемы. В Азиатско-Тихоокеанской миграционной системе зарубежные исследователи выделяют следующие подсистемы [218].

Индокитайская подсистема имеет три центра притяжения. В Сингапуре проживают 1,8 млн иностранцев, выходцев из Индонезии и Филиппин. В Малайзии работают около 2 млн мигрантов, выходцев из 22 стран (Индонезия, Непал, Индия, Вьетнам, Бангладеш и др.). Они заняты в промышленности, строительстве и на плантациях. Третий центр притяжения — Таиланд, примерно

с 2 млн иностранных рабочих. Основные страны-доноры в этой подсистеме — Индонезия и Филиппины.

В подсистеме Гонконг — Тайвань находятся два центра притяжения мигрантов. Гонконг притягивает главным образом выходцев из Филиппин для работы в качестве прислуги. На Тайване в нескольких отраслях трудятся в основном мигранты из Таиланда, Индонезии, Филиппин и Вьетнама. Мелкие компании, использующие дешевую рабочую силу, переносят свое производство в КНР.

Подсистема Северо-Восточной Азии представлена такими странами притяжения, как Япония и Южная Корея. Самая крупная группа мигрантов в Японии — корейцы, затем идут китайцы, бразильцы и филиппинцы. Иммиграционная политика Японии по-прежнему направлена на недопущение в страну неквалифицированных рабочих. Для Южной Кореи характерны большие масштабы незаконной миграции, что явилось следствием системы стажировок, которая действовала до 2006 г.

Заметим, что почти во всех указанных подсистемах ядром являются развивающиеся страны. Их привлекательность для мигрантов определяется высоким экономическим развитием этих стран. Более того, все они, кроме Японии, выступают как импортерами, так и экспортерами мигрантов, что свидетельствует о наличии механизмов обратной связи между миграционными потоками внутри системы.

В связи с тем, что основным экспортером мигрантов, в т. ч. и нелегальных, в Азиатско-Тихоокеанской миграционной системе является Китай, китайская миграция требует особого разговора в контексте тех вызовов международному сообществу, которые связаны с миграцией и возможностями управления ею. Причина этого — исключительно высокий демографический и миграционный потенциал КНР и происходящий в настоящее время рост численности китайских мигрантов и китайских землячеств во многих странах мира [192]. Например, из 10 млн эмигрантов в странах Восточной Азии 6 млн — китайского происхождения, 25 % среди зарубежных студентов в Австралии — студенты из Китая [180].

По мнению ряда исследователей ООН, массовые международные перемещения китайцев зафиксированы еще в первую эпоху глобальных миграций, когда в европейских колониях Юго-Восточной Азии и в Северной Америке возникла необходимость в дополнительной рабочей силе. Поэтому в период 1842–1900 гг. около 2,3 млн китайцев работали по контракту в Юго-Восточной Азии, Африке и Северной Америке [201]. Затем с середины XIX в. до первой половины XX в., наряду с традиционным направлением, определенная часть китайских мигрантов направилась в Южную Америку и страны Карибского бассейна, рассматривая эти регионы как транзитные зоны для дальнейшего продвижения на Запад. И, наконец, современный этап межстрановой китайской миграции начался с середины 80-х гг. и продолжается до настоящего времени. По данным некоторых экспертов, в начале 80-х гг. численность мировой китайской диаспоры составляла 26,8–27,5 млн человек, в 1990-х она увеличилась до 37 млн человек [53, с. 385], т. е. в среднем за рубеж ежегодно выезжали 100–180 тыс. китайцев. К 2001 г. в 150 странах мира насчитывалось 33 млн китайцев или лиц китайского происхождения. 80 % из них проживали в странах Азии, среди которых особенно выделялись Индонезия (21,5 %), Таиланд (19,7 %), Малайзия (16,7 %). Четвертое место по количеству китайских мигрантов принадлежало США (8,5 %, или 2,8 млн человек). Международная миграция китайцев особенно оживилась с началом экономических реформ, и в 2005 г. численность всех зарубежных китайцев достигла 34,5 млн человек, что составляет чуть более 18 % от совокупной мировой диаспоры [210].

Для современных потоков китайской миграции характерна многовекторность, в которой доминирующим направлением являются развитые страны Северной Америки, Европы и Австралия, а не Юго-Восточная Азия. Также наблюдается появление вторичных миграционных потоков — из Юго-Восточной Азии в развивающиеся страны мира [219].

Судя по масштабам распространения китайской миграции в мире, она медленно, но верно превращается в проблему масштаба

сразу нескольких миграционных систем — Азиатско-Тихоокеанской и Евразийской системы.

Источником как внутренней, так и внешней китайской миграции служат существующие в Китае острые противоречия во всех областях внутренней жизни, которые ведут к увеличению разрыва в экономическом развитии регионов Китая. Речь идет о так называемых «пяти вызовах» или «пяти разрывах», которые существуют между городом и деревней, между восточными (приморскими) районами и западными (внутренними), имущественная и социально-политическая дифференциация общества, наличие большого количества неграмотного населения, низкий уровень развития внутренних провинций [91, с. 164].

О том, что в Китае накапливается социальное недовольство и формируется гигантский потенциал иммиграции, имеющий непосредственное отношение к проблеме занятости, говорят несколько цифр. По данным Государственного статистического управления КНР, в 2006 г. 737 млн проживало в сельской местности, тогда как в городах на тот период проживали 577 млн человек [188]. 120–150 млн из них считаются излишней рабочей силой. Урбанизация идет слишком медленно. По состоянию на конец 2009 г. в городах и поселках городского типа Китая зарегистрировано 9,21 млн безработных, уровень зарегистрированной безработицы составил 4,3 % [198]. Учитывая скрытую безработицу, по данным ООН, эта цифра увеличится до 20 млн [180]. Как видим, рост безработицы становится реальной угрозой социальной стабильности и тормозит внутренний спрос.

Очевидно, что неразрешенность обозначенных проблем грозит социальным взрывом и распадом страны [85, с. 27]. Понимая это, власти КНР с начала периода реформ все решительнее принимают меры, которые смещаются от запрета миграции (1979–1983) к разрешению миграций (1984–1988), от ограничения миграций (1989–1998) к регулированию миграций (1999–2000) и, наконец, к поощрению миграций, принимая все более активное участие в международном рынке труда [218].

Высшее китайское руководство уделяет особое внимание политике в отношении китайской миграции, стимулируя и поддерживая трансграничные перемещения людей и товаров. Основными особенностями официальной миграционной политики КНР являются содействие укреплению своих позиций на мировом рынке трудовых услуг, борьба с нелегальной эмиграцией, активная защита прав китайских граждан за рубежом, поощрение осевших за границей ученых к возвращению на родину. Расширение экспорта трудовых услуг — важная составная часть долгосрочной внешнеэкономической стратегии выхода национального китайского бизнеса вовне (провозглашена весной 2000 г. на Третьей сессии Всекитайского собрания народных представителей). В целом стратегия «Идти вовне» означает товарную экспансию на внешних рынках, расширение позиций страны на международном рынке труда до 10 % (для сравнения: сегодня доля Китая в мировом рынке труда составляет 2–3 %), импорт сырья и высоких технологий.

Опыт миграционного взаимодействия стран АТР особенно значим для стран Северо-Восточной Азии (в частности, России и Китая), которые только приступили к реализации экономической интеграции и созданию в перспективе единого экономического пространства.

В свете вышесказанного внутри анализируемой нами Азиатско-Тихоокеанской миграционной системы можно было бы выделить самостоятельную субрегиональную подсистему Россия — Китай с центром притяжения в Забайкальском крае.

Основание для выделения отдельной подсистемы есть. Это наличие объективных факторов и закономерностей, характерных для всех миграционных систем. Рассмотрим их несколько подробнее.

Уникальность Забайкальского края прежде всего состоит в том, что в силу своего геополитического положения он выступает одновременно элементами двух крупнейших миграционных систем — Азиатско-Тихоокеанской и Евразийской. А в условиях трансграничья все ключевые сферы жизнедеятельности края в той или иной мере определяются его возрастающей интеграцией в эти

системы. Благодаря этой интеграции возникают новые формы трансграничного взаимодействия и новое содержание внутрирегионального развития. Субрегиональная подсистема открыта, поскольку не ограничивается миграционными связями только внутри своего региона. Это удобный транзитный коридор для миграции из Китая на Запад, а использование его транспортных транзитных магистралей — автомобильных и железнодорожных — являются эффективными экономическими стимулами сотрудничества между Китаем и Россией.

Подсистема Россия — Китай существует благодаря взаимодействию составляющих ее элементов и имеет внутреннюю структуру, придающую ей устойчивость. Ее центральный структурный элемент — Забайкальский край — представляющий собой интегрирующий потенциал, или так называемую контактную зону России в системе экономических и пространственных связей Азии и Европы [9], обеспечивает внешнеэкономические, политические, культурные, миграционные и другие виды межгосударственного взаимодействия прежде всего с Китаем. Цель этого сотрудничества определена — оптимизация регионального развития приграничных территорий России и Китая [23]. Одним из инструментов реализации данного сотрудничества становится устойчивое миграционное взаимодействие, направленное на использование миграционного потенциала в национальных интересах каждой стороны. Контуры и характер этого миграционного взаимодействия определяются тремя факторами, имеющими непосредственное отношение к миграционным процессам: демографическим, экономическим и пограничным.

На наш взгляд, региональные демографические тенденции развития как Забайкальского региона (массовый отток населения), так и Китая (избыточные трудовые ресурсы) позволяют говорить о придании первому статусу потенциального реципиента мигрантов, а второму — потенциального донора. Исходя из исторических реалий, приток мигрантов на территорию Забайкалья изначально был вызван не столько экономической привлекательностью данного региона, сколько отсутствием экономических

возможностей повышения уровня жизни населения в соседнем Китае. Миграционные потоки, состоящие из различных категорий мигрантов (временных трудовых мигрантов, эпизодических мигрантов-«челноков», незаконных мигрантов, транзитных мигрантов, бизнес-мигрантов, студентов-мигрантов, туристов и др.), формировались и продолжают формироваться под воздействием различия в уровнях экономического развития приграничных регионов и структуры спроса на труд иностранных рабочих в определенных отраслях экономики. Кроме того, благополучие определенных слоев населения с той и другой стороны зависит от поездок за границу. Если будет существовать жесткий режим пересечения границы, то многие из россиян останутся без источника дохода, а китайские мигранты пополнят ряды нелегалов на территории РФ. Следовательно, наличие общей границы актуализирует миграционную взаимозависимость приграничных территорий.

И, наконец, говоря о политической взаимозависимости двух величайших держав, отметим, что для Китая именно геополитическое положение России определяет ее важную роль во внешне-экономической стратегии Пекина — стать самой экономически мощной державой мира. Сотрудничество с Россией расценивается как один из важнейших приоритетов китайской политики и фактор сохранения стабильности в регионе, а также экономического соразвития. Китай заинтересован в экономическом подъеме России и ее восточных территорий, выражая готовность к широкому инвестиционному сотрудничеству в целях освоения и разведки ресурсов, а также социально-экономического подъема Сибири и Дальнего Востока на взаимовыгодной основе. При этом вполне очевидна роль, которая отводится России в качестве стабильного источника сырьевых ресурсов (нефти, газа, леса, цветных металлов) [91, с. 157].

В свою очередь для России АТР представляет сферу жизненно важных интересов в силу исторического опыта, традиций, экономических и культурных связей. Россия все активнее включается в интеграционные процессы в АТР, развивая межрегиональное сотрудничество, в первую очередь с Китаем. Для России важно использовать богатый опыт активного диалога Китая с азиатскими

партнерами в регионе, практически со всеми имеющимися здесь экономическими и политическими структурами. Обе страны являются своеобразным стратегическим тылом друг друга. Для России отношения с КНР особенно важны в социально-экономическом плане для развития наших восточных регионов, которым объективно суждено играть ключевую роль в будущих российско-китайских отношениях [91, с. 157]. Что касается Забайкальского края, то по словам Д. А. Медведева «...сегодня регион находится под воздействием самых разных политических процессов и, по сути, вовлечен в большую игру, которая идет в Азиатско-Тихоокеанском регионе» [182]. Все это заставляет по-новому взглянуть на место Забайкальского края в политическом, экономическом и социальном развитии России.

Поэтому важной составляющей стратегии экономического роста Забайкалья должно стать эффективное приграничное и межрегиональное сотрудничество с КНР. Являясь своеобразным индикатором во взаимоотношениях двух великих держав, приграничные и межрегиональные связи Забайкалья с территориями КНР будут способствовать стабилизации обстановки в пограничных регионах и более интенсивному развитию их экономик, а также благоприятствовать укреплению взаимоотношений между Россией и КНР в целом. Понятно, что увеличение удельного веса Китая в Азиатско-Тихоокеанском векторе внешнеэкономической политики России будет неизбежно интенсифицировать процессы китайской миграции. Решение возникающих в этой сфере вопросов должно опираться на эффективное миграционное взаимодействие России и Китая и рассматриваться в русле динамично развивающихся российско-китайских отношений, где роль Забайкалья особо значима.

3.2. Региональные особенности китайской миграции (на примере Забайкальского края)

Подтверждая стратегическую значимость Забайкальского края для национальных интересов Российской Федерации, Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока

и Байкальского региона на период до 2025 г. обозначает долгосрочные перспективы его развития. Согласно стратегии основу экономического развития края составит Забайкальская индустриальная зона, специализацией которой будет комплексное освоение уникальных минерально-сырьевых и иных ресурсов в сочетании с развитием транспортной логистики. Кроме этого, значимой отраслью специализации обозначена добыча и переработка урановых руд. Таким образом, в стратегические планы освоения восточной окраины России входит в первую очередь создание крупного межрегионального горно-металлургического территориально-производственного комплекса в Забайкалье [13].

Перспективным в промышленном освоении остается лесной фонд, поэтому на северо-востоке Забайкальского края основными экономическими специализациями станут целлюлозно-бумажная промышленность и деревообработка. Имеются предпосылки для интенсивного развития сельского хозяйства, основанного на мясном животноводстве, производстве шерсти, кормопроизводстве, развитии сельскохозяйственных производственно-перерабатывающих комплексов. Ведущими секторами экономики заявляются транспорт, связь и торговля, что отражает транзитное и приграничное положение края.

Реализация всех указанных в стратегии инвестиционных проектов и развитие инфраструктуры тесно связаны с решением проблем внешней и внутренней миграции населения и формированием постоянных трудовых ресурсов, дефицит которых ярко выражен в сокращении работоспособного населения. Само собой разумеется, что количественный и качественный недостаток трудовых ресурсов на определенной территории не позволит организовать на ней современное производство и решить задачи социального развития общества.

Аналитическая информация о миграционных потоках на территории Забайкальского края за последнее десятилетие позволяет выделить характерные для края тенденции миграционных процессов:

1) Общая миграционная ситуация в Забайкальском крае характеризуется устойчивым (начиная с 1993 г.) миграционным оттоком местного населения в западные регионы России и более благополучные соседние регионы, что естественно влечет за собой снижение численности населения (табл. 2) [173].

Таблица 2

Миграция населения в Забайкальском крае (тыс. человек)

	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2010 г.
Число прибывших									
Миграция — всего	26 726	24 534	22 626	21 253	18 078	18 826	18 721	19 640	19 298
в том числе:									
внутрирегиональная	18 001	17 288	16 018	14 506	12 112	13 056	12 378	13 396	
межрегиональная	7735	6684	6296	6530	5818	5559	5552	5425	
международная	990	562	312	217	148	211	791	819	
Число выбывших									
Миграция — всего	33 031	30 655	29 159	26 251	21 367	23 140	22 360	23 261	24 180
в том числе:									
внутрирегиональная	18 001	17 288	16 018	14 506	12 112	13 056	12 378	13 396	
межрегиональная	14 326	12 865	12 818	11 543	9070	9929	9842	9721	
международная	704	502	323	202	185	155	140	144	
Миграционный прирост, убыль (–)									
Миграция — всего	–6305	–6121	–6533	–4998	–3289	–4314	–3639	–3621	–4882
в том числе:									
межрегиональная	–6591	–6181	–6522	–5013	–3252	–4370	–4290	–4296	
международная	286	60	–11	15	–37	56	651	675	

Ежегодно из края уезжает до двух тыс. лучших и конкурентоспособных людей. Отрицательное сальдо миграции в 2000–2009 гг. колебалось от максимальных 6,5 тыс. человек в 2002-м до минимальных 2,6 тыс. в 2009-м. Каждый второй, покинувший территорию края в 2009 г., имел высшее или среднее профессиональное образование. Каждый третий в трудоспособном возрасте указал в листках статистического учета мигранта одну из двух причин

смены места жительства: «в связи с работой» или «в связи с учебной». Край покидают в основном люди трудоспособного возраста, большинство из которых в возрасте до 30 лет, с высшим образованием. В результате оставшиеся местные трудовые ресурсы оказываются потенциально не конкурентоспособными для решения задач социально-экономического развития данных территорий. Главная причина оттока населения — социально-экономические проблемы региона. Уступая по качеству и уровню жизни, Забайкальский край по социально-экономическим показателям 2008 г. не поднимался выше шестого места среди 12 регионов Сибирского федерального округа.

2) Другая тенденция фиксирует изменение количественных характеристик внешних миграционных потоков. Ежегодно Забайкальский край посещает до 250 тыс. иностранцев (табл. 3). Спектр государств, откуда приезжают гости, обширен. В основном это граждане Китая, Монголии, Вьетнама, стран СНГ, но есть и граждане из стран Евросоюза, США, Канады, Бразилии, Новой Зеландии, ЮАР, Индии, Перу, Малайзии, Мексики, Египта и др. Приток мигрантов постоянно увеличивается и носит характер либо транзита в другие страны, либо маятниковый. Значительная часть иностранцев, пересекающих границу через пропускные пункты Забайкальского края, все же остается на территории нашего региона. Однако точно просчитать количество, например, китайских граждан невозможно, т. к. одно и то же лицо, посещающее территорию России неоднократно в течение года, автоматически учитывается органами миграционной службы.

Мировой финансовый кризис оказал существенное влияние на развитие миграционной обстановки в крае в целом. Количество въехавших иностранных граждан в Российскую Федерацию через пункты пропуска государственной границы РФ на территории Забайкальского края в 2009 г. снизилось на 29,1 % по сравнению с 2008 г. [171]. Динамика снижения отмечается среди мигрантов, въезжающих с целью трудоустройства, деловой целью и частной. Отток рабочей силы происходит преимущественно из строительства, лесного хозяйства, оптовой и розничной торговли,

транспортной отрасли. Численность трудовых мигрантов, занятых в обрабатывающих производствах, сельском хозяйстве, горнодобывающей отрасли, остается на уровне 2008 г. Вместе с тем наблюдаются благоприятные тенденции в сфере туризма и получения образования. Отмечен рост в сфере предоставления коммунальных, социальных и персональных услуг.

3) Забайкальский край стал центром притяжения и транзита двух внешних потоков (табл. 3).

Таблица 3

**Въезд иностранцев в Забайкальский край в 2006–2009 гг.
через пункты пропуска государственной границы
Забайкальского края (тыс. чел.)***

	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г. (ноябрь)
Въехало иностранных граждан всего,	236 359	238 565	251 915	178 678	108 714
в их числе:					
– граждане Китая	233 995	234 071	244 356	170 134	89 103
– их процент от общего количества	99 %	98 %	97 %	80 %	82 %
Выехало иностранных граждан, всего	–	–	248 637	182 006	105 562
Граждане КНР, проследовавшие через территорию края транзитом	–	50 342	39 814	30 400	11 116
Поставлено на миграционный учет всего,	43 030	60 952	75 639	49 113	48 626
в их числе:					
– граждане КНР	30 116	40 782	54 976	32 221	30 021
– их процент от общего количества	70 %	70 %	73 %	66 %	62 %
– граждане СНГ	10 854	17 896	18 265	14 373	15 695
– их процент от общего количества	25 %	27 %	24 %	29 %	32 %

* Здесь и далее источник: УФМС России по Забайкальскому краю

Первый поток состоит из граждан СНГ, которые ежегодно прибывают в Забайкалье из стран со сложной социально-экономической обстановкой и регионов национальных конфликтов и войн. Особенно интенсивными темпами мигранты из СНГ стали прибывать в Забайкалье после изменения российского миграционного законодательства в 2007 г. Их основная цель — трудоустройство.

Учитывая нестабильную политическую обстановку в ряде стран СНГ, нетрудно прогнозировать, что этот поток будет расти и дальше. Другой поток — граждане КНР, наплыв которых объясняется, во-первых, приграничным положением края, во-вторых, перенаселенностью и демографическим давлением со стороны соседних провинций Китая. Внешняя трудовая миграция из КНР является самым динамичным миграционным потоком и имеет исторические корни. В общем потоке трудовых мигрантов доля китайских граждан стабильно составляет от 70 до 80 % на протяжении последнего десятилетия.

4) Процесс миграции на территории края носит двусторонний характер. Понятно, что численность китайских мигрантов в России больше, чем российских мигрантов в Китае. Основная часть российских мигрантов представлена туристами, студентами и бизнесменами. Некоторая часть российских граждан оседает на жительство в Китае. Так же как и китайские мигранты, они покупают недвижимость, устраиваются на работу, женятся и остаются на постоянное жительство.

5) Продолжается сокращение потока вынужденной миграции, что во многом объясняется изменениями экономической и социально-политической обстановки на постсоветском пространстве. В период с 1990 по 2002 годы в Забайкалье было зафиксировано 1837 вынужденных переселенцев и 357 беженцев из Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Чеченской Республики. В 2009 г. в Забайкальском крае проживало 15 семей (28 человек) вынужденных переселенцев (2009 г.). В 2008-м их было 18 (34 человека), в 2007-м — 20 семей (42 человека). Вынужденные переселенцы проживают в городе Чите (17,6 %), Краснокаменском (67,6 %) и Оловянинском (14,8 %) районах. По национальному составу 85,7 % вынужденных мигрантов составляют русские [169, 170, 171].

6) В 2010 г. на территории края появился новый вид внешней миграции — добровольное переселение соотечественников, проживающих за рубежом. С марта 2010 г. в крае реализуется проект переселения «Приграничное Забайкалье» [16]. Соотечественников

принимают четыре района края: Борзинский, Могочинский, Нерчинско-Заводский и Газимуро-Заводский. По данным УФМС России по Забайкальскому краю в 2010 г. уже появились первые желающие участвовать в госпрограмме по добровольному переселению соотечественников из-за рубежа (16 человек). Азербайджан, Армения, Грузия, Молдова, Казахстан, Украина, Германия — основные страны, откуда иностранцы планируют приехать на постоянное место жительства в Забайкалье.

7) Продолжается рост незаконной миграции. Изменяется качественный состав этого потока. Если раньше из Средней Азии в Забайкалье прибывали в основном этнические русские, то сейчас это русскоязычные мусульмане — этнические таджики, киргизы и узбеки. Из интервью с представителями УФМС России по Забайкальскому краю выяснилось, что миграционный поток из Средней Азии доставляет им больше хлопот, поскольку он более криминален и способствует росту нелегальной миграции в восточные регионы России.

Как видно из табл. 2, роль международных миграций в смене места жительства, т. е. в безвозвратной миграции, невелика. И все же в последние годы международный миграционный оборот в регионе имеет тенденцию к увеличению, превышая уровень 2000 г. почти в два раза. Учитывая это обстоятельство, анализ международной миграции в нашем исследовании проводился по ее наиболее представительному потоку, а именно китайской миграции, массовый приток которой на территорию Забайкалья является естественным процессом благодаря приграничному расположению региона.

В современных условиях китайская миграция приобрела несколько иной характер по сравнению с прошлым. Во-первых, она происходит в абсолютно иных общественно-экономических условиях. Во-вторых, движущей силой «новой» китайской миграции является не только экономический, но и демографический фактор. Чрезвычайная перенаселенность КНР стала причиной образования избыточной невостребованной рабочей силы и массовой безработицы. Характерно, что в дореволюционный период

фактор перенаселенности не имел такого решающего значения, хотя основным стимулом для миграции китайцев, как и в наши дни, был поиск работы.

Поэтому исследование особенностей современного китайского миграционного потока на территории Забайкальского края хотелось бы начать именно с рассмотрения демографического аспекта миграционной проблемы и, тем самым, сразу же снять вопрос о так называемой «демографической экспансии» со стороны китайских приграничных регионов.

В настоящее время население Забайкальского края составляет чуть более одного миллиона человек (1 118 800) [173]. При этом население сопредельных районов Китая исчисляется десятками миллионов. «Демографический дисбаланс» по-разному интерпретируется исследователями в соотношении показателей численности и плотности населения приграничных территорий России и Китая. Одни, как правило, подчеркивают эти диспропорции, придавая им первостепенное значение. Другие убедительно доказывают неадекватность и преувеличение существующих в науке и обществе опасений и страхов по поводу вероятности китайской территориальной экспансии, анализируя демографическую ситуацию по совокупности в 17 сопредельных с Китаем российских регионах [108]. Опровергая тезис о демографическом дисбалансе сопредельных территорий, они показывают, что различия в плотности населения между странами с общей протяженной границей — явление обычное. А разные показатели плотности населения сопредельных территорий России и Китая следовало бы учитывать при анализе приграничного взаимодействия и прогнозировании развития российско-китайских отношений. При этом внимание надо бы обратить на резкий этнокультурный и этносоциальный контраст [117]. Однако большинство исследователей сходятся во мнении о том, что главной опасностью является не сам факт разности в численности населения сопредельных территорий, а долгосрочная тенденция постепенного уменьшения российского населения и роста китайского.

Плотность населения пограничных с Китаем дальневосточных краев и областей составляет в среднем 3,5 чел./кв. км. Соседняя с Забайкальем территория Китая — Автономный район Внутренняя Монголия (АРВМ) — считается в КНР малозаселенной провинцией. До недавнего времени это была одна из самых отсталых окраин Китая с преобладающей аграрной экономикой. Сегодня динамика АРВМ демонстрирует устойчивые темпы роста как валового регионального продукта, так и населения. По данным переписи 2000 г., ее население составляло 23,76 млн чел. (23-е место среди провинций, автономных районов и городов центрального подчинения КНР, 2004 г.). Плотность населения в этом районе — 19,9 чел./кв. км. С 1990 по 2006 гг. население Внутренней Монголии увеличилось на 2,4 млн человек, в то время как российские приграничные территории в тот же период теряли в численности населения [135]. Территория только одного из центров российского шопинг-туризма в Китае, соседнего г. Маньчжурии, составляет около 696 кв. км, с населением более 570 тыс. человек. В то время как территория всего Забайкальского края, составляя 431 892 кв. км, имеет население чуть более 1 млн 100 тыс. человек, а его столица, г. Чита, — 309 000 чел. (на 1 января 2010 г.) при прогрессирующей депопуляции [173]. Как видим, миграционный потенциал движения из Китая на территорию Забайкалья присутствует.

С Забайкальским краем непосредственно граничит Хулунбуирский аймак АРВМ. Его площадь почти в 1,5 раза меньше территории Забайкалья. Опираясь данными китайской переписи 2000 г. и сопоставляя демографические потенциалы этих двух территорий, отметим, что по численности населения — 2 млн 676 тыс. 542 человека (2002 г.) — Хулунбуирский аймак более чем в два раза превосходит наш край. Плотность населения в аймаке составляет чуть более 10 чел./кв. км. В период 1997–2002 гг. его население сократилось на 70,6 тыс. человек. При положительном естественном приросте в результате миграционной убыли происходило сокращение населения. За тот же период население тогда еще Читинской области уменьшилось на 46,8 тыс. человек, однако

показатели рождаемости и смертности в Читинской области превосходили соответствующие показатели в аймаке. При этом естественного прироста в области не наблюдалось, наоборот, с 1993 г. шел процесс депопуляции и старения населения. Как известно, половая структура населения сопредельного с Забайкальем района отражает общекитайскую тенденцию увеличения мужского населения страны в связи с проведением политики плановой рождаемости. Обе территории обладали взаимодополняемыми половыми структурами населения: в Читинской области преобладали женщины, а в Хулунбуире их не хватало. В 2002 г. в Хулунбуире мужчины составляли 1 млн 368 тыс. 791 (51,14 % в общей структуре населения), женщины — 1 млн 307 тыс. 751 человек (48,68 %). Соответственно в Читинской области мужчины составляли 564,4 тыс. (48,4 % в общей структуре населения), женщины — 601,0 тыс. (51,6 %). Таким образом, соотношение мужчин и женщин в Хулунбуирском аймаке было 104,8:100, а в Читинской области наоборот 100:104,9 [169]. Дисбаланс в соотношении полов остается острой проблемой для Китая. Этот фактор в какой-то, пусть даже пока и небольшой степени, также способствует перемещению молодых китайцев в Забайкалье, скажем, в поисках невесты. С другой стороны, для китайцев это также возможность обзавестись более чем одним ребенком.

Анализируя демографические показатели Забайкальского края, отметим, что на 1 октября 2010 г. в Забайкальском крае проживает 1 млн 115,3 тысячи человек, из них более 272 тысяч — это пенсионеры, т. е. каждый пятый житель Забайкальского края — пенсионер. Территория края относится к приграничным регионам с низкой плотностью населения, т. е. является наиболее уязвимой с точки зрения вероятной «демографической экспансии». В среднем плотность населения в крае — 2,6 чел./кв. км, однако ее разброс составляет от 0,7 чел./кв. км в Красночикойском районе до 12,6 человек в Краснокаменском районе. С 1990 г. в регионе началось стабильное сокращение численности населения в результате миграционной и естественной убыли. Естественная убыль населения, сложившаяся впервые в 1993 г., сохраняла до 2006 г.

довольно устойчивый характер. Впервые за последние десять лет в 2007 г. в Забайкальском крае наблюдался естественный прирост + 466 человек, в 2008 г. данный показатель увеличился до + 1756 человек, в 2009-м — до + 2561, а в 2010-м вновь наблюдается убыль населения (табл. 4). Процентное соотношение мужчин и женщин остается примерно на том же уровне, что и раньше (47,8:52,2) [173].

Как видим, несмотря на позитивные сдвиги, произошедшие в результате мер, принимаемых на федеральном и региональном уровнях, снижение общей численности населения продолжается. По инерционному варианту прогноза Забайкалкрайстата, предположительная численность населения края сократится к концу 2015 г. на 45,9 тыс. человек и составит 1 млн 073 тыс. человек, а к началу 2026 г. – 983,9 тыс. человек.

Таблица 4

Численность населения Забайкальского края (тыс. человек)

	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Численность населения — всего, тыс. человек	1178,8	1165,4	1152,6	1135,7	1128,2	1122,1	1118,9	1117,0	1108,3
в том числе:									
– мужчины	571,8	564,4	557,0	546,2	541,2	537,2	535,0	533,8	
– женщины	607,0	601,0	595,6	589,5	587,0	584,9	583,9	583,2	
Естественный прирост, убыль (–) населения	–3367	–3653	–3826	–4194	–1820	466	1720	2561	2246
Миграционный прирост, убыль (–) населения	–6121	–6533	–4998	–3289	–4314	–3639	–3621	–2617	4882

Будет уменьшаться ожидаемая продолжительность жизни (до 63 лет), увеличится доля граждан старше трудоспособного возраста (на 11,9 %), почти вдвое сократится численность женщин репродуктивного возраста, что вновь приведет к снижению рождаемости [15].

Теперь о «демографической экспансии» в регионе. По официальной статистике, в настоящее время единовременное присутствие китайских граждан на территории Забайкальского края

составляет около 6398 человек. В основном их проживание на территории края связано с сугубо временным их пребыванием. Однако среди китайских мигрантов все же есть граждане, решившие связать свою жизнь с Забайкальем. Приведем несколько цифр, которые определенным образом характеризуют стремление китайцев к укоренению на территории края и его масштабы (табл. 4, 5). Так, по видам на жительство в крае проживает 141 китайский гражданин, имеют статус временно проживающего лица — 56. По большей части это граждане КНР из автономного района Внутренняя Монголия, а также из приграничных провинций Хэйлунцзян, Шаньси, Ляонин, Хэбэй, Шаньдун, Цзилинь, Цзянсу, Ляонин, Чжэнцзян.

Таблица 5

**Количество граждан КНР, проживающих
на территории Забайкальского края (чел.)**

	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г. (ноябрь)
По видам на жительство	52	58	112	130	141
По разрешениям на временное проживание	17	13	26	58	56

Распределение китайских мигрантов на территории Забайкалья довольно неравномерное. Места их наибольшего сосредоточения обусловлены возможностью осуществления трудовой деятельности, а также сложившейся инфраструктурой хозяйственной деятельности в регионе. Так, по итогам сентября 2010 г., в столице Забайкалья г. Чите проживало 3645 граждан Китая (57 %), в приграничном Забайкальском районе — 457, в Петровск-Забайкальском — 377, Читинском — 362, Хилокском — 221, Могочинском — 186, Карымском — 169, Красночуйском — 158, Александрово-Заводском — 96, Агинском — 92, Приаргунском — 83, Борзинском — 59. В остальных районах края зарегистрировано от 1 до 40 граждан из Китая.

На территории Агинского Бурятского округа зарегистрирована Агинская региональная общественная организация «Землячество Шэнэжэнских бурят из Китайской Народной Республики» (по данным 2008 г. — 77 человек), в состав которой в основном входят

проживающие на территории края граждане КНР, прибывшие на постоянное место жительства в Российскую Федерацию в начале 90-х годов. Цель организации — содействие в возврате на историческую родину бурятских семей из других регионов и стран, помощи в трудоустройстве семьям переселенцев, защиты гражданских, экономических, социальных и культурных прав и свобод граждан — членов землячества, гармонизации национальных интересов в регионе, изучение истории, культуры, традиций.

Приведем другие цифры. По данным органов ЗАГС, в Забайкальском крае отмечается небольшая тенденция к росту количества браков китайцев с российскими гражданами. Однако масштабных попыток китайцев укорениться в регионе с помощью смешанных браков не наблюдается. За семилетний период, с 2002 г. по сентябрь 2010 г., зарегистрировано всего 59 смешанных браков. География браков с гражданами Китая распространяется по всему краю, в основном в центре и ближе к границе: наибольшее их количество зарегистрировано в г. Чите и Читинском районе, Забайкальском и Приаргунском районах. Гражданами КНР за 2003–2010 гг. в органах ЗАГС Забайкальского края зарегистрировано рождение 69 детей.

Таблица 6

Смешанные браки с гражданами КНР в Забайкальском крае

	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Количество браков с китайцами	1	9	4	8	7	15	—	12

Обживаясь на территории Забайкальского края, некоторые китайские мигранты приобретают недвижимость. По данным Федеральной регистрационной службы по Читинской области, в 2008 г. на 30 граждан КНР было зарегистрировано 38 объектов недвижимости: 24 квартиры (23 в г. Чите, 1 в с. Маккавеево), 1 земельный участок (с. Маккавеево), 2 магазина в г. Чите, 10 нежилых помещений (гаражи, овощехранилища, теплицы, автостоянка и т. п.).

Например, на Чжао Юн Цзюня, принятого в гражданство РФ в 2002 г., был зарегистрирован 21 объект собственности: квартира,

земельный участок и кузнечно-сварочный цех, гараж и деревообрабатывающий цех, офис, нежилое помещение в г. Чите; земельный участок, железнодорожный тупик, склады в пгт. Новокручининский. На другого гражданина КНР, Ян Чэнсо, было зарегистрировано 8 объектов собственности в г. Чите: овощехранилище, три жилых дома, теплица, склад, административное здание, свинарник, баня, коровник и т. п. На юридическое лицо, Маньчжурскую компанию одежды «Ся Ян», в г. Чите было зарегистрировано 16 объектов собственности: универсальный магазин, деревообрабатывающий цех, лесоцех, котельная, железнодорожный путь 1118 м, водонапорная башня и др. Несколько земельных участков были переданы в аренду для завершения строительства, обслуживания и размещения магазинов, ресторанов, производственных зданий, складов и выращивания овощей в г. Чите, Приаргунском, Сретенском, Забайкальском районах. По характеру объектов собственности можно легко догадаться о роде занятий их владельцев. Остальные граждане КНР имели в собственности в основном по одной квартире или небольшому магазинчику.

Учитывая вышеизложенные обстоятельства, можно констатировать, что постоянное китайское население в Забайкальском крае постепенно формируется, хотя оно и носит ограниченные масштабы. Иными словами, процессы коренизации китайцев в Забайкалье совершенно незначительны, а реальные масштабы легальной китайской миграции очень малочисленны. Следовательно, признаков замещения сокращающегося местного населения китайскими мигрантами, а именно «демографической экспансии», в Забайкалье не наблюдается. Более того, китайцы не демонстрируют никакого стремления к официальному закреплению на территории Забайкальского края. Доказательством тому служит и не очень большое стремление китайских мигрантов получить российское гражданство. По сведениям УФМС России по Забайкальскому краю, в 2002–2010 гг. приняли российское гражданство 10297 иностранных граждан, из них только 6 граждан КНР [172]. Добавим, что в силу специфики своего состава, приспособленного к особенностям российской экономики, китайцы трудятся замкнутыми,

этническими коллективами, имеющими строгую организационную иерархию. Как пишет А. П. Тарасов, «все вопросы с работодателем решаются через немногочисленный менеджмент китайской компании-подрядчика. Общение низового персонала практически ограничено покупкой сигарет и продовольственной мелочи в ларьках. Китайские строители — это люди, которые на большую часть года подряжаются на выездные работы. В какую страну их направить, определяет реально нанявший их китайский подрядчик. Поэтому у китайского мигранта нет мотивов искать возможность остаться на проживание в России. Соответственно ему не нужно знать язык, культуру, историю страны пребывания. «...На российской территории они ощущают себя чужаками, и не предполагают какого-либо пребывания по окончании контракта» [136].

На наш взгляд, для реализации своих национальных интересов Китай более заинтересован в богатом ресурсном, в т. ч. территориальном, потенциале Забайкальского края. Одним из механизмов реализации этих интересов служат мигранты, для которых регион представляет собой лишь источник получения доходов, место, где можно заработать деньги. Однако нам следует четко понимать, что китайские, корейские и вьетнамские мигранты (кои также присутствуют на местном рынке труда, правда, в значительно меньших масштабах) нужны нам для выполнения своих краткосрочных и долгосрочных экономических задач при осуществлении конкретных проектов в фиксированных временных рамках. Это отчетливо осознают власти Забайкальского края, положительно оценивающие трансграничные миграционные потоки, которые стали важным аспектом международных отношений региона. Поэтому позиционируя себя в качестве одного из крупнейших регионов-реципиентов китайской миграции, Забайкальский край пытается развивать свой приграничный пояс с использованием трудовых ресурсов Китая. На VI Байкальском экономическом форуме в сентябре 2010 г. министр экономического развития Забайкальского края Б. Галсанов заявил: «Китайская экономическая экспансия, демографическая экспансия — это в большей степени страшилка, потому что в данном случае происходит наша недооценка себя как

государства. Чего мы должны бояться, если это дело происходит на нашей земле, по нашим законам и под нашим контролем?» Он подчеркнул, что посещение Забайкальского края туристами и трудовыми мигрантами из Китая «100 процентно» контролируется миграционной службой. «Никакой угрозы незаконного закрепления на российской территории нет. ... В плане экономики мы больше в них нуждаемся, чем они в нас» [207].

В целом все вышеуказанные данные говорят о том, что демографическая ситуация, сложившаяся на сегодня в Забайкальском крае, носит кризисный характер. Дальнейшее сокращение численности населения приведет к уменьшению плотности заселения приграничного региона. Низкий уровень рождаемости не сможет обеспечить простого воспроизводства населения, а увеличение доли лиц старше трудоспособного возраста изменит структуру населения в сторону старения. Кроме того, сокращение количества работающих и увеличение численности нетрудоспособных лиц неизбежно повлекут за собой импорт недостающей рабочей силы из-за рубежа, которая становится основным источником преодоления дефицита трудовых ресурсов в крае. Все эти обстоятельства являются предпосылками притока населения китайского северо-востока на территорию Забайкальского края.

Демографическую ситуацию в регионе сиюминутно не выровнять. Для этого необходимо, прежде всего, повышение пространственной мобильности населения не только в Забайкальском крае и прилежащих к нему территориях, но и населения всей России. По данным 2008 г. в среднем за год внутри края перемещалось 12–13 тыс. человек — чуть больше 1 %, это свидетельствует о низкой степени реагирования населения на происходящие изменения в экономике региона

Поэтому привлекать иностранную рабочую силу придется, но в этом случае существует прямая опасность замещения сокращающегося местного населения китайскими мигрантами. Однако статистические данные этого не подтверждают. Да и предполагать то, что китайские мигранты могли бы хоть как-то восполнить российские демографические ресурсы попросту абсурдно. Вместе с тем

не стоит отрицать устойчивый характер миграционных связей между сопредельными регионами.

3.3. Китайское присутствие в Забайкалье

Китайское присутствие в Забайкалье видно невооруженным глазом: наличие большого количества китайских товаров, развитие приграничного «шопингового» туризма, тысячи китайских рабочих, занятых в строительстве и других отраслях. Исторический опыт приграничного сотрудничества в данном регионе свидетельствует о том, что «китайские факторы» всегда оказывали определенное влияние на местные рынки труда, уровень цен, состояние правопорядка, настроения и общественное поведение населения Забайкалья. Сферы взаимодействия здесь были определены еще в XVII в., а русские и китайцы за долгие годы привыкли к сосуществованию, сохраняя добрососедские отношения. На основе исследования доступных статистических данных, аналитических обзоров миграционной, пограничной и таможенной служб региона, материалов местной прессы попытаемся выявить современные тенденции развития «новой» китайской миграции и показать ее влияние на развитие Забайкальского края.

В Забайкалье китайские мигранты приезжают в первую очередь по экономическим причинам. Анализ обработки миграционных карт показал, что по целям временные мигранты распределяются следующим образом: работа, решение частных вопросов, получение образования, туризм, коммерческая деятельность (табл. 7). Как видно из таблицы, за последние годы число граждан КНР, прибывших в Забайкальский край с деловой целью, стабильно снижалось. В 2010 г. оно резко сократилось более чем наполовину (на 62,1 %).

При таких показателях трудно отрицать тот факт, что Восточная Сибирь в настоящее время не является привлекательной для китайских предпринимателей, да и не только для них. Структура иностранных инвестиций в регион нерациональна, потому что вложение ведущих мировых экспортеров капитала невелико. Крупнейшими странами-инвесторами Забайкальского края являются Кипр, Казахстан, Китай, на долю которых приходится

соответственно 36 %, 29,7 % и 23,9 % всех поступивших в регион в 2009 г. иностранных инвестиций [171].

Таблица 7

Цели пребывания граждан КНР в Забайкальском крае (тыс. / %)

	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Работа по найму	14 342 48 %	25 984 64 %	41 632 76 %	22 416 65 %	17 966 73 %
Деловая и гуманитарная	7542 25 %	10 036 25 %	9728 18 %	4290 16 %	1506 6 %
Туризм	4065 13 %	3946 10 %	2235 4 %	4226 16 %	3830 16 %
Частная	3876 13 %	384 0,9 %	623 1,1 %	313 0,9 %	376 1,5 %
Учеба	291 1 %	432 1,1 %	758 1,4 %	901 3 %	731 3 %

Основные объекты инвестирования — проекты по добыче российского сырья и вывоз его в необработанном виде в Китай, это объекты лесозаготовки, горнорудной промышленности, строительство торговой инфраструктуры и др. Например, в Программе сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока КНР на 2009–2018 годы определены восемь ключевых проектов регионального сотрудничества на территории Забайкальского края. Из них первые четыре касаются освоения девяти месторождений, три последующих — строительства деревообрабатывающих производств. В конце упоминаются промышленные зоны в поселках Забайкальск и Могойтуй. Сырьевая направленность сотрудничества очевидна. При этом декларируют китайские предприниматели много, а вкладывать не спешат. С одной стороны, предприниматели опасаются инвестиционных рисков, связанных с коррупцией и противоречивым законодательством, непонятным для китайских предпринимателей. С другой стороны, существенным обстоятельством, которое возможно объясняет сокращение деловых контактов в краевой экономике, является то, что распространение китайского капитала в крае сопровождается привлечением китайской рабочей силы для организации своего же бизнеса, т. е. китайские

предприниматели создают рабочие места не для российских граждан, а для китайских с целью переработки природных ресурсов [85, с. 22]. Так, например, в реализации крупного проекта строительства целлюлозного завода (Могочинский р-н, пос. Амазар) предполагается, что 80 % рабочих комбината будут китайскими [202]. Администрация Забайкальского края, понимая, что этот процесс может привести к дальнейшему росту безработицы местного населения, не всегда принимает такие условия.

К слову сказать, на инвестиционном рынке Забайкальского края вообще не представлены Япония, Тайвань, Гонконг, а также Сингапур, имеющие опыт работы в странах с переходной экономикой и менее опасаящихся инвестиционных рисков, чем западные инвесторы. Но они готовы вкладывать капитал в высокотехнологичные объекты, что могло бы способствовать развитию наукоемких отраслей обрабатывающей промышленности, коих на территории края не наблюдается.

Вместе с тем статистика показывает рост числа туристов, что, возможно, объясняется упрощенной процедурой выдачи загранпаспортов в Китае.

Влияние миграции на развитие Забайкальского края особо очевидно в сфере рынка труда (табл. 8), где интересы Забайкалья совпадают с интересами КНР в вопросах привлечения китайских трудящихся.

Таблица 8

Использование иностранной рабочей силы в Забайкальском крае

	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г. (ноябрь)
Трудовых мигрантов, всего	14 436	19 830	31 323	33 681	26 594	20 606
в том числе:						
– граждане КНР	11 758	15 915	22 983	27 273	21 991	15 371
– их процент от общего количества	81 %	80 %	73 %	81 %	83 %	75 %
– граждане СНГ	2705	3618	8340	6065	4253	4936
– их процент от общего количества	18 %	18 %	26 %	18 %	16 %	24 %

С одной стороны, привлечение иностранной рабочей силы объясняется неуклонным снижением числа экономически активных жителей края, что ставит под вопрос обеспечение реализации стратегических инвестиционных проектов в регионе. Поэтому дефицит трудовых ресурсов в крае уже многие годы восполняется за счет иностранной рабочей силы. В рамках формирования квоты 2011 г. от 484 работодателей поступило 525 заявок на привлечение 33 917 человек иностранной рабочей силы по 490 специальностям (за аналогичный период 2009 г. — 540 заявок от 509 работодателей на привлечение 40 660 человек иностранной рабочей силы по 446 специальности и профессиям). Квота была сформирована в количестве 17 110 человек, в т. ч. 12 258 человек — в визовом порядке, 4852 человека — в порядке, не требующем получения визы (квота 2010 г. составляет 18 951 человек, в том числе 14 207 человек — в визовом порядке, 4744 человек — в порядке, не требующем получения виз).

Китайские мигранты стали важным структурным компонентом местного рынка труда еще и потому, что они заполняют многочисленные непрестижные ниши, которые, как правило, отказываются занимать местное население.

Со своей стороны, китайские власти также заинтересованы в трудовой миграции своих граждан с целью смягчения безработицы на своей территории. Взаимозависимость сопредельных территорий очевидна!

К другим причинам широкого использования иностранной рабочей силы в крае относятся: а) дефицит некоторых рабочих профессий, возникший в результате их невостребованности в связи со спадом производства в 90-е гг.; б) возможность привлечения дешевой рабочей силы из Китая и привлекательность ее использования в силу высокого качества работ и дисциплинированности китайских рабочих [61, с. 71–72].

Трудовые мигранты составляют до 73 % от общего числа пребывающих в регионе граждан КНР. Наиболее востребованными являются иностранные работники в таких отраслях хозяйственной деятельности, как строительство, торговля и общественное

питание, лесное хозяйство, геология и добыча полезных ископаемых, транспорт, бытовое обслуживание, сельское хозяйство, обрабатывающее производство (табл. 9). Трудовая миграция осуществляется в различных формах: легальной и нелегальной, индивидуальной и групповой и носит сезонный характер, что объясняется особенностями отраслевой структуры занятости мигрантов.

Таблица 9

Распределение трудовых мигрантов из КНР по отраслям хозяйственной деятельности (тыс. человек / %)

	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г. (на ноябрь)
Работающие граждане КНР, всего из них:	–	14 681	27 611	21 991	15 371
– в строительстве	8195	13 978 95 %	19 707 71 %	15 288 70 %	8341 54 %
– в лесном хозяйстве	4236	4136 28 %	3589 13 %	2351 11 %	2763 18 %
– в сельском хозяйстве	410	392 3 %	714 3 %	935 4 %	764 4 %
– в обрабатывающем производстве	51	44 0,3 %	548 2 %	501 11 %	489 3 %
– в оптовой и розничной торговле	2658	1987 14 %	958 3 %	1227 6 %	665 4 %
– в других отраслях	365	2322 16 %	1757 6 %	1689 8 %	1773 11 %

Как видно из табл. 8, 9, начиная с 2008 г. в регионе происходит отток иностранной рабочей силы, что также в определенной мере может сказаться на экономическом благополучии региона. Дело в том, что в связи с наступлением финансового кризиса наблюдалось резкое сокращение объемов строительства, экспорта древесины и соответственно масштабов привлечения в эти отрасли китайского труда.

Количество работающих на территории Забайкальского края граждан Китая в 2009 г. снизилось на 15,5 %, в том числе: в строительстве — на 22,4 %, в лесном хозяйстве и сельском хозяйстве — на 34,5 %, в обрабатывающем производстве, в оптовой и розничной

торговле их число сохранилось почти на уровне 2008 г. В 2009 г. квота на выдачу разрешений на работу была ниже 2008 г. почти на шесть тысяч, а исчерпана всего на 54,5 % (в 2008 г. — на 73,2 %). Последствия кризиса больше всего ударили по строительным организациям Забайкалья, в результате чего им пришлось отказаться от части своих работников. Например, одно из таких предприятий получило квоту на 600 человек, а в итоге отказалось от 300.

В 2010 г. количество привлекаемой иностранной рабочей силы из Китая продолжает снижаться. В течение января–сентября 2010 г. на территории Забайкальского края работало 14 795 граждан Китая (– 29 %), что произошло за счет сокращения числа граждан КНР, работающих в сфере строительства (на 44,5 %) и торговли (на 32,5 %).

Строительная сфера Забайкалья практически полностью зависит от иностранной рабочей силы, которая привлекательна своей дешевизной и высокой производительностью труда. Однако, согласно анализу поступивших заявок на 2009–2010 гг. от работодателей, использующих труд иностранных работников из КНР, возрастает спрос на профессии, требующие высокой квалификации. Востребована иностранная рабочая сила по таким строительным специальностям, как каменщик, плотник, штукатур, бетонщик, облицовщик-плиточник. Основными требованиями, предъявляемыми работодателем к специалистам данных профессий, является высокий разряд (5–6) и опыт работы, наряду с низким уровнем оплаты труда (6–7 тысяч рублей). Ввиду отсутствия должного внимания к среднеспециальному образованию в России в целом, сегодня довольно трудно найти квалифицированные кадры по данным специальностям среди наших соотечественников. Поэтому и приходится привлекать иностранных работников по таким профессиям. Таким образом, количественный и качественный дефицит рабочей силы является сдерживающим фактором развития строительной отрасли.

Доля иностранцев, занятых в лесной отрасли, стабильно сокращается. Это связано с политикой федерального центра по сокращению экспорта круглого леса и введением высоких вывозных

пошлин на эту товарную позицию. Усиление государственного регулирования экономической деятельности в лесной сфере способствовало переориентации внутри сферы с заготовки и вывоза за границу круглого леса на его первичную обработку. Кроме того, квота на иностранную рабочую силу в 2009 г. выделялась исключительно организациям, занимающимся капитальным строительством, а не занятым в лесной отрасли. Как известно, снижение квот ведет к увеличению числа нелегалов. Лесная отрасль — яркий тому пример. И все же невысокие материальные и социальные притязания китайских рабочих, а также совокупность других факторов продолжают способствовать низкой себестоимости готовой продукции и делают этот вид бизнеса весьма прибыльным в случае привлечения иностранных работников. Интересен в этом контексте тот факт, что благодаря экспорту российской древесины в Китае решается проблема безработицы в приграничных районах, где создано множество деревообрабатывающих предприятий. Экспорт необработанной древесины в Китай — один из основных источников заработка для населения именно этих районов. Правда, в настоящее время многие из таких предприятий частично или полностью закрывают производство древесины [109], что может привести к дальнейшему увеличению безработицы и социального неблагополучия, а следовательно, к пополнению армии потенциальных мигрантов.

Доля иностранцев, занятых в торговле, сокращается с 2006 г. в связи с вступлением в силу новых правил миграционного учета для граждан зарубежья и одновременно ограничений для них в сфере рыночной торговли.

Несмотря на рост числа китайских трудовых мигрантов в Забайкалье в течение последнего десятилетия, как показывает официальная статистика, при общей численности экономически активного населения в крае доля китайской рабочей силы и ее вклад в экономику края незначителен (табл. 10). Вместе с ростом числа трудовых мигрантов в том же периоде стабильно снижалась официальная безработица среди коренного населения. Тенденция резкого роста безработицы стала явно заметной в 2008 г.

и продолжается по настоящее время (численность официально зарегистрированных безработных на территории Забайкальского края на 1 июля 2009 г. составила 18,7 тыс. человек). Очевидно, что растущая безработица явилась следствием недавнего финансового экономического кризиса. Вместе с тем еще одной причиной роста безработицы в Забайкалье считают конкуренцию на рынке труда между иностранными рабочими и российскими гражданами, ищущими работу. Мигрантов обвиняют в том, что они готовы работать за небольшое денежное вознаграждение и занимают рабочие места местного населения. На наш взгляд, наличие или отсутствие иностранной рабочей силы на этот процесс никак не влияет. Причина сохраняющегося роста безработицы в крае видится в низкой мобильности местной рабочей силы, о чем мы говорили ранее. Рабочие места в основном создаются в городах, а свыше 60 % безработных края проживают в селах. Одни не хотят уезжать на новые места в силу традиций и взглядов на жизнь, а другие и готовы бы поехать на заработки в относительно благополучные районы региона, да только заработок там невысокий и его хватает только на оплату жилья.

Таблица 10

Рынок труда в Забайкальском крае

	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Население, занятое в экономике (тыс. человек)	503,9	443,2	454,3	482,7	477,1	482,2	469,2
Численность безработных, зарегистрированных в органах государственной службы занятости (тыс.)	24,6	19,2	14,9	12,8	16,2	15,1	18,2
Доля работающих китайцев в экономически активном населении, %	0,7	1,2	1,6	2,4	3,4	4,7	5,6

Как показывают статистические данные, трудовая китайская миграция не оказывает серьезного негативного влияния на местный рынок труда.

Во-первых, численность иностранцев не превышает численность безработных. Во-вторых, среди безработных граждан,

зарегистрированных в службе занятости населения Забайкальского края, 50 % составляют женщины, чей труд не может быть использован в тех сферах деятельности, где непосредственно привлекается иностранная рабочая сила, т. е. в строительстве и на заготовках леса. В-третьих, наибольшая численность трудовых мигрантов, прибывающих на территорию Забайкальского края, приходится на Читу, тогда как безработных больше в отдаленных районах края. И, наконец, в-пятых, как показывает практика, мигранты занимают прежде всего те рабочие места, которые не пользуются спросом у российских граждан из-за низкого уровня оплаты, тяжелых и вредных условий труда или которые не могут быть заполнены из-за дефицита кадров по определенным профессиям или специальностям. О чем следует говорить, так это о нелегальной занятости.

Таким образом, в настоящее время, да и в ближайшее тоже, вряд ли можно предполагать конкуренцию на рынке труда между иностранными рабочими и российскими гражданами. Доля китайской рабочей силы хоть и увеличивается, составляет в регионе чуть более 5 %, при этом китайские рабочие не вытесняют с рынка труда забайкальских трудящихся, а лишь заполняют незанятые рабочие места. Следовательно, использование китайской рабочей силы не оказывает влияния на рост безработицы. Кроме того, китайская рабочая сила отличается высоким качеством выполнения работ и дисциплинированностью. Другое дело, что «у местного населения наступает постепенное привыкание к легким методам решения трудовых и хозяйственных задач, происходит утрата профессионализма, династийных производственных навыков, внутренней энергии решать проблемы своими силами» [78, с. 14–20].

Вместе с тем именно привлечение иностранной рабочей силы послужило важной предпосылкой и показателем начавшегося было экономического оживления в Забайкальском крае. За 10 лет, 1999–2008 гг., ввод в действие жилья вырос в 3,6 раза, вывозка древесины выросла в 2,7 раза [78, с. 260]. Более того, экономисты утверждают, что там, где начался экономический подъем, растет и потребность в дополнительной рабочей силе. Все эти факты

имеют значение для дальнейшей реализации проектов, связанных с подъемом экономики Забайкалья, о которых мы упоминали в начале данной главы.

Так что привлекать иностранную рабочую силу нам придется. Возникает вопрос, кого нужно привлекать. Согласимся, что привлекать надо только тех, кто действительно нужен на определенном рабочем месте, с определенной квалификацией и в определенном регионе. Ведь не секрет, что, приезжая на заработки в Забайкальский край, неквалифицированные или низкоквалифицированные мигранты вовсе не владеют затребованными работодателями профессиями. Нам приходится их обучать самим, и вот только после окончания контракта с такими мигрантами мы имеем дело с вполне квалифицированными строителями — каменщиками, плотниками, крановщиками, которые возвращаясь на родину везут с собой не только деньги, но и квалификацию, полученную в России совершенно бесплатно.

Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что китайская миграция в Забайкальский край не стихийное переселение, это специфическая форма движения рабочей силы, которая является составной частью торговой и производственной структуры Китая, трудоустройством которых за пределами страны интенсивно занимаются многочисленные компании.

Не менее актуальными для края остаются проблемы борьбы с нелегальной миграцией, под которой понимается как тайный переход границы, так и проживание или работа в чужой стране без правильно оформленных документов. Легче всего незаконным мигрантам «раствориться» среди населения российских мегаполисов. По сравнению с ними и с учетом того, что даже в краевом центре численность населения чуть больше 300 тысяч, проблема незаконной миграции на территории края менее масштабна. Однако она существует и для Забайкальского края является острой.

В силу географического положения основную долю незаконных мигрантов, пребывающих на территории Забайкальского края, составляют граждане КНР. Как правило, они пересекают государственную границу в соответствии с установленным порядком по

коммерческим, деловым и туристическим визам, а затем незаконно остаются на российской территории.

Главная артерия, через которую в Россию попадает основное количество нелегальных мигрантов из Поднебесной — поселок Забайкальск. Здесь практически всюду работают граждане Китая: за прилавком, в теплице, на стройке. Согласно действующему законодательству иностранцы не имеют права торговать в розницу вне магазинов. Заниматься же реализацией товара в торговых центрах или комплексах, участвовать в оптовой продаже правила разрешают. Довольно распространенным нарушением, за которое иностранцев привлекают к ответственности, является несоблюдение правил миграционного учета. Каждая шестая проверка по выявлению фактов незаконного пребывания иностранных граждан на территории Забайкальска дает свои результаты: например, к административной ответственности к концу 2008 г. привлечены 297 иностранных граждан, 272 из них — китайцы. Однако обычно китайцы хорошо подготовлены к встрече сотрудников УФМС, поскольку система оповещения у них работает идеально — все хотят сохранить свой бизнес, потому пристально следят за действиями контролирующих инстанций. Китайцы не скупятся на технику: у рабочих есть рации, помещения оборудованы видеокамерами наружного наблюдения. Например, найденные в 1 км от линии государственной границы на территории Забайкальского района схроны, укрытия и склад контрафактной спиртосодержащей продукции были оборудованы системами видеонаблюдения. Другая база нелегалов была обнаружена на территории лесоприемного пункта в Петровск-Забайкальском районе, где нарушители прятались в замаскированных землянках, также имели средства связи, браконьерское снаряжение.

Среди местных работодателей немало тех, кто не прочь заработать на мигрантах, отправив их, например, не по прямому назначению — на стройку, а отдав в пользование другому предпринимателю — на лесозаготовки или ремонт квартиры, естественно, получив при этом немалую сумму денег. При этом сами китайские рабочие не получают ни гроша. Фактически это настоящее

рабство. Не секрет, что заинтересованность в использовании труда нелегальных мигрантов определяется в первую очередь дешевизной их труда и возможностью работодателей не соблюдать международные и российские стандарты и условия их работы, проживания и оплаты труда. Работодатель заинтересован в бесправии иммигранта — ведь последний становится объектом для практически неограниченной эксплуатации.

В Забайкалье присутствуют все виды незаконной деятельности китайских мигрантов согласно классификации А. Г. Ларина: 1) нарушение правил въезда через границу, правил пребывания и занятий трудовой деятельностью; 2) экономический криминал: контрабанда, «серая растоможка»; 3) преступная хозяйственная деятельность на российской территории; 4) уголовные преступления [127, с. 37]. Подробнее рассмотрим каждый из них.

Нарушение правил въезда через границу, правил пребывания и занятий трудовой деятельностью. До 2000 г. основным каналом незаконной миграции на территорию Забайкалья граждан КНР являлся канал безвизового туризма. Поток китайских туристов значительно сократился после подписания двустороннего соглашения «О безвизовых групповых туристических поездках» (февраль 2000 г.), которое ужесточило правила въезда и пребывания в России. Как следствие, начался активный рост въезжающих в Россию граждан КНР по коммерческим и деловым визам, которые оформляются в полулегальных посреднических организациях и фирмах приграничных городов. За приглашение в Россию таким организациям китайцы платят от 1,5 до 4,5 тыс. юаней (7–20 тыс. рублей). Размер платы за услуги зависит от категории и кратности визы. Что касается приглашающих организаций, то большинство из них являются фирмами-однодневками, пренебрегающими своими обязанностями. В результате, въехав на территорию страны, граждане КНР остаются предоставленными сами себе. Основную часть задержанных составляют нелегалы, чьи действительные цели не соответствуют заявленным. Месторасположение таких граждан не знает пределов: сегодня они работают на стройке в Челябинске, а через неделю — на рынке в Чите. Многие пытаются устроиться

на работу неофициально. У них аннулируют визы и отправляют на родину. Однако не факт, что в этом случае жители Поднебесной не возвращаются в Забайкалье, ведь им нужно всего месяц-полтора, чтобы добыть новую визу. Не исключено, что за этим стоят криминальные структуры, и процесс давно поставлен на поток.

Определенным сдерживающим фактором для китайских «визовиков» являлась деятельность постов иммиграционного контроля УФМС России по Забайкальскому краю в пунктах пропуска через забайкальскую границу, где отслеживалось соответствие целей въезда заявленным и пресекались наиболее откровенные попытки въезда. Но, когда в 2007 г. с ФМС сняли функции контрольного органа в пунктах пропуска через границу, резко возросло количество въезда граждан КНР с целями, не соответствующими заявленным. Так, в 2007 г. было выявлено более 200 граждан КНР, въехавших в Забайкалье с целями въезда «коммерческая», «деловая», но занимавшихся деятельностью, не соответствующей статусу визы. По данным УФМС России по Забайкальскому краю, в 2008 г. таких граждан было более 300, в 2009 г. их количество выросло в пять раз и достигло 1550 человек, только за девять месяцев 2010 г. обнаружено уже 1726 человек. Как видим, растет число незаконных мигрантов, которые легальным способом въезжают на территорию РФ с коммерческой или деловой целью, с целью посещения родственников или на учебу, а затем незаконно остаются в стране для занятия нелегальной трудовой деятельностью.

С целью выявления фактов незаконной миграции в Забайкалье постоянно проводятся спецоперации «Нелегал» и «Добрая воля». Несмотря на то, что операции такого рода дают скромные результаты, их профилактическая роль представляется довольно значимой. В результате данных мероприятий, например, в 2009 г. был предотвращен въезд в Россию 790 граждан КНР с целями, не соответствующими заявленным. Еще 722 нелегальных мигранта были выявлены при осуществлении контрольно-надзорной деятельности. Для данной категории иностранных граждан характерны общие признаки: 1) они не знают цели въезда, указанной в визе; 2) они не знают названия, места нахождения приглашающей их

организации и способов установления контактов с ней; 3) визы оформлялись через посредников (китайские туристические фирмы) за плату; 4) все они следовали компактной группой и заявляли об истинных целях въезда (работа по найму, торговля, изучение рынка сбыта, посещение родственников или знакомых); 5) у всех низкий уровень образования и наличие большого количества вещей, косвенно свидетельствующих об истинных целях въезда.

Анализ маршрутов следования граждан КНР, а также перечня приглашающих их организаций показал, что подавляющее число мигрантов въехали в Россию по приглашениям, оформленным в Москве — 846 (56 %); Екатеринбурге — 109 (7,2 %); Благовещенске — 107 (7 %); Санкт-Петербурге — 107 (5,3 %); Улан-Удэ — 62 (4 %).

Из ответов на запросы в территориальные органы ФМС часть приглашающих организаций установить не удалось, а ряд приглашений конкретным гражданам Китая не оформлялись. Было выявлено 225 поддельных приглашений. В поддельных приглашениях, кроме изменения установочных данных, были изменены сроки действия, кратность запрашиваемой визы, цели въезда и другие атрибуты. В последнее время стали выявляться и визы, оформленные по поддельным приглашениям организаций и фирм Забайкалья.

В октябре-ноябре 2009 г. возвращенные из России граждане КНР организовали протестные действия на территории сопредельного пункта пропуска «Маньчжурия» в форме пикетирования и препятствования движению российского автотранспорта. Официальные власти Китая данным акциям не препятствовали. В целях локализации сложившейся ситуации с представителями сопредельной стороны была проведена рабочая встреча, в которой принимало участие и руководство УФМС России по Забайкальскому краю. До китайских официальных лиц была доведена позиция российской стороны и факты оформления виз по поддельным приглашениям, что позволило нормализовать ситуацию.

Из интервью с начальником УФМС России по Забайкальскому краю Л. И. Сизиковой: «Криминальная деятельность по подделке российских официальных документов приняла масштабный

характер, несущий прямую угрозу национальной безопасности государства. Кроме того, в ней вращаются значительные финансовые средства, счет идет на десятки миллионов долларов. В Россию в массовом порядке въезжают граждане Китая никем не приглашаемые и не ожидаемые, для занятия незаконной трудовой деятельностью в сферах торговли, заготовки и скупки сырьевых ресурсов страны. Порой они следуют организованными группами, перемещая при этом крупные партии товаров, и особо не скрывают истинных целей своего въезда. В результате принятых ФМС России мер оформляемые территориальными органами приглашения для получения виз подделывать стало сложнее, в связи с чем, предполагается, что будут подделываться бланки приглашений и сами визы» [133].

Таким образом, канал незаконной миграции в Россию граждан КНР, въезжающих по «деловым» визам был выявлен и взят под относительный контроль. Одновременно с этим четко проявилась тенденция к увеличению въезда в Россию граждан КНР с целями «туризм» и «целевой туризм», а значит, теперь туризм становится легальным каналом въезда на российскую территорию для нелегальной занятости. Количество «туристов», осуществлявших незаконную трудовую деятельность в сферах торговли, строительства, заготовки и переработки леса резко увеличилось в 2010 г. Как правило, визовые «туристы» въезжали в Россию группами 5–15 человек. Отслеживать их было сложнее, т. к. они имели на руках весь комплект документов, предусмотренных для туристической цели въезда, большинство из них состояли на миграционном учете. При выявлении их за занятием иной деятельностью граждане Китая не могли пояснить, какая туристическая фирма их пригласила и где она находится. Это свидетельствует о том, что Генеральные консульства России, а также российские туристические организации и фирмы, оформившие туристические визы, не отслеживают ситуацию с въездом в Россию. В УФМС России по Забайкальскому краю имеется информация о том, что российские туроператоры и туристические фирмы, имеющие соответствующие полномочия, в массовом порядке направляют своим китайским партнерам

соответствующие чистые бланки приглашений и договоров на оказание услуг и подтверждений о приеме туристов с печатями и подписями руководителей. Китайская сторона по своему усмотрению заполняет документы и передает их в консульские учреждения МИД России для оформления виз. Вот таким образом создаются предпосылки к организации незаконной миграции в Россию граждан КНР на туристическом канале въезда.

На наш взгляд, причины такого распространенного явления, как занятие трудовой деятельностью по коммерческим, деловым, туристическим или учебным визам объясняются сложностью законного способа получения рабочей визы, оформление которой занимает около пяти месяцев, в то время как другие визы оформляются в течение месяца и стоят дешевле. Все это свидетельствует о несовершенстве юридических процедур, которые таким образом провоцируют нелегальную занятость иностранных рабочих.

Было бы несправедливо акцентировать внимание только на деятельности российских ведомств в предупреждении и борьбе с нелегальной миграцией. Несмотря на то, что массовая миграция из Китая выгодна государству, борьба с нелегальной миграцией является одним из направлений эмиграционной политики КНР. Компетентные органы Китая не только осуществляют свои контролирующие функции (например, фиксируют факты совершения китайцами преступных деяний на российской территории), но и проводят профилактические мероприятия среди выезжающих в Россию по каналу трудовой миграции граждан КНР (например, организация экспорта рабочей силы по контрактам). А по отношению к нарушителям правил пограничного режима применяются строгие меры наказания. Например, Закон о паспортах (2007 г.) запрещает выдачу таким лицам паспортов на срок от шести месяцев до трех лет. Кроме того, проводится большая информационная кампания, освещающая опасности нарушения границы, используются новые методы проверки документов и проводятся операции против контрабандных групп, занимающихся тайной переправкой людей через границу и нелегальным переселением.

Экономический криминал: контрабанда, «серая растоможка». Связка автомобильного и железнодорожного пунктов пропуска «Забайкальск — Маньчжурия», расположенных на границе Забайкальского края и Автономного района Внутренняя Монголия (КНР), является крупнейшим сухопутным российско-китайским транспортным узлом. Пассажирское направление международного автомобильного пункта пропуска «Забайкальск — Маньчжурия» находится в зоне особого внимания контролирующих органов, поскольку через него осуществляется до 70 % товарооборота между двумя странами. Довольно активно эти пункты используются для провоза контрабанды. При этом дешевый ширпотреб производства КНР составляет львиную долю товаров, перемещаемых через российско-китайскую границу в обход пограничного и таможенного контроля. Только в 2010 г. забайкальские пограничники изъяли товаров, перемещаемых через государственную границу в нарушение таможенных правил, на сумму более 71 млн рублей, а также более 50 кг наркотических веществ [190]. Везут как китайские так и российские граждане. Из Китая везут все — от бижутерии до наркотиков, из России — товары животного происхождения: пушнину, морепродукты и т. д. Везут под одеждой, под обшивкой автомобилей, в шинах грузовиков, в пустых цистернах из-под нефти и т. д.

Высокие таможенные тарифы, а также сложная и длительная процедура таможенной очистки породили так называемую «серую растоможку», когда груз ввозится в Россию через некие брокерские компании, которым владелец груза разом оплачивает и транспортировку, и таможенные пошлины. После чего товар доставляется в указанное место, но без должным образом оформленных документов о прохождении таможни. Основная клиентура «серой растоможки» — мелкие и средние фирмы, которые используют такой способ провоза товаров через границу для экономии времени и средств. Несмотря на серьезный ущерб для российской стороны, ликвидировать «серую растоможку» пока невозможно, поскольку «за ней стоят особые группы интересов, обладающих огромным могуществом» [190].

Например, только за февраль 2007 г. через таможенный пост железнодорожного пункта пропуска «Забайкальск» Забайкальской таможни было задержано перемещение груза в 35 контейнерах. В таможенных декларациях были заявлены стулья и столы с металлическим каркасом, керамическая плитка. На самом деле на территорию РФ таким образом незаконно, с обманным использованием документов, не декларируя, в крупных размерах были перемещены товары народного потребления и одежда, стоимость которых только в одном контейнере превышала 250 тыс. рублей.

Преступная хозяйственная деятельность на российской территории: незаконное предпринимательство, уход от налогов, подкуп должностных лиц, вывоз денежных средств за рубеж, браконьерство и т. д. В числе основных преступлений данного типа отметим незаконную вырубку леса, скупку леса и металлолома за «черный нал» и контрабандный вывоз этой продукции в Китай, нарушение экологического законодательства.

Так, по данным налоговой службы, в Забайкальском крае в результате оптовой торговли импортными продуктами питания, только в 2009 г. из-под налогообложения выведены доходы в сумме почти 4,0 млрд рублей, а выявленный ущерб от неуплаты налогов за 2008–2009 гг. составил 618,5 млн рублей. Для ввоза товара китайские продавцы пользуются посредническими услугами российских фирм-импортеров, созданных только для осуществления таможенного оформления и легализации ввоза товара до п. Забайкальск. Дальше по документам реализация импортных овощей и фруктов на территории России осуществляется фирмам-однодневкам и носит фиктивный характер. На самом деле товар реализуется китайскими предпринимателями или представителями китайских торговых компаний.

Масштабные преступления связаны с лесом. Забайкальский край занимает восьмое место по размерам лесосечного фонда, общие запасы леса оцениваются в 2,41 млрд кубометров. По данным таможенных органов, экспорт древесины в Китай составил в 2006 г. 3,1 млн кубометров [178], в 2007 г. — 3,85 млн кубометров. В 2008 г. оборот экспорта леса в регионе составил 203 млн

долларов. При этом внутри самого региона потреблялось всего 0,5 млн кубометров. Такой пропорции нигде в России больше не было [189].

Размах лесного криминала в конце 80-х — начале 90-х гг. был беспрецедентным: выжигание лесов, бессистемная и безнадзорная вырубка, организация полукриминальных пунктов скупки древесины. По оценке Федерального агентства лесного хозяйства, теневой оборот древесины в Читинской области составлял более 2 млн кубометров в год и оценивался в 126 млн долларов. Это составляло больше половины официального экспорта древесины через регион. Попытки китайских компаний наладить цивилизованный бизнес в лесной сфере заканчивались неудачей. Очень быстро эту нишу заняли китайские перекупщики. Они стремились получить участки леса именно в аренду, не утруждая себя строительством на чужой территории какой-либо инфраструктуры. Нелегальный оборот лесоматериалов по сути кормил лесную промышленность КНР. Подтверждением тому служит развитая лесоперерабатывающая отрасль в северо-восточных районах Китая, где вдоль границы расположены около 1200 китайских лесопромышленных предприятий, работающих на российском сырье [32]. А с российской стороны границы реально действуют пока только два крупнейших в Забайкалье лесозаготовительных предприятия — ООО «МК «Рассвет»» в Петровск-Забайкальском и ООО «ДОК-75» в Улетовском районах. Еще действуют около 25 мелких предприятий с годовым объемом заготовки круглого леса мощностью 20–250 тыс. кубометров.

Для наведения порядка в лесопромышленном комплексе в 2007 г. был принят региональный закон «Об организации деятельности пунктов приема и отгрузки древесины на территории Читинской области». В восьми районах области был введен режим чрезвычайной ситуации. Тогда объемы экспорта круглого леса упали в 2,5 раза. Количество приемных пунктов сократилось с 600 до 200. Очевиден и существенный экономический эффект: если ранее ущерб от незаконных порубок оценивался примерно в 500 млн рублей, то затем он упал до 120–150 млн [178]. Позднее

на федеральном уровне было принято решение о повышении в России пошлин на вывоз круглого леса.

Несмотря на предпринятые меры, незаконная вырубка китайцами лесов продолжается, хотя и не в тех масштабах, что ранее. Заголовками о незаконной деятельности в этой отрасли пестрят сообщения на местных телеканалах и радио, на информационных сайтах, в краевых и ведомственных печатных изданиях. Болезнь лесопромышленного комплекса в Забайкальском крае перешла в хроническую стадию.

Проблеме предотвращения незаконного оборота древесины на территории края и пресечению нелегальной миграции на объектах лесозаготовки и лесопереработки также уделяется особое внимание. Так, в течение 2009 г. в лесной сфере работало 2445 иностранных работников, из них удельный вес трудовых мигрантов из Китая составлял 96,1 % (2351 человек). Для сравнения, на граждан СНГ в лесной отрасли приходится всего лишь 3,8 % (94 человека). В сфере лесопользования постоянно выявляются нарушения миграционного законодательства, т. к. фактически на лесоприемных и лесоперерабатывающих пунктах работают граждане КНР, цели пребывания которых не соответствуют официально заявленным. Другая часть китайских граждан и вовсе работает без соответствующего разрешения [168]

Уголовные преступления: грабежи, вымогательства, похищения, убийства. Анализ динамики преступности среди граждан Китая свидетельствует, что значительного влияния на криминальную обстановку в Забайкальском крае указанная категория не оказывает. Удельный вес преступлений, совершенных гражданами КНР, характеризуется сохранением одинаковых показателей на протяжении многих лет и в общей структуре преступности составляет 0,08 % с незначительными колебаниями в ту или иную сторону (табл. 11). Разнообразные нарушения правопорядка совершаются как в отношении граждан КНР, так и самими китайскими гражданами. Чаще всего, преступления совершаются китайскими мигрантами в их собственной среде, однако встречаются примеры и российско-китайской преступности.

Привлечение граждан КНР к административной ответственности

	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г. (ноябрь)
Привлечено к административной ответственности, всего	2863	2695	3165	3414	3704
в том числе:					
– за нарушение правил въезда, либо режима пребывания в РФ	2705	2507	2953	3040	3396
Граждане КНР, выдворенные за пределы РФ по решению суда в административном порядке	544	510	563	549	517
Преступления, совершенные					
– гражданами КНР	13	13	37	24	46
– в отношении граждан КНР	50	53	38	24	26

В отношении граждан КНР совершаются умышленные убийства, кражи, грабежи, разбои, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, побои, превышение должностных полномочий. Согласно данным УВД по Забайкальскому краю, в 2009 г. произошло снижение преступлений в отношении граждан КНР на 34,2 % по сравнению с прошлым годом. Совершено 25 преступлений, из которых 4 — грабеж (ст. 161 УК РФ), 10 — кража (ст. 158 УК РФ), 2 — похищение или повреждение документов (ст. 325 УК РФ), 4 — разбой (ст. 162 УК РФ), 1 — неправомерное завладение автомобилем (ст. 166 УК РФ), 1 — хулиганство (ст. 213 УК РФ), 1 — самоуправство (ст. 330 УК РФ), 1 — похищение человека (ст. 126 УК РФ), 1 — убийство (ст. 105 УК РФ).

Граждане КНР совершают такие преступления, как подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков; они занимаются мошенничеством; незаконно пересекают границу; дают взятки должностным лицам; нарушают правила дорожного движения и эксплуатации транспортных средств; занимаются контрабандой; незаконно приобретают, хранят и перевозят наркотические средства; приобретают или сбывают имущество, заведомо добытое преступным путем; незаконно рубят деревья. Согласно данным УВД по

Забайкальскому краю, гражданами КНР в течение 2009 г. совершено 24 преступления (снижение на 37 % по сравнению с прошлым годом), в том числе 8 — незаконное пересечение границы (ст. 322 УК РФ), 8 — подделка документов (ст. 327 УК РФ), 1 — дача взятки (ст. 291 УК РФ), 1 — незаконная порубка деревьев и кустарников (ст. 260 УК РФ), 1 — нарушение правил дорожного движения (ст. 264 УК РФ), 2 — приобретение или сбыт имущества, приобретенного незаконным путем (ст. 175 УК РФ), 2 — контрабанда (ст. 188 УК РФ).

Согласно статистике, китайцы чаще являются жертвами преступлений, чем преступниками. Обращая внимание на криминальный аспект пребывания китайских мигрантов на территории нашего края, начальник УФМС России по Забайкальскому краю Л. И. Сизикова признает, что «сейчас китайские граждане особо не создают неприятностей и хлопот... С ними меньше проблем, чем с гражданами СНГ».

Учитывая вышеприведенные данные, можно резюмировать, что при быстром росте китайских мигрантов количество правонарушений остается стабильным, находясь под пристальным контролем органов правопорядка. При этом растет число административных правонарушений граждан КНР, среди которых наибольший удельный вес имеют нарушения правил въезда или режима пребывания (проживания) на территории Российской Федерации.

Наличие сопутствующих нелегальной китайской миграции явлений на территории Забайкальского края позволяет сделать вывод о том, что определенная часть экономических и миграционных процессов на приграничной с Китаем территории продолжают сохранять теневой характер, что несет за собой ряд экономических последствий и, прежде всего, ущерб для бюджетов всех уровней из-за потери налогов. При этом сами нелегалы являются средством эксплуатации и обмана. Обозначенная проблема имеет и другую сторону — заинтересованность в теневом бизнесе, в первую очередь, самих российских коммерсантов и других лиц, которые «продают свой лес за бесценок, берут взятки на таможне и пропускают

незадекларированный товар, закрывают глаза на нарушения паспортного режима» [85, с. 49].

Решение проблем незаконной миграции видится в более активном межгосударственном сотрудничестве Китая и России. Противодействие нелегальной миграции сегодня — решаемый вопрос, поскольку созданы двусторонние механизмы открытого обсуждения и решения этой проблемы, которые зафиксированы в двусторонних документах самого высокого уровня. Правительство КНР постоянно заявляет о том, что оно «последовательно выступает против незаконной миграции и не позволяет китайским гражданам заниматься делами, наносящими вред добрососедским дружеским отношениям Китая и России» [204]. Примечательно в данном контексте мнение академика М. Л. Титаренко о том, что имеющая место незаконная миграция китайских граждан на территорию России является не политикой китайской стороны, а показателем слабости местных властей пограничных районов России с Китаем, свидетельством отсутствия реального законодательства, регламентирующего пребывание иностранных граждан и их трудовую деятельность на территории России. Добавить к этому нечего.

Позитивную роль для нормативного обмена людьми между двумя государствами сыграли заключенные между правительством Китайской Народной Республики и правительством Российской Федерации в Москве в феврале 2000 г. соглашения о взаимных поездках граждан и о безвизовых групповых поездках. В соответствии с двусторонним соглашением о временной трудовой деятельности (Пекин, 3 ноября 2000 г.) был установлен дифференцированный статус различных категорий трудящихся иммигрантов. Это способствовало приданию трудовой деятельности российских и китайских граждан на территории друг друга вполне цивилизованного правового характера, обеспечило защиту прав иммигрантов и одновременно позволило контролировать рост трудовой иммиграции в стране. В Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР от 2001 г. записано: «Договаривающиеся стороны сотрудничают в борьбе с нелегальной миграцией, в том числе с незаконным перемещением физических лиц

через свои территории» [18]. С 2006 г. успешно работает Совместная рабочая группа по вопросам миграции. О том, что сотрудничество в сфере миграции активно развивается, было заявлено и в Совместной декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики 2007 г.

Важнейшим направлением в профилактике и пресечении правонарушений миграционного законодательства является взаимодействие с правоохранительными органами Китайской Народной Республики. Плодотворная совместная работа с представителями КНР в 90-е годы явилась удачным примером реализации на практике одной из составляющих миграционного контроля, а именно — организации сотрудничества с пограничными службами сопредельных стран в области контроля миграционного движения. У некоторых китайских туристов в те годы появилось оригинальное «хобби» — терять паспорта (чтобы нельзя было проследить сроки пребывания в России). Отправлять их в Хабаровск, в Генконсульство КНР, за новыми документами не было средств. Тогда удалось договориться с китайскими пограничниками в Маньчжурии, и они стали принимать своих сограждан без документов.

Сотрудничество по вопросам взаимного обмена информацией и сотрудничества в служебной сфере между УВД и УФМС по Забайкальскому краю и международным отделом Департамента полиции общественной безопасности города Маньчжурия и города Хух-Хото (АРВМ) продолжается. Результатом каждой встречи является подписание протокола о сотрудничестве и взаимодействии, определяются новые методы совместных действий по искоренению межнациональной преступности в сферах незаконного оборота наркотиков, оружия, незаконного пересечения государственной границы, пресечению фактов терроризма и экстремизма.

* * *

Проведенное исследование показало, что миграционные процессы, происходящие в Азиатско-Тихоокеанской миграционной системе, являются важнейшей характеристикой социально-экономического развития всего региона. Они имеют неоднородный

характер, и, следовательно, оказывают неоднозначное влияние на изменение состава и численности миграционных потоков региона. В перспективе миграционное давление внутри региона будет увеличиваться, а использование международной миграции в качестве эффективного инструмента внутренней политики поможет смягчить острые проблемы, возникающие в результате демографического дисбаланса в обществе.

Демографический регресс в Забайкальском крае является косвенной предпосылкой притока китайского населения на территорию региона, поскольку сравнение демографических потенциалов территории Забайкалья и сопредельных с ней китайских территорий не выявило признаков замещения сокращающегося местного населения китайскими мигрантами. Более того, китайцы не демонстрируют явного стремления к официальному закреплению на территории Забайкальского края. Тем не менее, рост постоянного китайского населения наблюдается, хотя и носит замедленный и незначительный характер.

Китайские мигранты представляют собой специфическую форму движения рабочей силы, потенциал которой является важным взаимовыгодным ресурсом экономического развития обеих стран. Использование этого ресурса должно способствовать, прежде всего, развитию забайкальского приграничного экономического пояса и его дальнейшей интеграции в экономику СВА.

Влияние современной китайской миграции на социально-экономическое развитие Забайкальского края многопланово:

- 1) демографический и трудовой дисбаланс в регионе привел к определенной зависимости отдельных отраслей экономики края от импорта рабочей силы;

- 2) с 2000 г. динамика привлечения иностранной рабочей силы из КНР в Забайкальский край определялась ростом экономики и активизацией малого бизнеса, с 2008 г. масштабы привлечения китайского труда уменьшаются, что объясняется резким сокращением объемов строительства и экспорта древесины в результате последствий мирового финансово-экономического кризиса;

3) доля китайской рабочей силы и ее вклад в экономику края не значителен, конкуренции на рынке труда между китайскими рабочими и российскими гражданами не наблюдается, поскольку мигранты, дополняя местные трудовые ресурсы, занимают непривлекательные рабочие места, тем самым позволяя местному населению заниматься более высокооплачиваемым трудом; несмотря на это, более интенсивное привлечение иностранной рабочей силы могло бы способствовать социально-экономическому развитию региона в целом;

4) некоторые признаки ксенофобии и национализма в отношении китайского населения в Забайкальском крае все же присутствуют. Косвенным подтверждением этого тезиса служат данные социологического опроса, проведенного в г. Чите и п. Забайкальск. На вопросы о возможности в будущем захвата российских территорий Китаем и о враждебном отношении друг к другу, 75,5 % опрошенных жителей КНР считает, что такая возможность исключена. Среди русского населения 64,2 % считает китайцев друзьями, а 11,9 %, — скорее, друзьями, чем врагами. Российские жители п. Забайкальск в отношении Китая настроены не столь благодушно. Большая часть опрошенных полагает, что «если власти пустят ситуацию на самотек, захват может произойти» (57,7 %), «это реально, и к этому все идет» (28,5 %). Лишь небольшая часть русского населения в Забайкальске (5,9 %) рассматривает китайцев как друзей. Считают, что китаец, скорее, друг, чем враг — 19,8 % в Забайкальске и 25 % в Чите. Значительная часть опрошенных — 25,0 % в Забайкальске и 23,3 % в Чите считают, что китаец, скорее, враг, чем друг, а 7,4 и 7,3 % опрошенных в Чите в Забайкальске соответственно прямо относят его к категории врага. Организаторы опроса полагают, что такие суждения вызваны поверхностным знанием населения о Китае, незнанием китайских традиций и культуры, постоянным присутствием в российских средствах массовой информации рассуждений о китайской угрозе и сравнением результатов экономических реформ у себя в регионе и на сопредельной китайской территории, которые оказываются не в пользу российской модели реформ [103, с.126].

На наш взгляд, такое отношение к китайским мигрантам обусловлено их участием (пусть даже и небольшого их числа) в разного рода преступной деятельности, от административных и экономических до уголовных преступлений, что имеет непосредственное отношение к нелегальной миграции.

Потенциал миграций между двумя странами огромен и его реализация зависит от того, как будет проходить сотрудничество в этой сфере. Нужна грамотная миграционная политика с широким набором методов, включающих различные варианты легализации, региональные программы миграционных отношений с продуманными региональными приоритетами в использовании иностранной рабочей силы по отраслям, квалификации и образованию, а также заключение международных соглашений по упрощению приграничной торговли, облегчению гуманитарных, культурных, бытовых и иных контактов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Формирование устойчивой взаимозависимости государств на основе их миграционного взаимодействия является неотъемлемой характеристикой современного мира. Эффективным элементом самого интеграционного механизма становится международная миграция, оказывающая далеко неоднозначное социально-экономическое, демографическое и политическое воздействие.

Анализ миграционных процессов в контексте их региональных особенностей и тенденций на территории Забайкальского края в первом десятилетии XXI в. свидетельствует о том, что проблемы миграции в особенно удаленных от федерального центра регионах более чем актуальны.

В условиях трансграничья Забайкальский край до сих пор представляет собой невостребованный интегрирующий потенциал в системе экономических и пространственных связей Азии и Европы, тогда как он мог бы способствовать быстрой оптимизации регионального развития приграничных территорий и более эффективному достижению общей цели двустороннего сотрудничества между Россией и Китаем.

Исследование показало, что миграционное взаимодействие России и Китая на примере Забайкальского края все же развивается, хотя и не столь динамично. Оно определяется тремя факторами, имеющими непосредственное отношение к миграционным процессам: демографическим, экономическим и пограничным. Миграционные потоки в регионе формировались и продолжают формироваться под воздействием различия в уровнях экономического развития приграничных регионов и структуры спроса на труд иностранных рабочих в определенных отраслях экономики. Региональные демографические тенденции развития как Забайкальского края (массовый отток населения), так и Китая (избыточные трудовые ресурсы), позволяют говорить о придании первому

статуса потенциального реципиента мигрантов, а второму — потенциального донора. Наконец, наличие общей границы актуализирует миграционную взаимозависимость приграничных территорий, поскольку благополучие определенных слоев населения с той и другой стороны зависит от поездок за границу.

Анализ региональных особенностей «новой» китайской миграции на территории Забайкалья позволил сделать вывод о том, что общий (комплексный) эффект миграции для социально-экономического развития края значительно выше ее негативных (неоднозначный характер) последствий. Влияние китайской миграции находит свое как позитивное, так и негативное выражение в следующих областях:

Влияние в сфере экономики: а) масштабное привлечение китайских рабочих-мигрантов в Забайкальском крае заметно оживило строительную отрасль, производство сельскохозяйственной продукции и товаров народного потребления, а также способствовало развитию экспортных отраслей (лес, металл); б) довольно успешно развивается местный бизнес, несмотря на ориентацию на китайский рынок; в) привлечение трудовых мигрантов способствует восполнению и дополнению трудонедостаточного рынка рабочей силы в крае; г) развивается сфера туризма и сервиса.

Вместе с тем в регионе очевидна зависимость от импорта из Китая продовольственных товаров, сельскохозяйственного сырья и машиностроительной продукции, а также зависимость отдельных отраслей экономики или трудовой деятельности от импорта рабочей силы. В то же время потенциал китайской трудовой миграции является важным ресурсом экономического развития обеих стран, альтернативы которому нет. При этом важно отметить, что китайская трудовая миграция имеет более широкие перспективы дальнейшего развития в Забайкальском крае по сравнению с аналогичной миграцией из стран СНГ, что обусловлено отдаленностью постсоветского пространства от восточных регионов России, более низким качеством рабочей силы и более высокой криминальной составляющей.

Влияние на население: а) бизнес-мигранты способствуют созданию рабочих мест на территории края; б) товары народного

потребления из Китая продолжают играть важную роль в поддержании жизненного уровня россиян низкого и среднего достатка; в) расширяется гуманитарное и культурное сотрудничество приграничных территорий, которое способствует повышению образовательного уровня и знаний забайкальцев о своем великом соседе.

Наряду с этим представления о якобы присутствующей на рынке труда конкуренции между китайскими рабочими и российскими гражданами, а также влиянии китайской миграции на рост безработицы местного населения необоснованны. Скорее всего, речь следует вести о конкуренции между российскими и китайскими мелкими предпринимателями.

Развитие Забайкальского края и сопредельных с ним территорий Китая «миграционно обусловлено» — это объективная реальность. Но эта взаимозависимость носит асимметричный характер.

Для Китая экспорт трудовых ресурсов — это возможность ослабить демографическое давление и смягчить проблемы социальной напряженности внутри страны, не говоря уже об экономической помощи от соотечественников. Кстати сказать, эта помощь принимается в любом виде (капитал, технологии, предпринимательский опыт, закупка сырья, деловые контакты и так далее). На модернизацию страны работает даже то незначительное, по сравнению с другими странами приема, количество китайских мигрантов, которое находится в Забайкалье. Что касается Забайкалья, то происходящие здесь межстрановые приграничные миграционные перемещения следует рассматривать как инструмент региональной внешнеэкономической политики для реализации долгосрочных национальных интересов России в АТР, в т. ч. в интересах поднятия экономики Забайкальского края.

Анализ демографической ситуации в Забайкальском крае свидетельствует о том, что численность трудоспособного населения неуклонно снижается. Но параллельно снижается и приток китайских мигрантов, что обусловлено последствиями финансово-экономического кризиса и слабой миграционной привлекательностью региона. Эти процессы являются сдерживающим фактором

развития основных действующих отраслей экономики, а следовательно, могут привести к дальнейшей стагнации развития края в целом и невозможности интеграции Забайкальской индустриальной зоны в АТР.

Разумное использование миграционного ресурса должно, в первую очередь, способствовать реализации инвестиционных проектов и развитию инфраструктуры в рамках заявленных правительством РФ программ социально-экономического развития Дальнего Востока и Забайкалья, которые тесно связаны с решением проблем внешней и внутренней миграции населения.

Как показало исследование, массового наплыва китайских переселенцев на территорию Забайкальского края не наблюдается. На территории нашего края нет ни одного поселения, которое бы занимали граждане Китая. Мигранты проживают в разных городах, а рабочие, занятые в строительстве, на лесозаготовках и в сельском хозяйстве, живут прямо на строительных площадках, лесных делянках и в деревнях. Учитывая, что основной целью въезда китайских граждан на территорию Забайкальского края является трудовая деятельность, говорить о перспективах их ассимиляции не представляется возможным. Можно говорить только об их интеграции в принимающее общество или о сосуществовании культур.

Интерес представляет другое явление. В последнее время в Забайкальском крае наблюдается существенное увеличение граждан КНР, обратившихся с заявлениями о получении разрешений на временное проживание (по данным УФМС). Совершенно очевидно, что этот статус необходим китайцам для того, чтобы более длительное время осуществлять на территории Российской Федерации трудовую деятельность вне пределов, устанавливаемых квотой на оформление разрешений на работу. Сегодня эта квота устанавливается на календарный год в абсолютных величинах для Российской Федерации в целом и отдельно для каждого субъекта Российской Федерации для всех иностранных граждан в целом [14]. Более целесообразным было бы разделение квоты на выдачу иностранным гражданам разрешений на временное проживание на

две группы: первая группа — иностранные граждане, въезжающие на территорию Российской Федерации в порядке, не требующем получения визы, и вторая группа — иностранные граждане, въезжающие в визовом порядке.

Такое разграничение позволило бы субъектам Российской Федерации более продуктивно в зависимости от миграционной и демографической ситуации в конкретном регионе определять потребности выделения квот на выдачу разрешений на временное проживание лицам, более склонным к дальнейшей ассимиляции, что способствовало бы более эффективному определению пропорций привлечения иммигрантов на временной и постоянной основе.

Одной из отличительных особенностей современной китайской миграции на территории Забайкальского края является условный характер классификации ее видов по причине трансформации одних видов мигрантов в другие даже без их пространственного перемещения. Одним из самых распространенных видов нарушений является несоответствие трудовой деятельности мигрантов заявленным ранее целям прибытия. Для этого китайские граждане используют туристические каналы и коммерческие или служебные визы, что позволяет им достаточно часто пересекать границу и значительную часть времени оставаться на российской территории, занимаясь нелегальной трудовой деятельностью. Один аспект этой проблемы связан со сложностью законного способа получения рабочей визы, оформление которой занимает около пяти месяцев, в то время как другие визы оформляются в течение месяца и стоят дешевле.

Другой аспект связан с началом работы Единого портала государственных и муниципальных услуг (с 1 марта 2010 г.), через который иностранные граждане имеют возможность обратиться в территориальные органы ФМС России с заявлением на получение разрешения на временное проживание. Мы считаем, что оказание государственной услуги в электронном виде не позволяет выявить истинные цели получения разрешения на временное проживание гражданами КНР, что успешно удавалось в ходе личного собеседования с гражданами КНР. В связи с этим для более

эффективного осуществления контроля за пребыванием иностранных граждан на российской территории следовало бы ограничить возможность получения вышеуказанной государственной услуги (в пределах квоты) иностранными гражданами, прибывающими из стран миграционного риска, к коим по классификации Консульского Департамента МИД относится и Китай.

Актуальными для края остаются проблемы борьбы с нелегальной миграцией, потенциальными источниками которой являются нарушение режима пребывания и занятие незаконной трудовой деятельностью, при этом основным каналом въезда для нелегальной занятости в Забайкалье стал туризм. Что касается китайского бизнеса, то он сохраняет теневой характер, который является продолжением теневой части российской экономики [53, с. 420].

Противодействие нелегальной миграции сегодня — решаемый вопрос, поскольку на сопредельных территориях довольно успешно действуют двусторонние механизмы открытого обсуждения и решения этой проблемы не только на межгосударственном, но и на региональном уровне. Важным звеном в цепочке миграционной взаимообусловленности является содействие КНР в регулировании таких аспектов китайской миграции как легализация, контроль и оказание желаемого влияния на этнические общины и т. п. Совместные усилия России и Китая по урегулированию нелегальной миграции и стимулирование притока мигрантов на законных основаниях будет только способствовать увеличению общего социально-экономического эффекта от миграции.

Миграционная и экономическая взаимозависимость сопредельных территорий должна стать эффективным инструментом развития трансграничных миграций в регионе, что в полной мере обусловлено вытесняющим характером миграционных процессов в Китае и проблемой трудоустройства экономики Забайкальского края. На наш взгляд, переход к интенсивным двусторонним и ориентированным на интеграцию стратегиям позволит в полной мере использовать миграционный ресурс и миграционное взаимодействие двух государств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Законодательно-нормативные материалы

1. Федеральный закон РФ № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» от 15 августа 1996 г. (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1996. № 34. Ст. 4029.
2. Федеральный закон РФ № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2002. № 22. Ст. 2031.
3. Федеральный закон РФ № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25 июля 2002 г. (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.
4. Федеральный закон РФ № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» от 18 июля 2006 г. (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 2006. № 30. Ст. 3285.
5. Федеральный закон РФ № 4528-1 «О беженцах» от 19 февраля 1993 года (в ред. от 28.06.1997 № 95-ФЗ) // СЗ РФ. 2008. № 30. Ст. 3616.
6. Федеральный закон РФ № 4530-1 «О вынужденных переселенцах» от 19 февраля 1993 года (в ред. от 20.12.1995 № 202-ФЗ) // СЗ РФ. 1995. № 52. Ст. 5110.
7. Указ Президента Российской Федерации «О мерах по введению иммиграционного контроля» от 16 декабря 1993 г. № 2145 // Собр. актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1993. № 51. Ст. 4933.
8. Указ Президента Российской Федерации «О привлечении и использовании в Российской Федерации иностранной рабочей силы» от 16 декабря 1993 г. № 2146 // Российская газета. 30.12.1993. № 240.
9. Постановление Правительства РФ «Об утверждении федеральной целевой программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года» от 15 апреля 1996 г. № 480 (с изм. и доп.) // СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 2007.
10. Постановление Правительства РФ «О квотах на выдачу иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешений на временное

- проживание в Российской Федерации» от 1 ноября 2002 г. № 790 // Российская газета. 13.10.2002. № 215.
11. Постановление Правительства РФ «О порядке определения исполнительными органами государственной власти потребности в привлечении иностранных работников и формирования квот на осуществление иностранными гражданами трудовой деятельности в Российской Федерации» от 22 декабря 2006 г. № 783 (с изм.) // СЗ РФ. 2007. № 1(2-я ч.). Ст. 247.
  12. Распоряжение Правительства РФ «О концепции регулирования миграционных процессов в Российской Федерации» от 1 марта 2003 г. № 256-р // СЗ РФ. 2003. № 10. Ст. 923.
  13. Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» от 28 декабря 2009 г. № 2094-р // СЗ РФ. 2010. № 4. Ст. 421.
  14. Правила определения квоты на выдачу иностранным гражданам разрешений на временное проживание в Российской Федерации: утв. постановлением Правительства РФ от 4 апреля 2003 № 193 (в ред. постановления Правительства РФ от 28.03.2008 № 220). URL: <http://base.garant.ru/184755/1/> (дата обращения: 9.06.10).
  15. Постановление Правительства Забайкальского края «Об утверждении краевой долгосрочной целевой программы «Улучшение демографической ситуации в Забайкальском крае (2009–2015 гг.)» от 7 июля 2009 г. № 265 // Азия-Экспресс. 2009. № 33.
  16. Постановление Правительства Забайкальского края «Об утверждении программы Забайкальского края по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на 2010–2012 годы» от 7 апреля 2010 г. № 136 // Азия-Экспресс. 2010. № 27/1.
  17. Постановление Главы Администрации Читинской области «О порядке привлечения и использования в Читинской области иностранной рабочей силы» от 19 января 1994 г. № 22. URL: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=261035> (дата обращения: 13.02.10).
  18. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией. (Москва, 16 июля 2001 г.) // Российская газета. 17.07.2001. № 2746.
  19. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о международном

- автомобильном сообщении (Пекин, 18 декабря 1992 г.) // Сборник российско-китайских договоров. 1949–1999 гг. М.: Терра-Спорт, 1999. С. 171–176.
20. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о безвизовых групповых туристических поездках (Москва, 29 февраля 2000 г.) // Бюллетень международных договоров. 2001. № 5. С. 40–44.
  21. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о взаимных поездках граждан (Москва, 29 февраля 2000 г.) // Бюллетень международных договоров. 2001. № 8. С. 78–84.
  22. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о временной трудовой деятельности граждан Российской Федерации в Китайской Народной Республике и граждан Китайской Народной Республики в Российской Федерации (Пекин, 3 ноября 2000 г.) // Бюллетень международных договоров. 2001. № 7. С. 43–48.
  23. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики на 2009–2018 годы (утв. 23 сентября 2009 г. главами Китая и России) / Мин-во регионального развития РФ; Мин-во иностранных дел РФ; Государственный комитет КНР по развитию и реформе; Мин-во иностранных дел КНР. [Б. м.], 2009.
  24. Международная Конвенция защиты прав всех рабочих-мигрантов и членов их семей. Принята резолюцией 45/158 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1990 года.

Монографии и сборники

25. *Билсбороу Р. Е.* Статистика международной миграции: Рекомендации по совершенствованию систем сбора данных / Р. Е. Билсбороу, Г. Хьюго, А. С. Обераи, Х. Злотник. М.: Международное Бюро труда: Academia, 1999. 316 с.
26. *Беззубцев-Кондаков А.* Надо ли России бояться Китая? / А. Беззубцев-Кондаков, И. Дроканов. СПб.: Питер, 2011. 240 с.
27. *Богатуров А. Д.* Великие державы на Тихом океане: история и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995) / А. Д. Богатуров. М.: Московский общественный научный фонд, 1997. 352 с.

28. «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации : научно-образовательный комплекс / В. Я. Белокре-
ницкий и др. ; рук. авт. колл. А. Д. Воскресенский ; под общ. ред.
А. Д. Воскресенского; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т)
МИД России. М. : МГИМО-Университет, 2010. 444 с.
29. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном
мире / И. Валлерстайн ; под общ. ред. Б. Ю. Кагарлицкого; пер с англ.
П. М. Кудюкина. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.
30. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI века [пер.
с англ.] / И. Валлерстайн ; под ред. Б. Л. Иноземцева. Центр исследо-
ваний постиндустриального общества. М. : Логос, 2003. 368 с.
31. *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ: Введение / И. Валлер-
стайн ; пер. Н. Тюкиной. М. : Издательский дом «Территория буду-
щего», 2006. 248 с.
32. *Вишняков Е. В.* Развитие российско-китайского межрегионального
инвестиционного сотрудничества // Доклад заместителя губернатора
Забайкальского края Вишнякова Е. В. Чита, 2008. 15 с.
33. *Гельбрас В. Г.* Китайская реальность России / В. Г. Гельбрас. М. : ИД
«Муравей», 2001. 320 с.
34. *Гельбрас В. Г.* Россия в условиях глобальной китайской миграции /
В. Г. Гельбрас. М. : ИД «Муравей», 2004. 203 с.
35. *Глуценко Г. И.* Миграция и развитие / Г. И. Глуценко, В. А. Понома-
рев. М. : ЗАО Изд-во « Экономика», 2009. 454 с.
36. Государства Азиатско-Тихоокеанского региона: новые вызовы без-
опасности ; ред. колл.: Ю. Е. Фомин, Е. В. Бажанов и др. М. : Науч-
ная книга, 2002. 152 с.
37. *Денисенко М. Б.* Миграциология / М. Б. Денисенко, В. А. Ионцев,
Б. С. Хорев. М. : Изд-во МГУ, 1989. 96 с.
38. *Ефимов Ю. Г.* Миграция в современном политическом процессе:
автореф. дис. ... д. полит. н.: 23.00.02. Ставрополь , 2007. 41 с.
39. Забайкалье — КНР. Приграничные и межрегиональные отношения.
1945–2007; под ред. Н. В. Гордеева. Чита : Экспресс-издательство,
2009. 232 с.
40. Забайкальский край в трансграничном взаимодействии с КНР (реги-
ональное сотрудничество); под общ. ред. Н. А. Абрамовой. Чита :
Экспресс-издательство, 2010. 272 с.
41. *Забияко А. П.* Русские и китайцы: этномиграционные процессы на
Дальнем Востоке / А. П. Забияко, Р. А. Кобызов, Л. А. Панкратова ;

- под ред. А. П. Забияко. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. 412 с.
42. *Ивахнюк И. В.* Евразийская миграционная система: теория и политика / И. В. Ивахнюк. М. : МАКС Пресс, 2008. 192 с.
  43. *Ивахнюк И. В.* Международная трудовая миграция / И. В. Ивахнюк. М. : Экономический факультет МГУ, ТВИС, 2005. 286 с.
  44. *Ионцев В. А.* Международная миграция населения: теория и история изучения / В. А. Ионцев. М. : Мир, 1999. 311 с. (Международная миграция населения: Россия и современный мир. Вып. 4).
  45. *Ионцев В. А.* Миграция населения / В. А. Ионцев. Вып. 3: Международная миграция. М., 2001. 112 с. (Приложение к журн. «Миграция в России»).
  46. *Кононов Л. А.* Миграционная политика России: проблемы и пути решения / Л. А. Кононов // Аналитические обзоры Института научных исследований и информации Российской Академии Государственной Службы при Президенте Российской Федерации: периодическое издание (открытая серия). № 4 (14). 2010. М. : Изд-во РАГС, 2010.
  47. *Константинов А. В.* Забайкалье: ступени истории (1917–1922 годы) / А. В. Константинов, Н. Н. Константинова ; РАН СО. Институт природных ресурсов, экологии и криологии. Мин-во образования и науки РФ, ФА по образованию, ЗабГГПУ им. Н. Г. Чернышевского, ЗО Русского географического общества. Чита : Экспресс-издательство, 2009. 192 с.
  48. *Константинов А. В.* История Забайкалья (с древнейших времен до 1917 г.) / А. В. Константинов, Н. Н. Константинова. Чита, 2002. 248 с.
  49. *Красинец Е. С.* Международная миграция населения в России в условиях перехода к рынку / Е. С. Красинец. М. : Наука, 1997. 192 с.
  50. *Кузык Б. Н.* Китай — Россия 2050: стратегия развития / Б. Н. Кузык, М. Л. Титаренко. М. : ИНЭС, 2006. 656 с.
  51. *Ларин А. Г.* В тени проснувшегося дракона: Российско-китайские отношения на рубеже XX — XXI веков / В. Л. Ларин. Владивосток: Дальнаука, 2006. 424 с.
  52. *Ларин А. Г.* Китай и зарубежные китайцы / А. Г. Ларин. Москва: [б. и.], 2008. 94 с. (Экспресс-информация / Российская акад. наук, Ин-т Дальнего Востока, Центр науч. информ. и документации № 2 (147)).

53. *Ларин А. Г.* Китайские мигранты в России. История и современность / А. Г. Ларин. М. : Восточная книга, 2009. 512 с.
54. *Ларин В. Л.* Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк / А. Г. Ларин. М. : Муравей, 2003.
55. *Ларин В. Л.* Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX — начало XXI вв.) / В. Л. Ларин. М. : Восток–Запад, 2005. 390 с.
56. *Лузянин С. Г.* Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008) / С. Г. Лузянин. М. : АСТ: Восток–Запад, 2007. 447 с.
57. *Лукин А. В.* Медведь наблюдает за драконом: образ Китая в России в XVII–XXI веках / А. В. Лукин. М. : Восток–Запад: АСТ, 2007. 598 с.
58. *Максаковский В. П.* Географическая картина мира / В. П. Максаковский. Кн. 1. М. : Дрофа, 2008. 495 с.
59. Международная миграция населения: Россия и современный мир : сб. статей / гл. ред. В. А. Ионцев. Вып. 17. М. : ТЕИС, 2006. 128 с.
60. Международные отношения и внешнеполитическая деятельность России : монография ; под общ. ред. С. А. Проскурина. М. : МПСИ, 2004. 592 с.
61. Международная миграция: Каир + 10 ; гл. ред. В. А. Ионцев. М. : МАКС Пресс, 2004. 192 с. (Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир. Вып. 12).
62. Методология и методы изучения миграционных процессов: междисциплинарное учебное пособие / Центр миграционных исслед. при содействии Программы поддержки высш. образования Ин-та Открытое Об-во (Hesr Osi) и Бюро ЮНЕСКО в Москве ; под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. М. : Адамант: Центр миграционных исслед., 2007. 369 с.
63. Миграция в современной России: состояние, проблемы, тенденции : сб. науч. ст. ; под общ. ред. К. О. Ромодановского, М. Л. Тюркина. М. : ФМС России, 2009. 319 с.
64. Миграция и безопасность в России / под ред. Г. Витковской и С. Панарина // Моск. центр Карнеги. М. : Интердиалект, 2000. 341 с.
65. Миграция и развитие: Доклады и статьи ведущих секций и докладчиков международной конференции «Миграция и развитие», Москва, 13–15 сентября 2007 г. : сб. статей / гл. ред. В. А. Ионцев. М. : Би Эль Принт, 2007. 255 с. (Науч. серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир. Вып. 20).

66. Миграция населения. Вып. 1: Теория и практика исследования / Рыбаковский Л. Л., Ионцев В. А., Карачурина Л. Б. и др. ; под общ. ред. О. Д. Воробьевой ; Мин-во по делам федерации, нац. и миграц. политики РФ. М., 2001. 176 с. (Прилож. к журн. «Миграция в России»).
67. Миграция населения. Вып. 2: Трудовая миграция в России / Зайончковская Ж. А., Бадыштова И. М., Иванова Т. Д. и др. ; под общ. ред. О. Д. Воробьевой ; Мин-во по делам федерации, нац. и миграц. политики РФ. М., 2001. 191 с. (Прилож. к журн. «Миграция в России»).
68. Миграция населения. Вып. 6: Миграционная политика ; под общ. ред. О. Д. Воробьевой. М., 2001. 175 с. (Прилож. к журн. «Миграция в России»).
69. Мир в зеркале международной миграции : сб. статей ; гл. ред. В. А. Ионцев. М. : МАКС Пресс, 2002. 408 с.
70. Многосторонние основы МОТ по вопросам миграции рабочей силы. Необязательные в правовом отношении нормы и руководящие принципы подхода к миграции рабочей силы, основанного на соблюдении прав человека // Международное бюро труда, 2008. 84 с.
71. Моденов В. А. Россия и миграция. История, реальность, перспективы / В. А. Моденов, А. Г. Носов. М. : Прометей, 2002. 328 с.
72. Мукомель В. И. Миграционная политика России. Постсоветские контексты / В. И. Мукомель // Ин-т социологии РАН. М. : Диполь-Т, 2005. 350 с.
73. Новые тенденции в международных отношениях в Азии ; отв. ред. А. М. Хазанов. М., 2002. 241 с.
74. Основы миграционной политики ; под общ. ред. И. Н. Барцица. М. : Изд-во РАГС, 2008. 228 с.
75. Переведенцев В. И. Методы изучения миграции населения / В. И. Переведенцев. М. : Статистика, 1975. 79 с.
76. Пистрякова С. А. Проблемы иммиграции: толерантность против ксенофобии и дискриминации / С. А. Пистрякова. М. : Academia, 2008. 64 с.
77. Портяков В. Я. От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI века : очерки / В. Я. Портяков. М. : Ин-т Дальн. Востока РАН, 2006. 247 с.
78. Приграничное сотрудничество: Россия, Китай, Монголия : сб. докладов междунар. науч.-практ. конф. / Мин-во международного сотрудничества, внешнеэкономических связей и туризма Забайкальского края. Чита : Экспресс-издательство, 2009. 296 с.

79. Приграничные и межрегиональные отношения. 1945–2007 ; под ред. Н. В. Гордеева. Чита : Экспресс-издательство, 2009. 232 с.
80. Проблемы внешней регионализации КНР и трансграничное сотрудничество (на примере Забайкальского края) : материалы междунар. науч.-практ. конф. «Приграничное сотрудничество: Россия — Китай — Монголия» (21–22 октября 2009 г.). Чита : ЧитГУ, 2009. 191 с.
81. *Регент Т. М.* Миграция в России: проблемы государственного управления / Т. М. Регент. М. : Изд-во ИСЭПН, 1999. 361 с.
82. Региональное измерение трансграничной миграции в Россию ; науч. ред. С. В. Голунов. М. : Аспект Пресс, 2008. 351 с.
83. Россия в глобальном мире : сб. статей ; под ред. В. А. Михайлова. М. : Изд-во РАГС, 2006. 217 с.
84. Россия и АТР. Безопасность, сотрудничество, развитие ; отв. ред. А. В. Болятко. М., 2002. 205 с.
85. Российско-китайское сотрудничество: проблемы и решения : материалы Всерос. науч.-практ. конф., МГИМО(У) МИД РФ, г. Москва 21–22 декабря 2006 г. / колл. авт. Научно-координационный совет по международным исследованиям МГИМО(У) МИД РФ ; колл. авт. Московский государственный институт международных отношений (университет). Центр исследований Восточной Азии и ШОС; под ред. А. В. Лукина. М. : МГИМО (У), 2007. 203 с.
86. Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Мост через Амур : сб. материалов междунар. науч. конф.; под ред. А. П. Забияко. Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та. 2001. Вып. 7. 2006. 456 с.
87. *Рыбаковский Л. Л.* Миграции населения (вопросы теории) / Л. Л. Рыбаковский. М. : ИСПИ РАН, 2003. 239 с.
88. *Рыбаковский Л. Л.* Миграция населения: стадии миграционного процесса : очерки теории и методов исследования / Л. Л. Рыбаковский. М., 2003. 217 с.
89. *Рязанцев С.* Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции / С. Рязанцев. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. 162 с.
90. Современные глобальные проблемы ; отв. ред. В. Г. Барановский, А. Д. Богатуров. М. : Аспект Пресс, 2010. 350 с.
91. *Титаренко М. Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии / М. Л. Титаренко. М. : Памятники исторической мысли, 2008. 624 с.

92. *Титаренко М. Л.* Россия лицом к Азии / М. Л. Титаренко // Ин-т Дальнего Востока РАН. М. : Республика, 1998. 320 с.
93. *Тишков В. А.* Этнология и политика / В. А. Тишков. М. : Наука, 2003. 458 с.
94. Транзитная миграция и транзитные страны: теория, практика и политика регулирования ; под ред. И. Молодиковой, Ф. Дювеля. М. : Университетская книга, 2009. 392 с.
95. *Тюркин М. Л.* Совершенствование концептуально-правовых основ миграционной системы России / М. Л. Тюркин. М. : ВНИИ МВД России, 2004. 117 с.
96. Усиление роли Китая в начале XXI века в контексте региональной безопасности : сб. информ.-справ. материалов № 1 / СибВО. Чита, 2008. 74 с.
97. *Ушкалов И. Г.* Человек в международном сотрудничестве: тенденции 80-х годов / И. Г. Ушкалов ; отв. ред. Власкин Г. А. ; АН СССР, Ин-т экономики мировой соц. системы. М. : Наука, 1990. 80 с.
98. *Хомра А. У.* Миграция населения: вопросы теории, методики исследования / А. У. Хомра. Киев: Днепр, 1979. 212 с.
99. *Хорев Б. С.* Проблемы изучения миграции населения / Б. С. Хорев, В. М. Чапек. М. : Статистика, 1978. 211 с.
100. *Юдина Т. Н.* Миграция: словарь основных терминов / Т. Н. Юдина. М. : Изд-во РГСУ; Академический Проект, 2007. 472 с.
101. *Юдина Т. Н.* Социология миграции / Т. Н. Юдина. М. : Академический Проект, 2006. 272 с.

Статьи в сборниках и периодических изданиях

102. *Азеева Л.* Ресурсы и экономика: интервью с руководителем Государственной службы занятости населения Забайкальского края Л. Азеевой // Деловое Забайкалье. 2008–2009. № 10–11 (30–31). С. 18.
103. *Алагуева Т.* Образ россиян в глазах китайцев и образ китайцев в глазах россиян на сопредельной территории / Алагуева Т., Васильева К., Островский А. // Проблемы Дальнего Востока. 2007. № 4. С. 126–134.
104. *Аранго Х.* Объяснение миграции : критический обзор / Х. Аранго // Междунар. журнал социальных наук. 2001. № 32. С. 44–59.
105. *Баженова Е. С.* Россия — Китай: демографические аспекты. Проблемы национальной безопасности / Е. С. Баженова // VII Всероссийская научно-практическая конференция «Россия — Китай:

- проблемы обеспечения национальной и международной безопасности». Чита: ЧитГУ, 2009. С. 120–124.
106. Барциц И. Н. О перспективах научных исследований миграционной политики Российской Федерации / И. Н. Барциц // Государственная служба. 2007. № 6. С. 48–55.
  107. Белозеров В. Приграничное сотрудничество / В. Белозеров // Забайкалье: наука, культура, жизнь. Чита, 2007. № 1. С. 42–53.
  108. Буховец О. Г. Россия: опасность утраты Сибири и Дальнего Востока в свете демографии и геополитики / О. Г. Буховец // Белорусский эконом. журн. 2006. № 4. С. 38–49.
  109. В китайском Суйфэньхе закрываются фабрики, работающие на древесине из России // Лесная газета. 2009. № 35 (9985).
  110. Вильямсон Дж. Международная миграция (с XIX в. по 2030 г.) / Дж. Вильямсон // Россия и современный мир. 2008. № 1. С. 245–248 ; реф. ст.: Williamson J. Les migrations nationales: Du XIX siecle a 2030 // Problemes econ. 2007. № 2914. P. 2–7.
  111. Витковская Г. «Китайское вторжение» в Сибирь и на Дальний Восток: миф о «желтой угрозе» и реальность / Г. Витковская, Ж. Зайончковская // Россия и ее регионы в XX веке: территория — расселение — миграции ; под ред. О. Глезер и П. Поляна. М. : ОГИ, 2005. С. 552–572.
  112. Витковская Г. С. Незаконная миграция в России: ситуация и политика противодействия / Г. С. Витковская // Нелегальная миграция ; Центр по изучению проблем народонаселения МГУ им. М. В. Ломоносова. М. : Макс Пресс, 2002. С. 11–35.
  113. Вишневский А. Г. Альтернативы миграционной стратегии для России и политика идентичности / А. Г. Вишневский // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России ; отв. ред. В. С. Магун. М. : Изд-во Ин-та социологии РАН, 2006. С. 305–321.
  114. Гениатулин Р. Ф. Вектор движения. О путях вывода экономики области из кризиса и основных направлениях деятельности Администрации Читинской области / Р. Ф. Гениатулин // Историко-экономич. науч. журн. Чита — Иркутск, 1997. № 2. С. 9–10.
  115. Дахин В. Н. Политические аспекты современной миграции / В. Н. Дахин // Государственная служба. 2007. № 2. С. 46–52.
  116. Дибирдеев В. И. Миграционные процессы в восточных регионах России и их информационное отражение / В. И. Дибирдеев // Вопросы статистики. 2007. № 4. С. 57–64.

117. Дудченко Г. Китай и Дальний Восток России: к вопросу о демографическом дисбалансе / Г. Дудченко // Вестник Евразии. 2002. № 3. С. 142–149.
118. Дятлов В. И. Внешние миграции на востоке России как проблема национальной безопасности / В. И. Дятлов // Россия и Восток: взгляд из Сибири : материалы и тезисы докладов к XI Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 13–16 мая 1998 г. ; под ред. В. И. Дятлова и В. П. Олтаржевского. Иркутск, 1998. С. 188–193.
119. Зайончковская Ж. А. Иммиграция: путь к спасению или Троянский конь? / Ж. А. Зайончковская, Е. В. Тюрюканова // Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2008: Россия перед демографическими вызовами. Гл. 5. М. : ПРООН, 2009. С. 112–124.
120. Зайончковская Ж. Миграции и демографическое будущее Сибири и Дальнего Востока / Ж. Зайончковская // Россия и ее регионы в XX веке: территория — расселение — миграции ; под ред. О. Глезер и П. Поляна. М. : ОГИ, 2005. С. 479–490.
121. Заостровцев А. Провалы государства и провалившиеся государства / А. Заостровцев // Нева. 2008. № 2. С. 137–156.
122. Злотник Х. Тенденции международной миграции в последней трети XX века / Х. Злотник // Миграционная ситуация в странах СНГ ; под ред. Ж. А. Зайончковской; Центр изучения проблем вынужд. миграции в СНГ; Независ. исслед. совет по миграции стран СНГ и Балтии. М. : Комплекс-Прогресс, 1999. С. 19–55.
123. Иноземцев В. Л. Иммиграция: новая проблема нового столетия / В. Л. Иноземцев // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 64–72.
124. Ионцев В. А. Классификация основных научных подходов в изучении миграции населения / В. А. Ионцев // Миграция населения: Вып. 1. М. : ИЭА РАН, 2001. С. 52–71.
125. Касьянова А. А. Канада и «безопасность личности»: концепция и политика / А. А. Касьянова // США и Канада: экономика — политика — идеология. 2002. № 8. С. 36–53.
126. Кокшаров А. Европа на игле миграции / А. Кокшаров // Эксперт. 2002. № 37. С. 56–60.
127. Ларин А. Г. Китайские мигранты и российский правопорядок / А. Г. Ларин // Азия и Африка сегодня. М., 2007. С. 37–40.

128. *Моисеенко В. М.* Миграция как объект комплексного исследования / В. М. Моисеенко // Народонаселение: современное состояние и перспективы развития научного знания : сб. докладов / МГУ, эконом. ф-т; Центр по изучению проблем народонаселения. М., 1997. С. 23–30.
129. *Портяков В.* Новые китайские мигранты в России: промежуточные итоги / В. Портяков // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 3. С. 39–49.
130. *Портяков В.* Российский вектор в глобальной китайской миграции / В. Портяков // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 2. С. 10–21.
131. *Потемкина Т. В.* Миграционные процессы в современной системе международных отношений / Т. В. Потемкина // Государство и гражданское общество: политика, экономика, право. 2008. № 3. С. 116–122.
132. *Рязанцев С.* Миграционные тренды и международная безопасность / С. Рязанцев // Международные процессы. 2003. Т. 1, № 3 (3). С. 30–43.
133. *Сизикова Л. И.* Места хватит всем... [интервью с руководителем УФМС России по Забайкальскому краю Сизиковой Л. И.] // Экстра. 2008. № 13 (584).
134. *Солт Дж.* Международная миграция в регионе европейской экономической комиссии ООН: формы, тенденции, политика / Дж. Солт // Междунар. журн. социальных наук. 2001. № 32. С. 81–99.
135. *Тарасов А.* Китайцы в Забайкалье / А. Тарасов // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 5. С. 61–78.
136. *Тарасов А. П.* Рынок труда в Забайкалье / А. П. Тарасов // Эффект. 2009. № 46 (813).
137. *Топилин А. В.* Фактор миграции и демографический кризис в России / А. В. Топилин // Экономист. 2001. № 11. С. 56–63.
138. *Тюрюканова Е.* Трудовая миграция из стран СНГ и новые практики эксплуатации труда / Е. Тюрюканова // Международная миграция: Каир + 10. М., 2004.
139. *Цапенко И. П.* Движущие силы международной миграции населения / И. П. Цапенко // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 3. С. 3–14.
140. *Цай Кайфу.* Приграничная торговля в провинции Хэйлунцзян: состояние и перспективы / Цай Кайфу // Проблемы Дальнего Востока. 1994. № 5. С. 64–69.

141. *Чесноков А. С.* Миграционная проблематика в современных парадигмах международных отношений: неореализм, неолиберализм и неомарксизм / А. С. Чесноков // Известия Урал. гос. ун-та. 2008. № 61. С. 134–145.
142. *Шарапов А.* Согласование приоритетов миграционной политики / А. Шарапов // Государственная служба. 2009. № 1 (57). С. 50–54.
143. *Шевцова Т.* Китайская миграция в России / Т. Шевцова // Власть. 2005. № 8. С. 44–55.

Литература на иностранных языках

144. *Castles S.* The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World / S. Castles, M. Miller. London, Macmillan, third edition, 2003. 369 p.
145. *Fawcett J. T.* Explaining diversity: Asian and Pacific immigration systems. Pacific bridges: The new immigration from Asia and the Pacific Islands / J. T. Fawcett, F. Arnold, B. V. Carino (eds). New York: Center for Migration Studies, 1987. P. 453–473.
146. *House J.* Frontier on the Rio Grande. A Political Geography of Development and Social Deprivation / J. House. Oxford: Clarendon Press, 1982. 436 p.
147. *Kritz M.* Global trends in migration: theory and research on international population movements / edited by Mary M. Kritz, Charles B. Keely & Silvano M. Tomasi. Staten Island, N. Y.: Center for Migration Studies, 1981. 433 p.
148. *Kritz M.* International Migration Policies: Conceptual Problems / M. Kritz // International Migration Review, 1987. Vol. 21, № 4. P. 947–966.
149. *Kritz M.* International Migration Systems: A Global Approach / edited by M. M. Kritz, L. L. Lim and H. Zlotnik, eds. Oxford: Clarendon Press, 1992. 354 p.
150. *Massey D. S.* An Evaluation of International Migration Theory: The North American Case / D. S. Massey; J. Arango; G. Hugo; A. Kouaouci; A. Pellegrino; J. E. Taylor // Population and Development Review, 1994. Vol. 20, № 4. P. 699–751.
151. *Massey D. S.* Theories of international migration: a review and appraisal / D. S. Massey, J. Arango, G. Hugo, J. E. Taylor // Population and development review, 1993. Vol. 19 (3). P. 431–466.

152. **Organized Crime Moves into Migrant Trafficking / Trafficking in Migrants: Migration Information Program // International Organization of Migration, June 1996. № 11.**
153. **Prescott J. Boundaries and Frontiers / J. Prescott. Totowa: Rowman and Littlefield, 1978. 210 p.**
154. **Ravenstein E. G. The laws of migration / E. G. Ravenstein // Journal of the Statistical Society, 1889. Vol. 52. P. 214–301.**
155. **Recommendations on Statistics of International Migration. Revision 1 // Department on Economic and Social affairs. Statistics Division. Statistical Papers, Series. M., 1998. № 58.**
156. **Salt J. Migration and Population Change in Europe / J. Salt // UNIDIR research paper. № 19. Geneva ; N Y., 1993. 71 p.**
157. **Simmons A. Teaching Migration and Globalisation / A. Simmons, V. Piche // GENUS, 2002. Vol. LVIII (3–4).**
158. **Skeldon R. Linkages between migration and poverty: the Millennium Development Goals and population mobility / R. Skeldon // International Migration and the Millennium Development Goals. New York, United Nations Population Fund, 2005. P. 55–63.**
159. **Skeldon R. Migration and Development: A Global Perspective / R. Skeldon. London : Longman, 1997.**
160. **Skeldon R. Migration and migration policy in Asia: a synthesis of selected cases / R. Skeldon // T. Siddiqui (ed.). Migration and Development: Pro-poor Policy Choices. Dacca, The University Press, 2005. P. 15–37.**
161. **Skeldon R. The Chinese diaspora or the migration of Chinese peoples? / R. Skeldon // L. J. C. Ma and C. Cartier (eds.) The Chinese Diaspora: Space, Place, Mobility, and Identity, Lanham, Rowman and Littlefield, 2003. P. 51–66.**
162. **Stark O. The Migration of Labour / O. Stark. Oxford: Basil Blackwell, 1991.**
163. **UN Development Program // Human Development Report, 1994. New York, 1994.**
164. **UN Development Program // Human Development Report, 1999. New York, 1999.**
165. **Zlotnik H. International Migration 1965–96: an overview / H. Zlotnik // Population and Development Review, 1998. Vol. 24, № 3. P. 429–468.**
166. **Zlotnik H. The Concept of International Migration as Reflected in Data Collection Systems / H. Zlotnik // International Migration Review, 1987. Vol. 21, № 4. P. 925–946.**

167. *Zlotnik H. South-to-North Migration since 1960: the view from the North / H. Zlotnik // Population Bulletin of the United Nations, Nos. 31/32, 1991. P. 17–37.*

Справочные материалы

168. Аналитический отчет УФМС России по Забайкальскому краю, 2010.
169. Международное сотрудничество и внешнеэкономические связи Читинской области в 2007 г. / Комитет международного сотрудничества, внешнеэкономических связей и туризма Читинской области. Чита: Экспресс-издательство, 2007. 124 с.
170. Международное сотрудничество, внешнеэкономические связи и туризм Забайкальского края в 2008 г. / Министерство международного сотрудничества, внешнеэкономических связей и туризма Забайкальского края. Чита: Экспресс-издательство, 2009. 108 с.
171. Международное сотрудничество, внешнеэкономические связи и туризм Забайкалья в 2009 г. / Министерство международного сотрудничества, внешнеэкономических связей и туризма Забайкальского края. Чита: Экспресс-издательство, 2010. 124 с.
172. Основные результаты служебной деятельности УФМС России по Забайкальскому краю за 2008–2009 гг. Чита, 2009, 2010.
173. Статистический ежегодник Забайкальского края. 2009 : сб. статей / Забайкалкрайстат. Чита, 2009. 289 с.

Электронные ресурсы

174. *Андриченко Л. В. Законодательство в сфере миграции: проблемы и перспективы. / Л. В. Андриченко, Л. Н. Васильева. URL: <http://www.lawmix.ru/comm/675/> (дата обращения: 12.12.2010).*
175. *Аннан К. Международная миграция и развитие : доклад Генерального секретаря ООН на 16 сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Нью-Йорк, 2006. URL: <http://unbisnet.un.org:8080/ipac20/> (дата обращения: 19.05.2009).*
176. *Аннан К. Мониторинг мирового населения, посвященный международной миграции и развитию: доклад Генерального секретаря ООН на 39-й сессии Комиссии по народонаселению и развитию. 3–7 апреля 2006 г. URL: unbisnet.un.org:8080/ipac20/ (дата обращения: 19.05.2009).*

177. *Балуев Д. Г.* Современная мировая политика и проблемы личностной безопасности: монография / Д. Г. Балуев. Нижний Новгород, 2002. URL: www.kis.ru/~dbalu (дата обращения: 04.09.2009).
178. Бизнес для смелых. Власти Читинской области объявили о поддержке лесопромышленников / Zabmedia. Портал Забайкальского края. URL: <http://zabmedia.ru> (дата обращения: 10.07.2010).
179. *Боронин О.* Чего ждать России от китайской диаспоры: хуацяо в других странах / О. Боронин. URL: <http://www.hmao.spravedlivo.ru> (дата обращения: 08.07.2010).
180. Будущее миграции: создание потенциала для перемен: Всемирный доклад по миграции MOM. 2010. URL: www.iom.int (дата обращения: 22.12.2010).
181. Внешнеэкономические связи КНДР. URL: kore-saram.ru/ (дата обращения: 02.02.2010).
182. Вступительное слово Д. А. Медведева на совещании по вопросам социально-экономического развития Забайкальского края. Чита, 19 февраля 2009 г. URL: [http:// президент. РФ/выступления/3247](http://президент.рф/выступления/3247) (дата обращения: 21.02.2009).
183. Выступление В. В. Путина на деловом Саммите АТЭС (Шанхай, 2001г.) URL: http://asiapacific.narod.ru/countries/apr/putin_speech.htm (дата обращения: 05.04.2010).
184. *Гельбрас В. Г.* Перспективы китайской миграции в Россию / В. Г. Гельбрас. URL: [http://www.statusquo.ru / article_777.html](http://www.statusquo.ru/article_777.html) (дата обращения: 10.11.2010).
185. Германское правительство признает провал мультикультурной политики: Алтайская школа политических исследований. URL: <http://ashpi.asu.ru> (дата обращения: 23.12.2011).
186. *Голунов С. В.* Безопасность пограничных пространств / С. В. Голунов // Международные процессы. 2007. Т. 5, № 2 (14). URL: <http://www.intertrends.ru/> (дата обращения: 12.03.2008).
187. Доклад Международной конференции по народонаселению и развитию : программа действий Междунар. конф. по народонаселению и развитию. Гл. X : Международная миграция (п. 10.1). Каир, 5–13 сентября 1994 г. ООН. Нью-Йорк, 1995. URL: <http://www.un.org/> (дата обращения: 26.02.2008).
188. «Жэньминь жибао» он-лайн: 56 % населения Китая живут в сельской местности. URL: <http://russian.people.com.cn/> (дата обращения: 02.12.2011).

189. Забайкальская лесная товарная биржа. URL: <http://zabmedia.ru> (дата обращения: 12.10.2011).
190. Забайкальские пограничники задержали 60 нарушителей границы / Zabmedia. Портал Забайкальского края. URL: <http://zabmedia.ru> (дата обращения: 12.10.2011).
191. *Зайончковская Ж. А.* Китайцы в России: угроза или спасение? / Ж. А. Зайончковская. URL: <http://www.eraa.ru/> (дата обращения: 04.05.2010).
192. *Ивахнюк И.* Две миграционные системы в Европе: тенденции развития и перспективы взаимодействия : доклад на 4-й Регион. конф. Совета Европы «Миграционная политика накануне расширения ЕС: Вызовы будущему сотрудничеству в Восточной Европе». Киев, 9–10 октября 2003 г. URL: <http://www.archipelag.ru/agenda/> (дата обращения: 25.08.2010).
193. Международная миграция и развитие : доклад ООН. 2010. URL: <http://www.un.org/> (дата обращения: 19.05.2009).
194. Меркель: концепция мультикультуранности не работает. BBC: Русская служба. URL: <http://www.bbc.co.uk/russian/shtml> (дата обращения: 23.12.2011).
195. Миграция и денежные переводы: статистический справочник за 2011 год: доклад Всемирного банка: URL: <http://web.worldbank.org> (дата обращения: 23.12.2010).
196. Миграция из Китая в Россию и Центральную Азию: мифы и реальность : интервью с президентом Академии наук северо-восточной китайской провинции Хэйлунцзян профессором Цю Вэй (Qu Wei). URL: <http://www.kazinform.kz> (дата обращения: 05.04.2009).
197. *Минакир П.* Интеграция российского Дальнего Востока в АТР и СВА: возможности и реальности / П. Минакир. URL: <http://www.nasledie.ru> (дата обращения: 10.03.2010).
198. Министерство трудовых ресурсов и социального обеспечения Китая: Агентство Синьхуа. URL: <http://russian.cri.cn> (дата обращения: 16.11.2010).
199. Мир выходит из кризиса. 6 июня. 2010. URL: <http://www.rg.ru> (дата обращения: 06.06.2010).
200. Народонаселение и социальная интеграция: ООН: Экономический и Социальный Совет: Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана : четвертая сессия. 26–28 ноября 2007 г., Бангкок. URL: <http://www.unescap.org> (дата обращения: 12.06.2010).

201. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие : доклад ООН о развитии человека. 2009. URL: <http://www.un.org/> (дата обращения: 19.05.2009).
202. РАО «БУМПРОМ» : новости и комментарии. URL: <http://www.bumprom.ru> (дата обращения: 01.11.2011).
203. Сравнение международных данных по миграции между Швецией и Нидерландами: Евростат, 2010. URL: <http://www.unecsc.org/> (дата обращения: 11.02.2010).
204. *Титаренко М. Л.* Россия и Китай — партнеры ради мира / М. Л. Титаренко // Обозреватель. № 5–6 (136–137). URL: <http://www.rau.su/observer> (дата обращения: 25.01.2011).
205. *Тишков В. А.* Миграционная политика как угроза национальной безопасности России : выступление на слушаниях в ГД РФ 10 декабря 2003 года / В. А. Тишков. URL: <http://old.russ.ru/politics/20021217-tishkov.html> (дата обращения: 11.07.2008).
206. *Фененко Ю. В.* Миграция и безопасность в России / Ю. В. Фененко // Институт развития гражданского общества и местного самоуправления. URL: www:c-society.ru (дата обращения: 26.01.2008).
207. Экономика не дорабатывает. URL: <http://www.regnum.ru/news> (дата обращения: 23.10.2011).
208. Экономический и Социальный Совет : резюме обзора социального и экономического положения в Азиатско-Тихоокеанском регионе за 2010. Основная сессия 28 июня — 23 июля 2010. Нью-Йорк. URL: <http://www.un.org/ru/ecosoc/escap/> (дата обращения: 04.10.10).
209. China Statistical Yearbook, 2001: URL: <http://www.sei.gov.cn/hgjj/yearbook/2001/indexE.htm> (дата обращения: 16.11.2010).
210. Costs and Benefits of International Migration: World Migration. 2005. URL: <http://www.iom.int/> (дата обращения: 03.08.10).
211. *Hong Liu.* The Chinese Overseas: New Migrants and the Revival of Overseas Chinese Nationalism. 2006. URL: <http://books.google.ru> (дата обращения: 16.11.2010).
212. *Hugo G.* The Future of Migration Policies in the Asia-Pacific Region URL: <http://iom.int/jahia/Jayia/policy-research/> (дата обращения: 28.09.2010).
213. Immigrants are starting to head back home // Newsweek. 17 March. 2009. URL: <http://www.oecd-berlin.de/> (дата обращения: 20.03.2009).
214. International Migration Outlook: SOPEMI. 2010. URL: <http://www.oecd-berlin.de/newsletter/> (дата обращения: 19.12.2010).

215. International Organization for Migration: Facts & Figures. URL: <http://www.iom.int/> (дата обращения: 16.11.2010).
216. International Organization for Migration: World Migration Report 2000. URL: <http://www.publications.iom.int> (дата обращения: 16.11.2010).
217. *Massey D. S. A synthetic Theory of International Migration / D. S. Massey // The World in the Mirror of International Migration. Scientific series «International Migration: Russia and the Contemporary World». Vol. 10. Moscow MAX Press: 2002.* URL: <http://demostudy.econ.msu.ru> (дата обращения: 24.03.2009).
218. *Migration without Borders: Essays On The Free Movement Of People. Edited By Antoine Pécoud And Paul De Guchteneire. UNESCO Publishing, Paris and Berghahn Books, New York, Oxford, 2007.* URL: <http://unesdoc.unesco.org> (дата обращения: 26.11.2008).
219. *Skeldon R. China: From Exceptional Case to Global Participant: Migration Information Source / R. Skeldon.* URL: <http://www.migrationinformation.org/> (дата обращения: 25.01.2011).
220. *Simons L. M. Enter the dragon: building the Chinese Powerhouse / L. M. Simons, M. Zielenziger.* URL: <http://academic.brooklyn.cuny.edu/> (дата обращения: 08.10.2010).
221. *Statistical Yearbook for Asia and the Pacific: 2009. 24 March 2010.* URL: <http://www.unescap.org/> (дата обращения: 10.06.2010).
222. *Trends in international migrant stock: the 2008 Revision.* URL: <http://www.unclef.com/> (дата обращения: 19.05.2009).
223. *World Population Prospects: The 2008 Revision Population Database. United Nations. Department of Economic and Social Affairs.* URL: <http://elsa.un.org/unpp/> (дата обращения: 10.02.2009)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ	7
1.1. Системный подход в изучении международной миграции	7
1.2. Особенности понятийного аппарата в исследовании международной миграции	29
ГЛАВА 2. МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДУЕМОЙ ПРОБЛЕМЫ	46
2.1. Исторические предпосылки формирования современных тенденций международной миграции	46
2.2. Политическое измерение современной международной миграции	58
ГЛАВА 3. «НОВАЯ» КИТАЙСКАЯ МИГРАЦИЯ В РАЗВИТИИ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ	77
3.1. Основные тенденции и специфика китайских миграционных потоков в Азиатско-Тихоокеанской миграционной системе	77
3.2. Региональные особенности китайской миграции (на примере Забайкальского края)	91
3.3. Китайское присутствие в Забайкалье	107
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	134
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	140

Научное издание

Козыкина Наталья Владимировна

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ:
СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Монография

Редактор *Е. Е. Крамареvская*
Корректор *Е. Е. Крамареvская*
Компьютерная верстка *Н. Ю. Михайлов*
Отвественный за выпуск *Н. А. Юдина*

Подписано в печать 05.02.2013.

Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 10,13. Усл. печ. л. 10,53. Тираж 500 экз. Заказ № 537.

Издательство Уральского университета
620000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ.
620000, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13.

Факс: +7 (343) 358-93-06.

E-mail: press.info@usu.ru